

2
2025

2
(126)

Отчий край

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

**К 80-летию
Великой Победы**

Литературно -
художественный
иллюстрированный
журнал

Отчий край

ПРОЩАНИЕ. Вадим Жуков

ЦВЕТУЩИЙ МАЙ. Пётр Жаглин

ВETERАН. Вадим Жуков

Основан в 1994 году В. Б. Смирновым

*Лауреат Всероссийской литературной премии
«Сталинград»,
Государственной премии Волгоградской области,
премии имени Виктора Канунникова*

2 (126)
2025

ОТЧИЙ КРАЙ

Главный редактор
Ольга КРЮЧЕНКОВА

Шеф-редактор
Василий СТРУЖ

Художественный редактор
Вадим ЖУКОВ

Технический редактор
Кадрия ТАШЛАНОВА

Корректор
Валентина КРАВЧЕНКО

Художник обложки
Евгений ГУДИМЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр ЛЕПЕЩЕНКО,
директор ГБУК ВОУНБ имени М. Горького,
председатель редакционного совета,
член Союза писателей России

Александра ЕРОНОВА,
заведующая отделом «Редакционно-издательский центр»
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Татьяна БУХТИНА,
кандидат философских наук, общественный деятель

Лариса ТРОПКИНА,
директор лицея № 5 имени Ю. А. Гагарина,
депутат Волгоградской городской Думы

Лариса ЖАРАВИНА,
доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы и методики ее преподавания ВГСПУ

Василий СУПРУН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Александр МЛЕЧКО,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской филологии и журналистики ВолГУ

Елена ТИШИНА,
кандидат филологических наук,
доцент Московского университета «Синергия»

Ольга НАЗАРОВА,
заведующая сектором краеведения
ГБУК ВОУНБ имени М. Горького

Роман ШКОДА,
кандидат экономических наук, главный редактор
интернет-издания «Царицын.рф»

Александр РОМАШКОВ,
председатель совета ветеранов Волгоградской
областной организации «Союз журналистов России»

Анатолий ЕГИН,
кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ,
член Союза писателей России

Александр КОЛОМЫТКИН,
директор ГКУВО ГАВО

Александр ТКАЧЕНКО,
кандидат политических наук,
почетный член Союза журналистов России

Петр ХАРИТОНЕНКО,
историк, краевед

Людмила ДУДОВА,
кандидат филологических наук, профессор кафедры
ЮНЕСКО РГПУ имени А. И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

Борис ЕКИМОВ. Праздники 17

ЭПОХА

Евгений МАЛЮТА, Александр ТКАЧЕНКО. Волжский бастион
полкового комиссара Шолохова 157

СКРЕПЫ ИСТОРИИ

Николай ЛЕДНЕВ. Воспоминания солдата 6

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ. Однажды или никогда 38

ВЕРБА. Феникс 64

Владимир ГОЛУБЕВ. Деревянный танк 83

Нина ГЕЙДА. Витькина колыбель 215

Виталий РУЧКИН. Мёртвые сраму не имут 231

ПОЭЗИЯ

Михаил ЛУКОНИН. Сталинградский театр 4

Фёдор СУХОВ. «Всепобеждающее слово „Сталинград“» 11

Игорь ВОЛГИН. «Когда последний ветеран...» 24

Виктор КУЛЛЭ. «Но они победили!» 62

Сергей ДОНБАЙ. «Читаю книгу о войне...» 80

Никита САМОХИН. Взрослые дети 128

Елизавета ИВАННИКОВА. «Мы выросли под вишнями цветущими...» 187

Николай МАЗАНОВ. Объединяющая память 207

Иван НЕЧИПОРУК. «Ангелы где-то рядом...» 225

Дмитрий АРТИС. «И как будто сотню лет нет войны и смерти нет» 243

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Николай ЛИСТОПАДОВ. Что-то есть... 195

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

Татьяна БАТУРИНА. Рассказы о защитниках Отечества 118

Наталья ПРОКУРОВА. Солдат Победы 203

СКРЕПЫ СУДЬБЫ

Александр СМИРНОВ. А поиск документов времён войны продолжается... 250

СТАЛИНГРАДСКИЙ ТЕАТР

и слушал долгий звон;
вмерзая в ледяной настил,
лежать остался он.

На сцену —
 за колосники,
со сцены —

 в первый ряд,
прицеливаясь с руки,
двинулся

 наш отряд.
К суфлёрской будке
 старшина

припал
и бил во тьму.

И
 история сама
суфлировала ему.
Огнём поддерживая нас,
в боку зажимая боль,
он без позы и без прикрас
сыграл

 великую
 роль.

Я вспомнил об этом,
 взглянув вчера
на театр в коробке лесов.
Фанерную дверь его по вечерам
сторож берёт на засов.
Строители утром идут сюда,
чтобы весной
театр засиял,
 как никогда,
красками и новизной.

Я шёл,
 и шёл,
 и думал о тех,
кому на сцене жить.
какую правду
 и в слёзы,
 и в смех

должны они вложить!
Какие волнения им нужны,
какие нужны слова,
чтоб после подвига старшины
искусству
 вернуть
 права!

*Сталинград — Москва
1946*

Николай ЛЕДНЕВ

Воспоминания солдата

В ночь на 8 февраля 1943 года, окутанная темнотой, бесшумно двигалась наша часть от Батайска к Дону. При этом два батальона (третий и четвертый) шли левее железнодорожного полотна и должны были у станции Верхне-Гниловской обойти немцев слева, нанести им удар с тыла и захватить Центральный вокзал и прилегающую к нему площадь. А наш и второй батальон двигались вдоль железной дороги с правой ее стороны. Разведчики предварительно прошли Дон и без единого выстрела сняли немецкую охрану. Путь на Ростов был свободен.

В темноте и в сильном тумане немцы нас не видели. Они и не думали, что мы вот так, сразу, без артиллерийской подготовки в ночь пойдем на Ростов.

Почти без единого выстрела перешли Дон. Но вдруг ночную тишину прорезали автоматные очереди. Наш батальон, опрокидывая встречающиеся группы немцев, быстро овладел пригородным вокзалом и некоторыми зданиями на привокзальной площади. С юга в это время ворвались в Центральный вокзал бойцы третьего и четвертого батальонов и захватили его. Так, в течение нескольких ночных часов нами были захвачены железнодорожный вокзал города и ряд зданий на привокзальной площади, вплоть до улицы Энгельса и завода имени Ленина. Сделав это, мы поняли, что в Ростов попали только подразделения 159-й отдельной стрелковой бригады. Другие же воинские части 28-й армии, встретив упорное сопротивление противника, в эту ночь наступление прекратили.

ЛЕДНЕВ Николай Дмитриевич (1924—1994) родился в селе Песковатка Дубовского района Сталинградской области. Во время Великой Отечественной войны был рядовым пулеметной роты первого батальона 159-й отдельной стрелковой бригады 28-й армии. Воспоминания Н. Д. Леднева предоставлены для публикации в журнале его внуком — волгоградским поэтом Н. М. Самохиным.

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

В окружении командирам пришлось нелегко. Надо было срочно организовать круговую оборону, правильно разместить огневые средства. Пулеметная рота, куда входил и наш расчет, быстро заняла позиции. И сразу же на рассвете немцы начали наступление. Появились несколько танков с автоматчиками. Однако пулеметно-автоматный огонь остановил их, а вражеские танки были подожжены. Атака захлебнулась. Но враг не унимался. За первой атакой последовала вторая, третья и так до десяти в день. Прикрываясь броней машин, вражеские автоматчики предпринимали попытки выбить нас из вокзала. Однако не дремали и мы: подпускали фашистов как можно ближе и уничтожали их, поджигали танки, но ни на один шаг не отходили назад. В груди каждого из нас было страстное желание поскорее разгромить врага и освободить город. Немцы, обычно не воевавшие ночью, в первые дни осады предпринимали атаку за атакой даже в полночь. Без сна и отдыха дрались русские солдаты.

Утром второго дня враг начал новое наступление. Прикрываясь танками, шли автоматчики. Первым выстрелом танк попал в угол здания, где размещался наш пулеметный расчет. Стена закачалась и рухнула. Поднялась густая и едкая пыль. Фашисты думали, что точка подавлена, но пулемет работал как ни в чем не бывало, отсекая боевые машины от автоматчиков. Немцы заметались. Некоторые поспешили укрыться в ближайших домах, другие залегли там же, на мостовой.

В развалинах фашисты напоролись на штыки наших солдат, а тех, кто остался на улице, мы просто перестреляли. Досталось и танкам: одна за другой загорелись две машины, три другие повернули назад. Ранним утром второго дня захлебнулась первая атака. Но за ней было еще пять не менее яростных, хотя и они оказались безрезультатными. Врагам не удалось продвинуться ни на шаг. «Лучше погибнуть, чем отдать вокзал» — так говорили многие.

В этот день с самолета разбросали листовки, в которых немцы предлагали нам свободный выход из окружения. Провокацию все поняли правильно. Назад хода нет! Только держаться, несмотря на то что боеприпасы заканчивались, а продовольствие отсутствовало. Но мы надеялись на помощь.

Посему решено было оружие добывать у фашистов. Это очень нам помогало. Немцев стали бить их же оружием, и оставшиеся патроны для винтовок передавали нам, пулеметчикам, для набивки ими пулеметных лент.

На рассвете третьего дня на наши позиции обрушился очередной шквал огня. Снова пошли танки, а за ними автоматчики. И снова разгорелся ожесточенный бой. Особенно горячо пришлось поработать нам. Наш пулемет строчил непрерывно и от этого кипел как самовар: в ребристом кожухе клочкотал кипятилок, из пароотводной трубки хлестал горячий пар. Стрелять теперь было бесполезно: раскаленный ствол изрыгал не пули, а сгустки расплавленного свинца. Однако автоматчиков наши уничтожили. Повернули назад и танки. Так советские воины сорвали первую за этот день атаку.

Фашистское командование, раздраженное упорным сопротивлением, бросило вперед новые силы.

Тогда я очень волновался. И вовсе не от страха. Его теперь не было и в помине. Боялся, как бы не вышел из строя пулемет. «Максим» своенравен: чуть что не так — откажет. Такие капризы называются «задержками». По положению их насчитывается пятнадцать. Да плюс много неуставных,

выявляемых обычно на практике, в бою. Я вдруг взмолился: «Максимушка, милый, не выдай! Родной, не подведи, не откажи!» А сержант, в подтверждение моих слов, смачно выругался и сказал: «Ну, держитесь, гады!» И наш пулемет начал строчить ровно и спокойно. Только на этот раз дело дошло до рукопашной. Многие ничего не ели, но воспаленные глаза пылали гневом и ненавистью, что придавало силы. Так и вторая атака была успешно отражена, а у убитых немцев собрано много автоматов с боеприпасами, несколько ручных пулеметов. Даже принесли целую аптечку с бинтами, чего нам очень недоставало.

Тем временем в городе раздавались глухие взрывы: немцы разрушали жилые дома, промышленные и культурно-бытовые предприятия. Многочисленные пожары в разных его частях обозначались густыми клубами черного дыма. Дым заполнял улицы, переулки, низко стлался по земле.

В полдень мы услышали выстрелы. Они доносились со стороны Батайска. На глазах ожила надежда. Это были наши.

В непрерывных боях прошел и этот день. Наступила светлая лунная ночь.

А наутро овеванная свежим ветром земля и кирпичные здания опять задрожали, снова затянулись дымом и пылью. Страшный треск разрывов тяжелых снарядов оглушил нас.

После массированного артиллерийского обстрела на улицы вышли фашисты. Они уверенно зашагали по направлению к вокзалу. Немцы шли в «психическую атаку». Из синего дыма они возникали словно из-под земли: развернутым строем, тремя плотными шеренгами, держа равнение и, как на параде, двигаясь в сторону наших позиций. В движениях солдат наблюдалась несвойственная им ухарская беспечность. Некоторые сильно размахивали руками, кричали. Однако эта храбрость держалась не только на водке. Они догадывались, что боеприпасы у нас были на исходе.

Немцы подходили всё ближе, но мы молчали — берегли патроны. Стояла странная, почти невыносимая тишина. Холодные мурашки противно щекотали спину. Жуткая картина: люди — молодые парни — лезут на пулеметы и автоматы. На явную смерть. На чужой земле. Во имя чего? Кто они, эти смертники? Головорезы-убийцы? Фанатичные фашисты? Сумасшедшие? Штрафники? Всё ближе, ближе. Вот-вот ворвутся в здание вокзала, и тогда, кем бы они ни были, пощады не будет.

Раздалась команда открыть огонь. Наш пулемет строчил с рассеиванием на всю ширину вражеского строя. Фланкирующий огонь самый губительный, да еще с такой короткой дистанции. В рядах наступающих сразу появляются проплешины.

Несмотря на ограниченность патронов, наши пулеметы продолжали бить по ближайшим целям. В это время солдаты с криками «Ура!» бросились в штыковую. Слышались лишь лязг штыков да короткие выстрелы. Со стопами падали раненые, хрипели умирающие. Много фашистов полегло в этой короткой схватке. Недосчитались мы и своих. Жаль ребят, но они одержали победу: атака была отбита, немцы отступили.

В третий день враг осуществил еще несколько попыток выбить нас из здания вокзала, но эта атака оказалась наиболее яростной. Серьезность положения понимал каждый, однако, полуголодные и плохо вооруженные, мы верили в победу.

Николай Дмитриевич Леднев. Июнь 1944 года

И вот настал четвертый день осады — 11 февраля, самый тяжелый день нашего батальона. Погиб комбат, и в других подразделениях были большие потери. К этому времени вокзал стал центром сражения за Ростов.

На помощь к нам пришли жители города, которые ночью пробрались в развалины вокзала и доставили сухари и другие продукты. Еды было мало, но мы чувствовали, что не одни.

Как и предыдущие дни, четвертый день осады начался с ожесточенного наступления немцев. И снова первыми шли танки. Однако теперь не подходили близко — боялись противотанковых ружей и бутылок с горючей жидкостью. С большого расстояния они начали обстрел всех зданий, и в особенности тех мест, где, по их мнению, располагались пулеметные точки и наибольшее скопление солдат.

Прямым попаданием снаряда был разбит наш пулемет, погибли двое, а меня сильно контузило. По этой причине я не знал, как отбили атаку, а когда очнулся, стояла тишина, как будто нет войны, нет взрывов.

В санитарном пункте было много раненых. Полученная мною еще в Батайске рана правой ноги нестерпимо болела, нога сильно распухла, а тут вдобавок и полная глухота от контузии. Медсестра перевязала ногу, и мне стало легче.

В этот день противник бросил на нас самолеты. На головы защитников железнодорожного вокзала посыпались бомбы. Не встречая сопротивления, фашистские летчики с небольшой высоты бомбили Центральный вокзал и примыкающие к нему полуразрушенные здания. Укрывшись в подвалах, мы ждали.

После бомбежки немцы снова устремились на наши позиции. И снова началась ожесточенная схватка, но и она закончилась победой советских войск. Зато после бомбежки загорелся уголь, которого в пакгаузах было очень много. Огромные языки пламени окружили нас. Пожар разгорался. В воздухе носились хлопья пепла. Дышать становилось трудно. Враги торжествовали. Они считали, что теперь-то русским пришел конец. И, воспользовавшись пожаром, шли в атаку, но вновь натыкались на стальную стену нашей обороны. Однако помимо непрерывных штурмов фашистов теперь нас теснил огонь. Кто-то из местных жителей предложил переместиться на паровозоремонтный завод имени Ленина. Но сделать это можно было, только прорвав кольцо немцев или пройдя через склады с горящим углем. Командование решило идти через огонь, и все, намочив валенки, бегом пробежали через море огня и пронесли с собой еще и раненых. Так в ночь на 12 февраля 1943 года мы вырвались из вокзала, заняв оборону на заводе. Мне и другим раненым пришлось укрыться в каком-то из заводских зданий, там мы провели весь пятый день осады. Однако и он не прошел спокойно. Фашисты, видя, что мы ускользнули от них, начали ураганный артиллерийский обстрел завода и бомбежку его с воздуха. Автоматчики пытались уничтожить остатки нашей пулеметной роты и батальона, но это им не удалось.

В ночь на 13 февраля командиры решили перебираться к берегу Дона, силой вырваться из окружения. Было очень темно и тихо. Даже не верилось, что кругом немцы. Шли быстро, раненых несли на руках. Но вот впереди завязалась перестрелка, послышались разрывы гранат. Солдаты, несмотря на огонь, продолжали движение. Поняв наш расчет, противник усилил сопротивление, и колонна, в которой находился я, отклонилась от цели. Она не попала на берег, а наоборот — оказалась на территории хлебозавода. Опять мы заняли круговую оборону оставшимися силами и почти без боеприпасов. В течение дня фашисты несколько раз атаковали хлебозавод, но наши солдаты отразили все атаки, а вечером стрельба прекратилась.

Ночью 14 февраля мы слышали многочисленные выстрелы орудий. Это были наши. Они били то в один, то в другой конец города. Штурм Ростова начался в два часа ночи, и вскоре в город вошли части 28-й армии, а немцы позорно бежали.

Теперь, когда солдаты после шести суток изнурительного сражения в условиях жестокой осады в первый раз выдохнули облегченно, каждый почувствовал страшную усталость. Люди едва держались на ногах. А выйдя на площадь, увидели черную громаду закопченных стен вокзала. Вокруг еще дымились развалины станционных зданий. В воздухе стоял запах гари. На площади оказалось большое количество разбитых и сожженных танков, опрокинутых и обгоревших грузовиков, брошенные орудия и много трупов. К нашему большому горю, среди них было немало и наших ребят...

Так закончилась шестидневная осада железнодорожного вокзала Ростова, и закончилась именно нашей победой. Ни танки, ни артиллерия, ни многочисленные немецкие автоматчики не смогли сдвинуть с места русского солдата. Мы были уверены в своей победе и добились ее.

Фёдор СУХОВ

«Всепообеждающее слово „Сталинград“»

В то лето

Клавдии Сусловой

Тебя запомнил я такой,
Какою ты была
В тот самый день, когда с тобой
Я вышел из села.

Мы шли по полю напрямиком,
И путь мой был далёк.
Как слёзы — видел я — тайком
Ты прятала в платок.

И говорила: «Вон верста,
Дойдём до той версты».
И как задумчиво-грустна
Была — я помню — ты.

СУХОВ Фёдор Григорьевич (1922—1992) — поэт, прозаик, член Союза писателей СССР, лауреат Всесоюзной литературной премии имени Александра Фадеева. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За отвагу». Родился в селе Красный Осёлок Нижегородской области. С отличием окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор более тридцати книг поэзии, прозы, исторических драм в стихах. Публиковался практически во всех известных литературных журналах России, в десятках коллективных сборников и альманахов, нескольких антологиях. В течение двадцати лет жил в Сталинграде — Волгограде, работал литературным сотрудником газеты «Сталинградская правда» и редактором местного книжного издательства. Стихи Ф. Г. Сухова предоставлены для публикации в журнале его дочери Е. Ф. Суховой.

Но не заметили, как столб
Тот самый, верстовой,
Стал позади, а я всё шёл,
Ты тоже шла со мной...

Потом расстались. Не забыть
Твоих прощальных слёз:
Ведь ты одна могла любить
Меня вот так, всерьёз.

Июньский тёплый ветерок
Играл на большаке.
Как голубь, рвался твой платок
Ко мне в твоей руке...

Четвёртый год меня ты ждёшь
Туда, к себе домой,
Четвёртый год мне письма шлёшь
По почте полевой.

Но знай: чем дольше дни разлук,
Чем больше было мук.
Тем встречи радостней, мой друг,
Мой настоящий друг!

1952

Город-герой

Здесь каждый камень, каждый дом — реликвия.
Но этот город — город. Не музей.
Не Троя легендарная, великая
С окаменевшей древностью своей.

Она мертва. А он навеки
Вцепился в берег, врос в него. И вот
В любых боях приобретались навыки
Стоять не насмерть — только на живот!

И выстоял. И никакая силища
Не может утратить и впереди:
В войну Гражданскую, тогда носил ещё
Он сердце непокорное в груди.

И если трудно докерам во Франции,
Всех слов других сильнее во сто крат
Гремит над молотом и над морем глянцевым
Всепобеждающее слово «Сталинград».

Оно, как имя собственное, родственно
Рабочему простому языку,
Крепит и греет голос Поля Робсона,
Пабло Неруды звонкую строку.

Их волю закалило, ожелезило,
Недаром и за тридевять морей
Проснулась, всколыхнулась Индонезия,
Снялась с голландских ржавых якорей.

Но путь нелёгок. Полпланеты застила
Протянутая жадная рука
Заплечных дел испытанного мастера
С звездастого, как ночь, материка.

Не потому ли строим гидростанции
Здесь, в Сталинграде, в каменной пыли,
Чтоб этот город на любой дистанции
Был виден всем трудящимся земли!

1955

Признание

*Польскому другу —
Терезе Квецинской*

Добрый друг мой Тереза!
Я сейчас в Сталинграде,
Где земля — как железо
В зимнем, снежном наряде.

И живу я иначе,
Чем я жил под Москвою,
Без излишних чудачеств,
Что случались со мною.

То ли возраст сказался,
Или что-то другое,
Я обрёл постоянство
И любви, и покоя.

Ты поздравь меня с новым,
С новым годом и счастьем,
Чтобы с прежним бедовым
Счастьем мне не встречаться.

Ну а я расскажу тебе
С откровенностью братской,
Что пою, чем дышу теперь
На земле Сталинградской.

Я привёз сюда запахи
Среднерусского края,
Голос раннего зяблика,
Что звенит, не смолкая.

Не напрасно меж сосен
Я бродил по оврагам:
Я привёз сюда сочность
Поспевающих ягод...

Ты, наверное, первой
Спросишь с легкой опаской,
Ну а, дескать, что спел я
О земле Сталинградской.

Отвечаю заранее,
Хоть мне больно признаться:
Я не мог, точно к ране,
Долго к ней прикасаться.

Дорогая, священная,
Вся политая кровью,
Трижды благословлённая
Всей земною любовью...

И как это уж водится,
В тихом благоговенье
Даже недруг становится
Перед ней на колени.

1955

На площади Павших Борцов

Сам Врангель, как жила, сухой,
Позвав ординарцев к себе,
Махнул узловатой рукой —
И трое бойцов на столбе.

Четвёртый стоял и смотрел,
Сжав зубы и сжав кулаки.
«Что лучше: петля иль расстрел?» —
Глумились над ним беляки.

Идите!..

И пуля прожгла
Бойца. Но боец не убит.
Вдруг вылетел из-за угла
Подкованный цокот копыт.

«Товарищи!» — крикнул. И смолк.
Свои?.. А быть может, и нет...
Троих, хоронил их весь полк,
Четвёртый попал в лазарет.

Дела наших славных отцов
Никто не забудет вовек.
По площади Павших Борцов
Идёт пожилой человек.

Цветами она залита,
Щебечущей речью детей,
Огромная эта плита,
Омытая кровью людей.

Над нею в густой синеве —
Поющий простор высоты.
Наверное, здесь... Человек
Склонился к земле,
на цветы.

К нему подбежал пионер:
— Скажите, что с вами?
— Да... так.
На взмыленном мчится коне
Лихая отвага атак.

Потом — не забыть тех минут —
К столбу подвели, а потом...
— Товарищ, цветы здесь не мнут.
Старик приподнялся с трудом.

И галстук дрожащей рукой
Потрогал на детской груди:
— Спасибо тебе, дорогой!
Куда ты спешишь? Погоди...

1956

Герой

В степи, на потоптанном доннике,
Под старой скрипучей ветлой,
В своей краснзвёздной будёновке
Лежит, умирает герой.

Прохладные, росные сумерки
Спустились, как траур, над ним.
Но бой не стихает. Без умолку
Грохочет под небом родным.

Свистят беспрерывно, назойливо
Смертельные дозы свинца.
Цветок придорожный лазоревый
Склонился над телом бойца.

Так что ж, неужели порушено,
Всё пулей одной сожжено?..
Его боевое оружие
Другому бойцу вручено.

Возможно, в тот вечер нечаянно
И навсегда — не на срок
В умелые руки Корчагина
Попал конармейский клинок.

Летит он к Каховке и к Фастову,
И дальше — туда, на Джанкой.
Так, значит, не умер, а здравствует,
Живёт безымянный герой.

И как ни кипит он, не выкипит
В свои молодые года.
Порой из седла его вышибет,
Из жизни же — нет, никогда!

1956

На Мамаевом кургане

Поднялся на Мамаев курган,
С непокрытою встал головою
Отгремевшей войны ветеран,
Убелённый стальной сединою.

И стоит он, глаза опустив,
Чуть насупив тяжёлые брови,
Может, бывший начдив иль комдив,
Что здесь пот свой и кровь свою пролил.

А быть может, простой рядовой,
До сих пор не попавший в начальство,
Что ни разу с передовой
Даже к старости не отлучался.

Впрочем, кто бы он ни был, ему
Есть что вспомнить и есть что поведать.
Не кому-то, ему самому
Подавала свои руки победа.

Как желанны они, горячи,
До чего они солнечны были,
Эти жаркого счастья лучи,
Эти руки, что мир весь взбудрили!

Но уж так повелось издавна:
Остывают и сердце, и руки.
Остаются друзей имена,
Но зато сиротеют подруги.

И встают они на пьедестал
Над могилами павших героев.
Не нарушат немые уста
Обрётённого навек покоя.

Только горестно тронут сердца
На покато́й вершине кургана
Неокрепшего в жизни юнца
И выдавшего смерть ветерана.

1956

Борис ЕКИМОВ

Праздники

В далеком детстве моем, в советские времена, был такой праздник — «выборы», то есть день, когда выбирали депутатов в Верховный Совет СССР. Что такое выборы, тогда и ныне, — всем понятно.

Но тогдашние выборы для нас, детворы, были праздником, потому что на выборах, в клубе ли, школе, обязательно были буфеты с булочками, пирожками. Мы и ждали, когда вернутся с выборов родители и принесут угощенье.

Времена были трудные. Черного хлеба досыта не едали. А тут вдруг — белая сладкая булочка-«посыпушка», пирожок с повидлом или настоящее печенье. Разве не праздник?

Иногда ждать приходилось долго, потому что на выборах были концерты. Выступала самодеятельность. Тогда было много настоящей самодеятельности, даже у взрослых. Драматические кружки ставили большие спектакли. Хоровое и сольное пение было в большом почете. Помню хор медиков, хор грузчиц речного порта. Там, на тяжелых работах, трудились целые бригады женщин. У них был хор. Их даже приглашали в Ростов и в Москву выступить. А у себя, в поселке тем более, на всех праздниках они — на сцене.

Вот и на выборах люди проголосуют, в буфете в очереди постанут, концерт посмотрят, идут домой. А мы, ребяташки, в окна выглядываем, ждем,

ЕКИМОВ Борис Петрович — прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1938 году. Живет в Волгограде. Является почетным гражданином города Калача-на-Дону и почетным гражданином Волгоградской области. Повесть «Пастушья звезда» включена в Президентскую библиотеку — серию книг выдающихся произведений российских авторов. Лауреат премий: журнала «Наш современник» (1976), «Литературной газеты» (1987), имени И. А. Бунина (1994), журнала «Новый мир» (1996), премии «Москва — Пенне» (1997), Государственной премии РФ (1997), Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1999), премии Александра Солженицына (2008), премии «Ясная Поляна» (2014), Патриаршей литературной премии (2016) и др.

гадаем: что нам принесут. Радовались всему: сладкой булочке, прянику, коржику. Невеликий, но праздник. Назывался он — выборы.

Каких-то застолий, гулянок после выборов не было. Сходят, проголосуют. И все.

Но были в те времена яркие, настоящие праздники, которых теперь нет.

Это — Первомай и ноябрьские. Так их в простоте называли. Первый официально именовался Международным днем солидарности трудящихся. Второй — годовщина революции.

Про «солидарность» и «годовщину» говорили обычно на предваряющих праздник собраниях и на площади, у памятника Ленину, с трибуны. Но праздник настоящий был в ином.

Главное событие — демонстрация. Это когда по Октябрьской, нашей главной улице, к площади шли и шли не толпы, а колонны людей. Каждое предприятие ли, учреждение — отдельно. А этих предприятий, пусть невеликих, было десятка три. А еще — школьники, медики и, конечно, селяне, колхозники. И все старались себя показать, готовились к демонстрации.

Школьников перед майскими праздниками посылали в Задонье тюльпаны — лазоревые цветки собирать для украшения. Каждый класс старался побольше цветов нарвать.

И вот он — Первомай, демонстрация. Все это — в памяти, а старые фотографии в подмогу.

Открывая демонстрацию, первыми шли школьники. Впереди, во всем белом: рубашках, брюках, молодые орлы — старшекласники. Они школьное знамя несут и кубки, награды за победы в спорте. В те времена школьный спорт был в почете. А вслед за ребятами — девушки, тоже в белых платьях. У них в руках гирлянды алых тюльпанов и большие красные буквы: 1 Мая.

Вслед за ними — вся школа: учителя, ученики. Белые рубашки, белые фартучки школьной формы. Над головами — тюльпаны и белые цветущие ветви. Молодые улыбчивые лица. Звонкие голоса запевал:

Солнечный круг,
Небо вокруг!..

А подхватывает вся школьная колонна:

Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо...

За школьниками — длинный черед.

Во главе его — военный духовой оркестр с сияющими под солнцем трубами. Разве можно без музыки...

А далее, впереди колонны людской, движется, плывет на подмостье стоящий речной катер-буксир в свежей краске, словно игрушечка. Трепещут гирлянды флажков от носа и кормы до маковки мачты. На палубе вся команда в парадной речной форме. Это — завод судоремонтный, знак его. У авторемонтников — автокран, украшенный цветами, флагами да плакатами. У хлебопеков — золотистые караваи на белых полотенцах. У колхозников впереди колонны машины ли, колесные тракторы с открытыми кузовами. Там — снопы пшеничные, овсяные. Там — огромные арбузы и тыквы, корзины с помидорами да морковью. Праздничное разноцветье. И тут же, в кузове,

ПРАЗДНИКИ

сразу за кабиной — парень и девушка с караваем хлеба. Над ними плакат: «Получай, Родина, 25 000 тонн хлеба».

Совхозы «Мариновский», «Волго-Дон» да «Маяк»... А вот новенький, в свежей краске комбайн. На бункере, куда зерно сыпается, два ряда звездочек. Над кабиной — флаг и плакат: «Чемпион жатвы Голосов Илья Рувимович». И сам он — в кабине. При костюме и галстукке, белая рубашка.

На демонстрацию ходили люди работающие. Конечно, их приглашали. Но был ли особый принуд, не помню. По-моему, не было. Это ведь праздник...

Вроде все свои, порою всякий день видятся. Но там — работа: заводской цех или стройка. Шум да гул, затрапезная одежда: спецовки, брезентовые робы, замасленные фартуки, колгота да суета, порою ругня — словом, работа.

А здесь все — принаряженные: костюмы да платья, галстуки да шляпы. У женщин — прически, завивки, губки подкрашены и бровки подведены. Порою и не признать красавицу духовитую. Мужчины — тоже «при параде»: подстрижены, гладко выбриты. Встретятся, оглядятся, друг на друга порадуются. И — вперед.

Колонной, строем, пусть и неровным. С цветами, плакатами, с песнями, особенно если гармонист найдется.

Улица — широкая; по сторонам ее — зрители: старые люди, детвора, домохозяйки. Своих выглядывают, окликают, здороваются.

Вот они — старые фотографии: демонстрация, людная, скуки на лицах нет, потому что праздник, который лишь начинается. Его продолжение — дома.

К Первомаю ли, ноябрьским хозяйки готовились, чтобы собраться в кругу родных ли, соседей. Заранее сговорившись, к столу праздничному одна пирогов напекла, другая — холодец варила, у третьей — винегрет. А уж солений — всегда хватало: щекастые алые помидоры, огурцы да хрустящая капуста. Красивый получался стол.

Ноябрьские обычно отмечали в домах, под крышей. А Первомай — на воле. Там — свободнее.

Для зачина — немного вина. Выпьют по рюмочке, закусят. И пошли разговоры.

Сначала о столе. Тамарин винегрет похвалить, Фросин холодец и Нюрины пироги: подъемистые, золотистые, с сочной начинкой.

А потом всякие разговоры. Не каждый день встречаются, даже родные. А если видятся, то чаще на бегу. Всем некогда: работа, хозяйство, семья...

А теперь, за праздничным столом, куда спешить... Потому и беседы спокойные: о детях, о стариках, о себе. Женщинам и посплетничать можно. Мужикам о рыбалке ли, охоте поговорить, порой — о политике. Но последнее — редко.

Потом наступает время песен.

Поселок наш прежде был песенный, как вся Донщина. Это в обычае, с древних лет. Старая Федотьевна вспоминает: «В праздник на столике — чекушка свекольного самогона, лишь на понюх. А песняка весь день играют».

Народ приезжий порой этому удивляется: «Чего они голосят?..» Это — наше, другим не всегда понять. Но знаменитый собиратель песен Дмитрий Покровский приезжал к нам, чтобы послушать, поучиться. А у нас это — всегдашнее: в застолье, когда выпьют, закусят да погутарят — время песен.

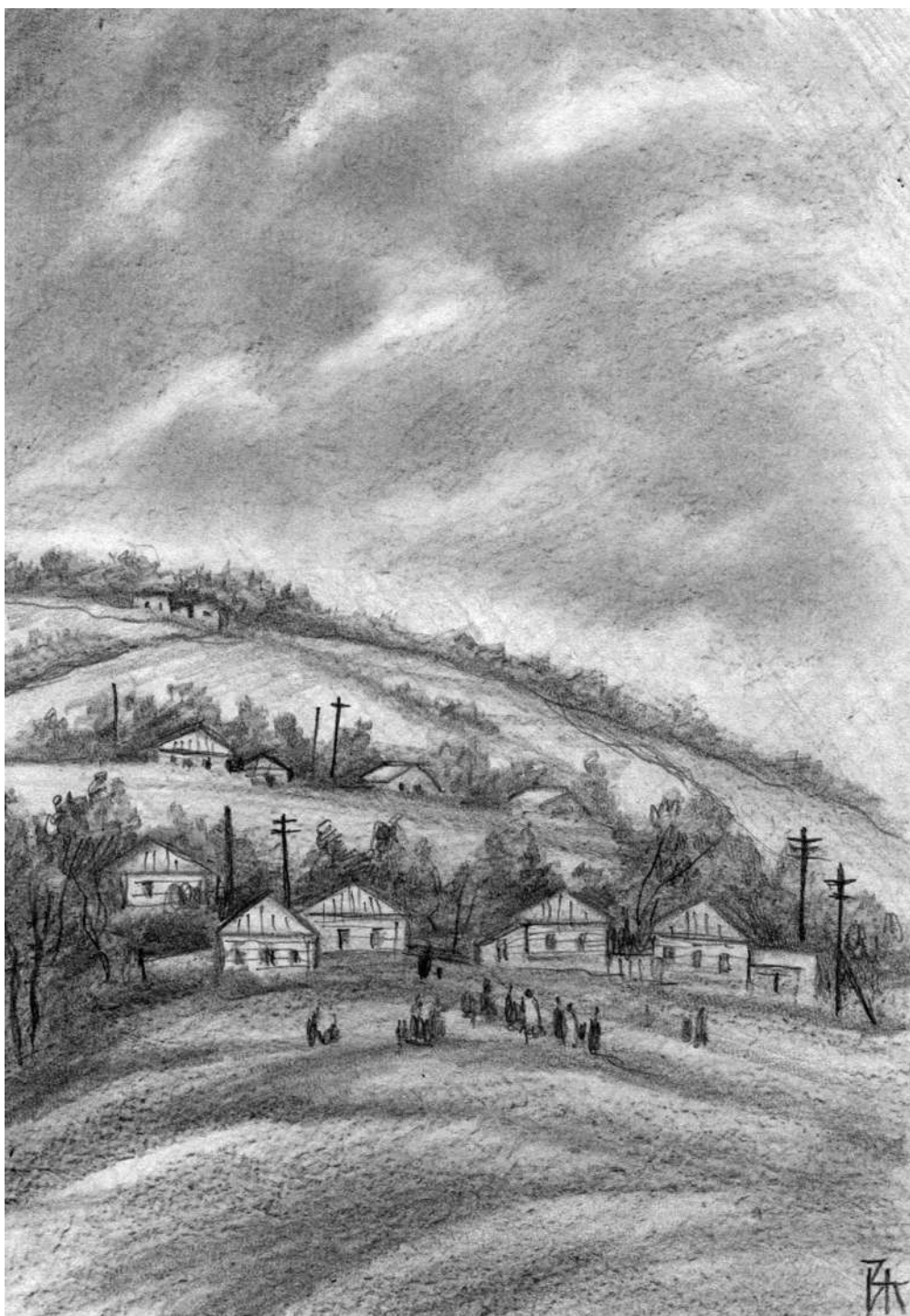

Рисунок Вадима ЖУКОВА

ПРАЗДНИКИ

Скакал казак через долину,
Через колхозные поля! —

поднявшись от стола и руки раскинув, начинал кто-нибудь из мужчин. Тут же хором подхватывали:

Ска-а-кал он, всадник одинокай!
Кольцо блестело на руке!

В этих застольях, в мирных беседах, а особенно в песнях как-то менялись, смягчаясь, лица. Улыбалась суровая тетя Фрося — «спикулянтка» и «самогонщица», как ее за глаза величали, а по сути — горькая сирота от рожденья: раскулачивание, ссылка, нищета, война.

Наш дядя Петя — человек строгий, даже суровый, с тяжелой рукой и тяжелой судьбой «врага народа», оказывается, умел смеяться и песни пел с тетею Нюрой в паре — свои, забайкальские:

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт...
Унылую песню заводит
О родине что-то поёт...

О родине... На которой после ареста, тюрем и ссылок дядя Петя лишь через тридцать лет побывал. Повидал братьев, сестер... «Петруха приехал...» — радостная пронеслась весть по поселку. Петруха... Словно с того света вернулся. Один лишь раз побывал. А в праздничных застольях пел:

Отец твой давно уж в могиле
Сырою землёю зарыт.

Но это — о горьком. Малый краешек, который праздника не испортит. Потому что:

Ой, цветёт калина в поле у ручья,
Парня молодого полюбила я.

Близкие сердцу песни. У всех она была — эта любовь, ее тревоги, томление и радость встреч.

А сейчас все вспомнулось, в груди колыхнулось:

Лучше нету той минуты,
Когда милый мой идёт!

Вот оно, главное, которое не забылось:

Вся душа моя пылает!
Вся душа моя горит!

В одном дворе голоса:

Любо, братцы, любо!..
Любо, братцы, жить!

А в другом тоскуют:

О чём дева плачет...
О чём слёзы льёт.

И на улице поют, из гостей возвращаясь:

Милёночек, заночуй у mine.
Хучь ночь, хучь две!

Это уже с приплясом.

Хорошие были праздники: Первомай да ноябрьские.

Последние одним днем и заканчивались. Восьмого ноября — тоже день нерабочий. Но это был просто отдых.

А вот Первомай имел продолжение, которое называлось «зеленя». Это означало — коллективный выезд работников с семьями куда-нибудь на природу, на зеленую весеннюю травку. Заводские, портовские, речники, медики, строители, учителя...

Профсоюз да начальство старались. Теплоход ли нанять, катер с баржой, автобусы, а прежде — грузовые машины со скамейками в кузовах. Одни — на паром, через Дон, на холмистую сторону. Другие — на луговую, к Нижнему озеру, Бугакову, на Лазурь.

И там, в местах приглядных, на зеленой траве раскидывали полога, на них — угощенья. Свои, домашние. На костре, в большом котле варили уху из лещей да сазанов, загодя приготовленных. Духовитая получалась ушица, с дымком.

Рассаживались просторным кругом. И начинался праздник. Пьянки на зеленях не было. Немного винца и пиво.

Не вино, а воля хмелила: весеннее солнышко, пахучая молодая зелень деревьев и трав, свежесть речной воды — все разом. И круг людей близких по работе, по жизни. Душевные разговоры, улыбки, смех — словом, праздник, который без песен не обходился.

Каким ты был, таким остался,
Орёл степной, казак лихой...

Это женский голос, высокий и звучный. И след ему — словно волна:

Зачем, зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Господи... Ведь это — не песня, это — жизнь и правда: сердечная боль и радость, которые в женском сердце смолоду и до последнего часа.

Но ты мне дорог и такой!

И тут уж глаза — в глаза, счастливые. Ведь любовь не скроешь. Нынешнюю и прошлую, которая не стареет.

Тем более в день весенний и солнечный, на зеленях, которые нынче наливаются, бродят пьянящим соком, чтобы скоро зацвести.

Пели, закусывали, хлебали уху. Потом разбрелись.

ПРАЗДНИКИ

С удочками на берегу сидели, раков ловили. Играли в футбол, волейбол. Загорали на солнышке. Дремали в тени. Женщины секретничали в узком кругу. Уходили в зеленые кущи, побродить. Особенно молодые.

А потом снова собирались в застолье.

Так и проходил день на зеленях. Праздник, который ждали и долго помнили.

Теперь таких праздников нет и не скоро будут. Жалко.

А вот праздника Победы не помню. Не было его ни в детстве моем, ни в юности. Может быть, потому, что война кончилась, но легче не стало. Продолжилось тяжкое бремя горьких матерей, вдов и сирот, чьи сыновья, мужья да отцы с войны не вернулись. Погиб, скончался от ран, пропал без вести. Осталась семья без главной опоры — мужика, хозяина, главного работника и кормильца.

У Подольцевых — пятеро сирот и больная мать. У Лузиковых — трое. У Семеновых, Афониных, Голубевых... Смотрю на фотографию нашего класса: сплошная безотцовщина, сироты.

Надежды ли, помощи нет. Все на женских, на бабьих плечах.

На развалинах, пепелищах копают да лепят бабы землянки, мазанки, чтобы от зимы укрыться. Добывая семена, сажают огороды, колодцы для воды роют. Чтобы выжить, детей уберечь.

Голод и холод. Хлебные карточки: двести грамм — для работника, сто двадцать пять — для детей. Бывали дни, что и на карточки ничего не давали. Как хочешь живи.

Желудевые да просяной мякины лепешки, от которых тяжкая боль. Дети наглотаются и криком кричат. Летом полегче: щи из лебеды, каша из вязовых листьев, тополевые да березовые сережки, цвет акации, корни козелка да рогоза. А зимой, особенно к весне, когда кончается огородный запас тыквы да свеклы... «Мамочка, я исть хочу...» — плачет детвора. Пухнет или синееет от голода и замирает. В сердцах горький упрек солдату погибшему: «Лежишь спокойночко... А нас на казнь оставил...»

Это была война, которая не кончается с последним выстрелом, но длится век, пока не уйдут из жизни солдатские матери, вдовы, а потом и сироты, которые доживают свой срок, ничего не забыв. Оттого и не помню я такого праздника — 9 Мая.

Игорь ВОЛГИН

«Когда последний ветеран...»

* * *

*Пермь — быв. г. Молотов, ныне
снова Пермь. (Из энциклопедии)*

Я родился в городе Перми.
Я Перми не помню, чёрт возьми.

Железнодорожная больница.
Родовспомогательная часть.
Бытие пока ещё мне снится,
от небытия не отлучась.

Год военный, голый, откровенный.
Жизнь и смерть, глядящие в упор,
подразумевают неотменный
выносимый ими приговор.

ВОЛГИН Игорь Леонидович — поэт, прозаик, историк, кандидат исторических наук, академик РАЕН, доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова и Литературного института имени А. М. Горького. Родился в 1942 году. Живет в Москве. Вице-президент *International Dostoevsky Society (IDS)*, президент Фонда Достоевского. Ведущий программы «Игра в бисер с Игорем Волгиным» на телеканале «Россия — Культура». Лауреат российско-итальянской литературной премии «Москва — Пенне» (2011), премии Правительства Москвы и Правительства Российской Федерации в области культуры (2012, 2016), Ломоносовской премии (2014), Российской национальной телевизионной премии ТЭФИ (2016), Бунинской премии (2017), Тютчевской премии (2016), премии «Ясная Поляна» (2019), Пушкинской премии (2021), премии журнала «Отчий край» (2022), премии имени П. П. Бажова (2023), обладатель Гран-при национальных премий «Поэт года» и Писатель года» (2021).

«КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...»

Враг стоит от Волги до Ла-Манша,
и отца дорога далека.
Чем утешит мама, дебютантша,
военкора с корочкой «Гудка»?

И, эвакуацией заброшен
на брюхатый танками Урал,
я на свет являюсь недоношен —
немцам на смех, чёрт бы их побрал!

Я на свет являюсь — безымянный,
осенённый смертною пургой.
Не особо, в общем, и желанный,
но хранимый тайною рукой —

в городе, где всё мне незнакомо,
где забит балетными отель,
названном по имени наркома,
как противотанковый коктейль.

И у края жизни непочатой
выживаю с прочими детьми
я — москвич, под бомбами зачатый
и рождённый в городе Перми,

где блаженно сплю, один из судей
той страны, не сдавшейся в бою,
чьи фронты из всех своих орудий
мне играют баюшки-баю.

Кануны

Майоров пишет грустные стихи:
«Мы были высоки, русоволосы...»
Фашисты в Праге.

Скорбны и легки,
горят, как свечи, польские берёзы.

А над Москвой простёрта тишина.
Шумят деревья влажною листвою.
Идёт весна.

За ней идёт война.
Она ещё не стала мировойю.

Она ещё не сгорбила их плеч,
ещё ни бомб, ни затемнённых окон.
«Нам лечь, где лечь,
и там не встать, где лечь», —
в последний раз прочтёт ифлийцам Коган.

Им ведомо, что ждёт их на веку.
Не жертвенность. Не поза. Не бравада.
Поэзия, за каждую строку
пришёл твой срок платить у Сталинграда.

Поэзия, провидящий солдат,
тебе одной вручается повестка,
когда ещё предательски молчат
германские орудия у Бреста.

Когда сирень кипит со всех сторон,
и белый дым, как дым беды грядущей.
И, как идущий к фронту эшелон,
ночной трамвай, в Сокольники идущий.

* * *

Все думали, что с Гитлером война
продолжится не годы, а недели.
И, сев у затемнённого окна,
с надеждой в репродукторы глядели.

Как будто возвестить мог Левитан,
что, накопив войска свои поодаль,
мы совершили яростный таран
и прорвались на Вислу и на Одер.

И что часы фашистов сочтены
и в Руре пролетарии восстали...
Но мы уже оставили Ромны
и к Харькову с боями отступали.

И мать моя, беременная мной,
не ожидая помощи Европы,
по выходным копала под Москвой
крутые, полных профилей окопы.

* * *

Октябрь сорок первого года.
Патруль по Арбату идёт.
И нет на вокзалы прохода.
И немец стоит у ворот.

За два перехода до Химок,
сглотнув торжествующий вопль,
фон Бок, словно делая снимок,
навёл на столицу бинокль.

А что же столица?
Столица
глядит тяжело и темно,
как будто всех жителей лица
столица сплотила в одно.

«КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...»

Бредут от застав погорельцы,
в метро голоса малыши,
и вбиты железные рельсы
крест-накрест во все рубежи.

Нестройно поёт ополчение,
соседи дежурят в черёд,
и странное в небе свечение
заснуть никому не даёт.

...Но, смену всемирных коллизий
приблизив незримой рукой,
пехота сибирских дивизий
грядёт, как судьба, по Тверской.

Но знает у ржевского леса
стоящая насмерть родня,
что в доме напротив МОГЭСа
к весне ожидают меня.

Меня прикрывает столица,
меня накрывает беда.
И срок мой приходит — родиться
теперь — иль уже никогда.

Бьют пушки,
колеблются своды —
и время являться на свет!
Октябрь сорок первого года.
Назад отступления нет.

* * *

За пять минут до битвы Курской,
как водится, в тени ветвей,
на полосе ничейной, узкой
шальной защёлкал соловей.

За пять минут до канонады,
в лесу, на линии огня,
он выводил свои рулады,
в ночи отчаянно звеня.

Но бог войны, тоской объятый,
с азартом сумрачным в крови
воскликнул: «Чур, певец проклятый,
певец небес, певец любви!»

И пушки грянули. И с тыла
рванулись танки на простор.
...И в мире стало всё как было,
как всё в нём было до сих пор.

* * *

О чём парашютист подумал,
когда, рванувши за кольцо,
раскрыл качающийся купол
и к звёздам обратил лицо?

Он ощутил, суровый практик,
он всю плотью проследил
полёт пылающих галактик,
восход блуждающих светил.

Но потрясённое сознание
не оценило ничего —
ни дикой мощи мироздания,
ни всей гармонии его.

Об этом думал он едва ли,
влекомый к суетной земле,
где избы сумрачно пылали
в его поруганном селе.

* * *

Тень самолёта в озёрной воде
напоминает о давней беде.

Гул самолёта в озёрной тиши
к чёрным протокам пригнул камыши.

Тень полоснула по жёлтому дну —
умная рыба ушла в глубину.

Тень покачнулась, на лес налетев, —
хриплые птицы взлетели с дерев.

Ропот в природе пронёсся и стих —
что-то напутал звериный инстинкт.

Но наконец среди обжитых мест
лёг на дорогу распластанный крест.

...Старый водитель, взглянув в небеса,
жмёт машинально на все тормоза...

30 апреля 1945 года

В Москве снимали затемнение,
освобождали свет от пут,
поскольку подтверждалось мнение,
что скоро Гитлеру капут.

«КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...»

Пока он корчился, как пария,
с предсмертной пеной на устах,
пока Егоров и Кантария
сквозь дым взбирались на Рейхстаг,

я жизнь налаживал в песочнице,
о зле не зная и добре,
и мама мыла раму — в точности
как на картинке в букваре.

И штора плотная, бумажная,
как ночь вощёная черна,
уже нисколечко не страшная,
сползала с нашего окна.

Мерцали звёзды растревоженно
в невыносимой высоте,
как будто так им и положено —
не оставаться в стороне.

И вился ворон озадаченно
над озарённой Москвой,
ещё не зная, что назначено
мне пасть на третьей мировой.

* * *

Воспряну ото сна,
откину одеяло.
Окончилась война,
а мне и дела мало!

И только об одном
жалею в те минуты —
что смолкли за окном
победные салюты.

И, выровняв штыки,
идут без остановки
геройские полки
по улице Ольховке.

Ах, мама, ордена
какие у танкиста!
Ну почему война
закончилась так быстро?..

* * *

Далёкого детства уроки...
И было ещё невдогад,
что жизни последние сроки
я встречу под гром канонад.

* * *

...И овцы, что пасутся на лугах,
и к озеру клонящаяся ива,
и пастухи с жалеями в руках,
и с каждым днем тучнеющая нива,

и эта тишь, и эта благодать —
красоты буколического рода —
все эти кущи местные под стать
эпохе безмятежной Гесиода.

Тем временам мечтательным, когда
под сенью струй, в зелёных пятнах ряски
стояла в шлеме бронзовом вода,
как ныне в той пробитой пулей каске...

Зима 1953 года

В бледные окна сочится рассвет.
Сны угасают — и сходят на нет.

Сизой позёмкою занесены
послевоенные долгие сны.

Как бы в последнее впад забывьё,
видят сограждане: каждый — своё.

Видит скрипач Копелевич к утру
дочь, погребённую в Бабьем Яру.

Видит Вахитова, наш управдом,
мужа, убитого в сорок втором.

Видит Сабуров, слепой гражданин,
бой за Проскуров и бой за Берлин.

...Первый по рельсам скрежещет вагон.
Поздние сны улетают вдогон.

Тонут в снегу проходные дворы —
как проходные в иные миры.

О коммунальная юность моя!
Всё возвратится на круги своя.

Запах побелки и запах борщей.
И не безделки — в основе вещей.

Что поколеблет, а что упадёт?
Дело не терпит, и время не ждёт.

«КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...»

...Дым поднимается к небу прямой.
Семь поднимаются хмурых семей.

Семь керогазов на кухне горят,
хлопают двери, и краны хрипят.

Хлопают двери — и, сон поборов,
семь в унисон голоса рупоров.

Бодро внушает нам бодрая речь
бёдра поставить на уровне плеч.

Преподаватель Гордеев не зря
будит Россию ни свет ни заря.

* * *

Ленинградская девочка Лена,
год рождения — сорок второй.
...Интуристы берут непременно
бутерброды с зернистой икрой.

У тебя всё, как видно, в порядке,
никаких потрясений в судьбе.
Элегантна, как все ленинградки,
и красива — сама по себе.

И, спускаясь ко трапезе ранней
развесёлой такую гурьбой,
остряки из обеих Германий
одинаково шутят с тобой.

И ничуть никого не заботит,
как, поставив еду и питьё,
ты украдкой, словно наркотик,
вновь глотаешь лекарство своё.

Но когда, леденя от боли,
ты идёшь, запахнув пальтецо,
бог войны, что на Марсовом поле,
отвращает в смятенье лицо.

Из Аида — из мрака и тлена
тянет ветер — блокадный, сырой.
...Ленинградская девочка Лена,
год рождения — сорок второй.

* * *

Почимся ж серьёзности и чести
на западе у чуждого семейства.
О. Манделштам. К немецкой речи

Тётя Соня не любила немецкую речь.
Хотя, наверное, не об этом речь.
В чешском городе Марианские Лазни (бывшем
Мариенбаде)
пьют минеральную воду и есть площадки для гольфа.

...Я почти ничего не знаю о своём двоюродном брате,
убитом через день после безоговорочной капитуляции
снайпершей из «Вервольфа».
Зато я отлично помню тётю Соню, его маму-врача,

одинокую старуху, ввергнутую во мрак,
убеждённую, что лично её касаются строки
Слуцкого Бориса Абрамовича:
«Как убивали мою бабку?
Мою бабку убивали так...»

Ибо все её родичи (а было их словно сосен в бору),
верившие, что мы в сорок первом возьмём Рейхстаг,
были убиты
без объяснений
в Бабьем Яру

и в других, менее знаменитых местах.
Тётя Соня не выносила немецких фраз.
И тут сам Гёте ей не указ.
О жестоковыйный язык, ты любишь, как
ненавидишь, —

кровь христианских младенцев, русиш швайн, маца —
и если твои фонемы смягчил шалопутный идиш,
то что же не умягчил он аборигенов сердца?

...Я давно уж немолод и лечу свои хвори в бывшем
Мариенбаде,
где *дойче шпрахе* несётся со всех сторон,
и бюргеры Кёльна (опять цитата из Слуцкого)
от местных красот в отпаде
и не жалеют для поправленья здоровья ни евро,
ни крон.

Впрочем, как можно предположить, язык ни при чём —
дело, очевидно, в носителях языка.
То есть в том, как носить его, защищать ли огнём и
мечом
от какого-нибудь харизматика и мудака.

Чтобы и русский, лучше которого, кажется, нет,
моя отрада и мука и, может, мой тайный дух,
не зазвучал бы однажды как сивый бред,
коробя и оскорбляя вселенский слух.

* * *

А мёртвым без разницы — раньше ли, позже
забвения стынь.
...В Катыни, в Хатыни, в России ли, в Польше
всё горше польнь.

Ну как же не выпить с улыбчивым немцем —
подателем благ?
...Не факт, что Германии мнится Освенцим,
России — ГУЛАГ.

А, впрочем, слабо под журчание Леты
нас брать на фу-фу,
поскольку покоятся наши скелеты
отнюдь не в шкафу.

Они задержались на той переправе,
где вечная мгла.
И, будучи правы, мешаться не вправе
в земные дела.

Они не вольны как солдаты запаса
сразиться с ИГИЛ.
Они не восстанут до судного часа
из братских могил.

Когда ж вострубит, как горнист гарнизонный,
блажной серафим —
в полях под Москвой и за Вислою сонной
что явится им?

Быть может, им вовсе уже не до рая,
озябшим, в снегу.
И чем утешались они, умирая,
я знать не могу.

* * *

Стояла великая сушь.
Мелели озёра и реки.
И птицы, казалось, навеки
замолкли, лишённые душ.

И свет помутился живой.
И небо подёрнулось хмарью.
И дымом тянуло и гарью:
горели леса под Москвой.

Старухи сидели в тени.
И мирным прогнозам погоды,
как сводкам в военные годы,
сурово внимали они.

О чём возвещает набат,
что помним и кто мы такие,
когда даже силы стихии
в нас давнюю боль бережат!

Когда даже в эти часы
нам чудится что-то иное.
И тихое небо ночное
пронизано гулом грозы.

* * *

Я убит подо Ржевом...
А. Твардовский

Меня убили двадцать лет назад.
Мне было двадцать. Я не существую.
Не слышу слов, не различаю дат.
Своих девчонок в губы не целую.

Я их сберёг. Себя я не сберёг.
Прости мне, мама, что внучат не будет.
И что твоё негромкое «сынок»
меня под утро больше не разбудит.

Я правом на бессмертье облечён,
но смерть моя мне кажется виною,
но культ не мною был разоблачён,
но спутники запущены не мною.

И от меня, убитого, вдали
сбывались сны, пройдя сквозь все мытарства,
гремели пушки, ландыши цвели,
рождались дети, гибли государства.

Пристанище последнее, земля,
мне не заснуть навеки на погосте.
Я помню всё, что было до меня,
но знать хочу я всё, что стало после.

Скажите, люди, как живёте вы?
За что погиб я, за какую участь?
Вы счастливы? Что ждёте от судьбы?
Что вас сегодня радует и мучит?

«КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...»

Я, словно совесть, вам необходим.
Мне жить и гибнуть только вместе с вами.
На взлёт ракет,
на взлом апрельских льдин —
на всё гляжу я вашими глазами.

Моя в России каждая семья.
Грядущее — единственный ребёнок.
Не на китах покоится земля,
от века —
на солдатах погребённых.

Мне с ней лететь сквозь спутанность орбит,
сквозь плеск дождей,
сквозь выжившие вёсны.
И, словно лес, вселенная шумит,
и, будто почки,
лопаются звёзды.

1963

Петухи

А как кричат в предгрозя петухи?
Они кричат охрипло и жестоко —
за пять минут до рокового срока,
и кровью набухают их зрачки.
Они кричат, как тыщи лет назад,
почуяв на дорогах конский топот.
Они точны, как электронный робот,
и государства, слыша их, не спят.
Как шар земной, вращаются всю ночь
локаторы бессонно и дотошно.
И лунный свет в них плещется тревожно,
как будто чем-то хочет им помочь.
...Я глаз твоих не вижу в полумгле,
а губы твои горьки и упруги.
...А петухи кричат по всей округе,
а может быть, кричат по всей земле.
По всей земле горланят петухи.
И девушки своих ласкают милых.
И на солдатских брошенных могилах
неслышно опадают лепестки...

1964

Баллада о солдатке

Нам удаются фильмы о войне.
За них вручают премии нам в Каннах.
...А в Канске — плачут.
В Канске у экранов
не спорят о подтексте, об игре.

А в Канске — там такие знатоки!
Но, знатоки, вы лучше промолчите:
здесь в каждом доме —
 в каждом, вы учтите, —
по довоенным меркам пиджаки.

Те пиджаки изношены давно
по очереди в семьях безотцовых.
...А сколько в Канске значится Скворцовых —
Скворцовых, не показанных в кино!

Я знаю в Канске женщину одну.
Она живёт на Фрунзенской, пятнадцать.
Она берёт билет на семь пятнадцать.
Она глядит все фильмы про войну.

Она их помнит, фильмы прошлых дней:
мы побеждали быстро и былинно
в двух сериях «Падения Берлина».
Я их смотрел.
 Мне стыдно перед ней.

Она идёт по городу в кино.
А город Канск в сиреневом цветении.
И уроженцы Канска, а не тени
из забытья плывут на полотно.

Как при бомбёжке, в зале гаснет свет,
и от судьбы солдату не укрыться.
...Той женщиной оплачен ты сторицей,
на семь пятнадцать купленный билет.

Ей снова будет сниться до зари,
как через Канск идут на запад роты.
Они бессмертны, смертные те роли,
они куда бесспорней, чем Гран-при.

...Россия сыновей своих растит,
ей говорящих правду без прикраски.
Ведь женщина, что проживает в Канске,
вовсе нам неправды не простит.

1962

* * *

Отплакала, отпела, отлюбила,
отголосила,
 мёртвых отждала.
И жизнь прошла: что было — позабыла,
как будто бы и вовсе не была.
Разбит очаг, муж не пришёл из плена,
в могиле дети — кровь её и плоть.

«КОГДА ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН...»

— Как, мать, жила?
— Жила? Обыкновенно.
Не без греха,
да милостив Господь...

* * *

Когда последний ветеран
придёт к победному фонтану,
не ведая, что он избран,
что, в общем, всё идёт по плану,

когда оглянется окрест,
невольной мыслью опечален,
что не достигнет здешних мест
уж ни один однополчанин,

он всей потянется душой
к скрижалям каменным и медным.
Но не шелохнется Большой
в своём величье безответном.

Днём распогодится, сиречь
луч солнца отразится в каждом.
И мимо так же будет течь
толпа ликующих сограждан.

И без укоров, без обид,
свидетель благостного быта,
никто, — он скажет, — не забыт,
ничто, — добавит, — не забыто.

И мир, что стоек и столик,
не приметит, коль нежданно
слезу предсмертную старик
отрёт под лепеты фонтана.

Николай ИВАНОВ

Однажды или никогда

1

Ах, каким бравым красавцем был ротный! И знал ведь, знал это. Пользовался! Глаза — бабья смерть! Тонкие, чётко очерченные губы. Чуб из-под шапки. Не под два метра дылда, но в строю всегда на правом фланге. Ямочка на щеке, которой он в свои двадцать два года стыдился как рудимента мальчишества, но которая, оказывается, притягивала женские взоры, из-за чего теперь приходилось бриться чаще, чем можно было бы.

Но сегодня всё это отошло на второй план.

Капитан Бубенец убивал всех новой формой. В роте знали о приказе Сталина перейти на погоны, да только какое может быть переодевание, если полк форсировал Северский Донец и ломал оборону немцев уже на Украине как раз в обозначенные Верховным главнокомандующим сроки — с 1 по 15 февраля 1943 года...

Снабженцы тем не менее, хотя и в предпоследний день, но провернулись в указанное в приказе время. Грузовики с боеприпасами часами бились

ИВАНОВ Николай Фёдорович — писатель и публицист, ответственный секретарь секретариата правления Союза писателей России. Родился в 1956 году. Живет в Москве. Окончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках РФ. В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. С 1993 года служил в Департаменте налоговой полиции РФ. Был первым редактором газеты «Налоговая полиция». С 2002 года работал в различных журналах, информагентствах. С 2018 по 2025 год возглавлял Союз писателей России. Как военный журналист и писатель много раз бывал в горячих точках (Афганистан, Чечня, Цхинвал, Донбасс, Сирия), участвовал в военных операциях, награжден орденами и медалями. С 2022 года — член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. С 2024 года входит в Совет при президенте РФ по культуре и искусству. Автор более тридцати книг (проза, драматургия). Лауреат премии имени Валентина Распутина (2022), премии журнала «Отчий край» (2024).

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

лбами в запретительные флажки регулировщиц на слабосильной переправе, а тыловики, подмаслив коменданта парой комплектов новой формы, вне очереди перегнали свои полуторки с тюками на правый берег.

Как капитан подмасливал уже вещевую службу — припасенным спиртом, ямочкой на щеке или своими фирменными папиросами «Север», то осталось тайной, но он первым переоделся в новенькую гимнастерку со стоячим воротником, без вечно топорщившихся карманов на груди, перепоясался ремнем с пряжкой в два зубца. И погоны — погоны чисто белогвардейские, с посеребренными звездочками, шелковистым просветом по центру и малиновыми кантами по краям, легли гореть на плечи. Укрепили они, наконец, ему и вечно спадавшую с плеч португую. Глядеть — не налюбоваться. Потому Бубенец и сновал, несмотря на жуткие февральские ветра с реки, среди разрушенных домов без шинели, демонстративно хвалясь обновкой.

Ради чего совершался зигзагообразный променад под перестрелки-аплодисменты врага, стало ясно, когда ротный оказался в сельской больничке, отданной санитарному отделению. Из медицинского тут остались только две кушетки, на которых дремали в ожидании отправки в медсанбат раненые. Для первого дня боев за Донбасс по потерям совсем не плохой результат. И даже не потери это, а издержки от элементарного отсутствия боевого опыта у новобранцев, потому что берег прикрывали итальяшки, так и не научившиеся воевать.

Санитар Егор Лукич, по достижении 60-летнего возраста переведенный сюда из пехоты, подхватился, прикрывая столик с распотрошенным НЗ, выданным на период наступления, — буханкой мерзлого хлеба, двумя селедками, щепотью сахара. Вознамерился начать доклад, но Бубенец, согреваясь папиросой из трофейного портсигара с ратушей на крышке, остановил:

— Где начальство?

— На переправе, — кивнул усами Лукич в сторону Северского Донца. Усы его — всем усам усы, как будто вознамерился переплюнуть Буденного. Смешно, что при этом немец беспрерывно бьет из совхоза имени Ворошилова. Вот ведь как кривообоко сошлись на Донбассе имена из времен Гражданской войны на войне Отечественной!

— У Гречихина?

— Ему плечо задело. «Юнкерсы» утром... — оправдал начальницу санитар. Измазанная в известке, его телогрейка красноречивее всего говорила о налете фашистов: бойцы зайцами перескакивали остатки известковых заборчиков, укрываясь за ними то с одной, то с другой стороны, в зависимости от захода самолетов. — Товарищ капитан, а нам погончики такие... Когда?

— Такие погончики всех ждут там, — ротный кивнул через окно на меловые горы под белым снегом, над которыми клубились черные дымы невидимых пожаров. Комполка на последнем совещании доложил, что итальянцев спешно сняли с фронта, заменив хотя и потрепанными, но отборными немецкими частями. А с этими не забалуешь... — Ко мне обоих.

Провожая взглядом петляющего по тропке старого солдата, капитан уже с позиций обладателя новенькой формы оценил его довоенное обмундирование. Как умудрялись в нем ходить, воевать да еще карточки в нем домой посылать? В новой, конечно, гнать врага веселее. Только предстоящая атака принесет уже серьезные потери, и после Сталинграда об этом говорится, к сожалению, привычно. Так что и переодевать бойцов он резона не видел. Плюс

в дополнение к будущим потерям раненых переоденут в госпитале. Худобедно, с миру по нитке, а в роте образуется обменный фонд...

Словно извиняясь перед списанными со счетов бойцами, протянул обладателям кушеток по папиросине. «Север» — это не самосад крутить. А вообще раненым на войне везет: у них у единственных стопроцентный шанс уцелеть в предстоящем бою, всего-навсего эвакуировавшись в тыл. Правда, переправа пока работает в одну сторону...

Протер запотевшее окошко, усмехнулся, нервно прикурил новую папиросу: влюбленная парочка поднималась от реки, дурашливо толкалась на узкой тропинке. Замыкавший колонну Егор Лукич окликнул лейтенанта, передал ему непонятно откуда взявшийся леденец на палочке. Гречихин, тронув его губами, протянул Вере. Та, прикрыв глаза, сняла сладкий поцелуй своими...

Капитан затуманил стекло дымом, поработал плечами, разгоняя стылость. Какой же он был дурак, переманив санинструктора из соседней роты. Сейчас вспоминается: начала перевязки она как раз с Гречихина, с первого дня на фронте собиравшего царапины и перевязки. Доперевязывались. Учит же поговорка: подальше положишь, поближе возьмешь...

Подчиненные, не зная, что за ними наблюдали, по-детски схитрили, войдя в больничку поодиночке.

— Младший сержант Верба по вашему приказанию...

Бубенец молча указал ей на стул, принявшись расхаживать в ожидании лейтенанта. Не подиум, конечно, вместо красной ковровой дорожки полосатые домотканые половики, но есть возможность оценить, кто чего стоит. Ну вот что можно найти в Гречихине? Дуры бабы...

У появившегося конкурента рука висела на бинтовой перевязи, потому чести не отдал, попытался лишь щелкнуть каблуками валенок. Только нет на них каблуков, товарищ лейтенант. И попытка достаточно смешна для офицера.

Остановился рядом с мешковатым от плохо подогнанной формы подчиненным, в довершение ко всему шмыгающим красным носом. Хорошо еще, что не рукавом его вытирает...

— Что на переправе?

— Заливаем бревна водой, товарищ капитан. Саперы дают прогноз, что к ночи мороз усилится, схватит настил, и по нему даже танки смогут переправиться.

— Чего сопливишь?

— Соскользнул в прорубь...

Стала понятна мешковатость формы, надетой явно с чужого плеча. Но зато капитан получил неожиданный козырь разлучить парочку:

— Тебя на реке заменит второй взвод. Сам садись на его позиции в центре, — комроты достал из-за спины полевую сумку-планшет, с непривычки ремешком задев и оттопырив погон. Бережно поправил его под завистливыми взглядами подчиненных. Указал Гречихину на карте будущую позицию рядом с криницей. Перевел взгляд на командира отделения: — Младший сержант Верба, вы продолжаете контролировать людей на переправе. Егор Лукич, — сразу же выудил попытавшегося незаметно прошмыгнуть за топчаны санитаря, чтобы не последовало просьб и возражений от санинструктора. — На период наступления держишься с третьим взводом лейтенанта Гречихина. Вопросы? Нет вопросов. По местам. Младший сержант, проводите меня.

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

Насколько же велика сила армейского приказа, если заставляет женщину не просто беспрекословно провожать мужчину, но и считать это должным! А под взглядом командира, элегантно пропускающего даму вперед, еще и не обернешься на остающихся...

Сразу за дверью ротный вновь распахнул сумку, но теперь уже для того, чтобы достать погончики. С двумя лычками. Улыбнувшись, заложил между ними шоколадку — это тебе не леденец на палочке. Протянул презент:

— Держи. У тебя у первой. После меня.

— Спасибо, товарищ капитан! И вправду красиво. И за шоколадку. Только разрешите мне в боевые порядки...

— Твое место на переправе. Вон, целые лейтенанты в прорубях купаются.

Вновь не дожидаясь ни благодарностей, ни возражений, ни новых просьб, побежал в штабную хату. Всё же колюч ветер с Донца, и одними погонями с папироской от него не укрыться.

Не успел взвод Гречихина перетечь в наспех выдолбленные в мерзлой гальке окопы второго взвода, над головами наступающих закружила «рама». Вернейший признак того, что через полчаса, после анализа полученных с нее фотоснимков, немцы пойдут в атаку. Собственно, не для того гитлеровское командование и меняло итальянцев, чтобы отсиживаться в окопах. Пробежавший по траншее молоденький политрук поздравил роту с началом освобождения Советской Украины, а потом, словно лично присутствовал на совещании у фюрера, торопливо пересказал и его указания для своих генералов: без мощностей Донбасса поднять германскую военную экономику на данный момент не представляется возможным, а потому угольный бассейн не сдавать русским ни при каких условиях. Прорвавшиеся части сбросить снова в Северский Донец.

— Держимся, братцы. Впереди столько угнетенных советских людей, которых нужно освободить, — уговаривал политрук, сам пока еще никого не освободивший.

Немцы не изменили своим традициям: через тридцать минут после пролета «рамы» серое небо заполнили фашистские самолеты, ненасытно и нескончаемо высыпая, словно из подола, на изрытый оврагами правый берег и наводившуюся переправу бомбы. Заработала артиллерия, уже гарантированно предвещающая контратаку. На правом берегу Северского Донца сходились приказ Гитлера и политбеседа политрука...

Ротный поймал в окуляр бинокля Гречихина. Лейтенант, хлопая, как оглохший тетерев перебитым крылом, рукой на перевязи, нарезал бойцам секторы обстрела. Всё правильно, правильно всё делал, только пораньше бы это завершить. Да, не вовремя, чуток некстати прошла смена позиций. Но на войне всего не предугадаешь, враг тоже двигает фигурки на шахматной доске. А Гречихин, если сопли на рукав не станет наматывать, выстоит. За его спиной, черт побери, Вера Верба!

Но не вовремя!

— Телефонист, за мной, — прокричал Бубенец и в мизерный просвет между разрывами бросился на позиции лейтенанта. Если тому защищать санинструктора, то ему, комроты, держать переправу, без подпитки через которую Краснодар не взять.

Немцы словно ждали его рывка, обрушили на позиции роты новый шквал огня. Последнее, что капитан увидел, перед тем как его накрыло каменисто-снежным разрывом с ошметками перил от ведущей к кринице лесенки, — это упавшего на дно воронки лейтенанта Гречихина...

2

Незнаемая, суматошная жизнь больницы с броуновским движением людей в коридорах заставила Максима прижаться к стене. И вовремя, потому что сзади послышалось залихватское:

— Лыжню!

Медсестричка промчала на каталке больного, время от времени подтягиваясь на руках и сама катаясь вместе с пациентом.

— Стой, — вдруг вскрикнул тот, приподнявшись на локтях.

Девушка уперлась ногами в пол, но груз всё равно протащил ее комариный вес несколько метров.

— Назад! — потребовал больной.

Неумолимый тон заставил «водителя» повиноваться.

— Стой!

— Что случилось? — наконец смогла испуганно спросить она у больного.

— Я не изучил схему эвакуации при пожаре, — тот указал на стену с плакатом.

— Зачем?

— А если во время операции случится возгорание? Вы же все разбежитесь! А как мне выбираться?

Медсестра заулыбалась вслед за операционником, дала шутке пожить несколько мгновений и вновь толкнула каталку:

— Лыжню!

Из перевязочной, словно после допроса, с заложенными за спину руками и под конвоем медсестры вышел старик. «Заключенный» едва двигал ногами, и Максим, чувствуя себя совершенно инородным телом, позволил арестантской парочке отойти подальше. Отодвинулся лишь от расположившейся рядом на стульях шустрой бабенки, подкармливавшей из спрятанной в пакет кастрюли взлохмаченного, плохо выбритого мужичка:

— Чего воротить нос?

— Я тебе что, петух — каждый день пшено клевать? Хоть бы мяска разок принесла.

— Значит, кобель, раз мяса хочется. Помрешь, точно похороню у входа на кладбище, чтоб всем бабам даже мертвый под юбки заглядывал.

— Тебя послушать, то достался тебе муж...

— Ты сам себе достался. Ешь, с больничной едой и цыпленок подохнет, не то что петух.

— Так всё равно на кладбище гонишь.

— Погоню, когда сама захочу. Ты еще не всё пшено доел. А за него уплочено!

Уловив просвет в коридоре, Максим продвинулся еще на два дверных проема. Больше не получилось — навстречу стремительно шел врач.

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

За развевающимися полами его халата хвостиком мелькал то с одной, то с другой стороны лысенький мужичок.

— Не три, а четыре вещи должен сделать за свою жизнь человек. И четвертая — это убить строителя!

— Но тут же всё по плану, — мотало в разные стороны «хвостик» с распухшей папкой в руках.

Строителю не давал оторваться замыкавший инспекцию медбрат с коловоротом на плече, больше похожим на ручку от огромного чемодана. Незнакомый, причудливый и страшный инопланетный мир, в котором от тебя ничего не зависит. Первый раз Максим был здесь на профилактическом осмотре три года назад, сразу после приезда из Донецка, а последний — для получения медсправки в училище. Лучше бы и дальше не знать этих стен, если бы не нужда проведать деда. Да еще и предстоящая встреча напрягала, потому что тот просил прийти его одного...

Врачебно-строительная троица скрылась у стоматолога, и Максим очередным рывком достиг поста дежурной. Спрятавшаяся за стойкой маленькая седая головка, венчавшая грузное тело с широченными, поглотившими стул бедрами, кивала прилипшей к уху телефонной трубке:

— Во-во, болезни всю жизнь собираем, а вылечиться хотим от одного укола... И не говори. У нас тоже — нет бы лежали больные, а то сплошь жалобщики на плохое питание...

Опережая Максима, за стойку перевалился, став на цыпочки, мужичок с перебинтованной рукой:

— Скажите, на рентген талончик или живая очередь?

— Утром сидели все живые, — кивнула головка с трубкой, сумев не потерять нить разговора с собеседницей: — Она дождется, когда мои тараканы поженятся с ее тараканами, и вот тогда точно вззоет сто раз до обеда! Что вам, молодой человек? — нашла паузу для демонстративно зависшего над столом Максима.

— Извините, как мне попасть в хирургическое отделение? Дедушка лежит, Бубенец Иван Михайлович. Туда нужен пропуск?

Дежурная соизволила посмотреть список, впервые подняла глаза:

— Слаб ваш дедушка. Вы того... думайте... По этому переходу за каталкой, там вправо, на этаж выше, потом прямо, — корабельным штурманом проложила курс до цели.

Посчитав миссию выполненной, вернулась к подруге:

— Во-во, в деревню надо осьминогом приезжать — работы на каждый щупалец хватит...

Главврач был прав насчет строителей: Максим изрядно поплутал, прежде чем отыскал нужное отделение.

Перед ним, едва не сбив, из кабинета урологии вынес себя на распахе двери верзила в лопнувших от старости кроссовках. Подмигнув отпрянувшему Максиму, пропел:

— Любимый город может спать спокойно...

Осмотрел запись в медкнижке, издали поцеловал ее и, словно по палубе корабля, закачался к выходу.

Больше Максима ничего не задерживало, не отвлекало, не возвращало назад. Понаблюдал за кошками, белками сидевшими на дереве под окном, и открыл коридорную дверь с нарисованным скальпелем. И сразу получил

в живот удар каталкой: «лыжница», освободившись от клиента-пациента, неслась обратно, ухитряясь набирать эсэмэску в телефоне. Правы анекдоты о блондинке за рулем?

— Ой! Простите. Больно?

Максим был рад даже этой малой задержке и успокоил девушку улыбкой: это ли проблема. Хотя и у него особо их нет — всего лишь навестить деда.

— Вы, наверное, к Ивану Михайловичу? Он ждет с утра. Давайте провожу, — ничего не поняв из желаний посетителя, повела за собой, как классный руководитель первоклассника в нужный класс. — Ваш дедушка для такого возраста просто молодец... Ему, как ветерану войны, могли выделить и отдельную палату, но тут мы сами перестраховываемся, чтобы больные соседски присматривали друг за другом. Вот, сюда.

Ну, здравствуй, дед! Как командуют на прыжках из самолета, первый пошел!

— Привет, Макс, — приподнял тот худую, опоясанную венами руку. Может, даже и не в приветствии, а чтобы указать на стул рядом с тумбочкой. Он такой, он всегда и во всем командир... Чубчик спутался от пота, надо бы расчесать. Губы втянулись в рот, превратившись совсем в ниточку. Эх, дед-дед... А как был всегда красив и подтянут в форме! — Карту принес?

Максим открыл пакет, где вместе с гостинцами лежала истрепанная, подклеенная на сгибах географическая карта. Купить ее пришлось после переезда в Россию, когда деда стали приглашать на встречи по пять раз на день в училища, школы и даже детские сады. Еще бы — освобождал Краснотон, поднимал тела молодогогвардейцев из шурфа. Контужен, дважды ранен. Дослужился пусть и в военкомате, но до полковника. Имеет три ордена и наградное оружие. Одного этого хватило бы на десяток ветеранов, а он прихватил себе для биографии еще и совсем близкую историю — войну на Донбассе. Не ветеран, а легенда. Впрочем, никто и не говорит иного.

Дед оказался слаб настолько, что рука второй раз не смогла подняться, команда последовала глазами и голосом:

— Открой.

Словно меха в гармошке, Максим развернул по сгибам карту с нанесенными на нее красными стрелами и синими зубчатыми окружками обороняющихся фронтов и армий. Поверх среза проследил за взглядом деда, который словно прощался со своей фронтовой судьбой.

— Мне, наверное, уже пора... туда, — вдруг произнес дед. Указал взглядом сначала на карту, на которой самолично рисовал обстановку 1943 года и где остались многие его подчиненные, потом на капельницу — как итог нынешнего своего состояния.

Вернулся с процедур маленький худенький сосед. Увидев в палате гостя, деликатно кивнул и отправился на прогулку по коридору. Дед заторопился:

— Спасибо, что пришел. Я... я, наверное, не лучшим был дедом, держал тебя в ежовых рукавицах. И тебя, и отца твоего, и бабушку... Неправильно это.

— Да что ты, дед. Я худого слова от тебя ни разу...

— Но и ласкового тоже... Вот лежу и вспоминаю — не дом, а казарма какая-то была. Всё по струнке, по распорядку, с неизменными наказаниями... Хотел как лучше, чтобы порядок был, чтоб людьми выросли... Чтобы ты офицером стал.

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

— Буду. Уже на второй курс перевели.

— А бабушка Вера перед смертью тебе ничего особенного не говорила? — поинтересовался своей, далекой от забот внука проблемой. При этом отвернул голову, чтобы, если прозвучит утвердительный ответ, не смотреть в глаза гостю.

— Наказывала беречь тебя.

Дед облегченно покашлял — так машинально страдают по сигарете заядлые курильщики. Но ему категорически запрещено даже смотреть в сторону табака...

— А знаешь, почему возникают новые войны? — похоже, дед готов был говорить о чем угодно, лишь бы оттянуть разговор, ради которого попросил приехать Максима. Таким же образом тот сам искал причины, задерживаясь перед дверью со скальпелем. Как там медсестричка, кого катает по коридорам? — Мы теряем на нее иммунитет. И первыми это сделали мы, ветераны. В какой-то момент мы все превратились в маршалов. Выучили названия фронтов, дивизий, мы из книжек знали, кто куда наступает и почему, владели планами немцев, американцев и точно описывали реакцию на всё это Сталина. А про соседа по траншее забыли. Как дымится на морозе кровь из ран — не рассказывали. Молчи! И война постепенно стала не так страшна, она превратилась в игру на картах, — скосил глаза на свою, которая горбилась на полу у ножки кровати.

— Дедуль, успокойся, — Максим впервые дотронулся до бледной руки с желтыми от табака пальцами. Сколько раз они хватали за ухо, привычно сворачивая в самокрутку... Деду оказалось приятным прикосновение родного человека, и не будь вторая рука под капельницей, наверняка бы положил сверху свою ладонь.

Но просьба внука не остановила, а придала силы продолжить:

— Надо сказать... Нам, Максим, стало казаться, что если мы не покажем масштаба войны, то вроде как бы и сами не герои. И в какой-то момент у нас в воспоминаниях потерялись конкретные люди. И в первую очередь те, кто остался лежать в земле. Мы их как бы предали...

— Мы их поднимаем, — не согласился Максим. — Наш отряд только за эту весну поднял под Великим Новгородом останки двадцати трех бойцов. Троих опознали. Во время отпуска я с ними опять пойду.

— Ты молодец, — может, впервые в жизни похвалил дед внука. — Вот я и хочу... Покурить бы.

— Нельзя.

— Сам знаю. Я хочу, чтобы ты разыскал и поднял еще одного. Лейтенанта Гречихина. Карту.

Максим принялся вновь распутывать собранную наспех схему, дед наизусть попросил найти конкретную точку:

— Квадрат 17, по «улитке» 5.

Для курсанта-десантника цифры координат — как для таксиста адрес по навигатору: вот квадрат-улица, вот «улитка»-дом.

— Изгиб Северского Донца. Выше по оврагу — криничка. От нее тропинка к вершине холма, сейчас там памятник.

— Вижу, — нашел под центральной стрелой жирную точку черным фломастером Максим.

— Молодец, — не к добру снова не поспешил на похвалу дед.

Пусть и не легка на помине, с небольшой задержкой, но в дверь просунулась «лыжница». За ней пижамной тенью прошмыгнул на свою долгожданную койку уставший слоняться по коридору без дела и возможности присесть сосед. Плоско улегся под простыней — на такого можно ненароком и присесть. Видать, родственники и пшена не носят, не то что мяса.

— Извините, я поменяю капельницу, — медсестра перезащелкнула трубочку на новый флакон, еще раз с молчаливой мольбой попросила прощения у Максима за произошедшее и одновременно за предстоящее: — У нас начинается тихий час, больше нельзя тут находиться. Прощайтесь.

Дед дождался ее ухода, скосил взгляд на невидимого соседа и сбавил голос:

— Где-то там была воронка. Я ее не нашел, когда ездил на открытие памятника.

Не по-медсестрински — широко, с правом от главврача, вновь распахнулась дверь палаты. Он и заполнил собой весь проем. Посмотрел на часы, через плечо, за которым наверняка птенчиком жалась провинившаяся «лыжница». Максим встал.

— Там лейтенант. Гречихин. Найди его, — едва слышно от упадка сил, растроченных эмоций и чтобы не дошли слова до посторонних, торопливо сообщил дед. — Я думал, бабушка сказала... Тогда я скажу — это твой настоящий дед. Ты с отцом по роду Гречихины. Не Бубенец. Но я старался, всю жизнь старался ради вас... Но так просто сложилось. Война. Прости. Всё!

— Всё! — громогласным эхом повторил главврач. Не будь перед ним ветеран войны, наверняка разнес бы палату за нарушение режима. Точнее, ответственных за него.

Максим, до конца не осознав услышанное, со смятой картой направился к выходу. Ему уступили дорогу, но не из особой уж вежливости, а чтобы не мешал расположиться в палате целой группе людей в халатах, включая строителя и медбрата с коловоротом.

— Кыш, кыш, — отогнала Максима, как непослушную курочку, прячущаяся за спины взрослых медсестричка. Оглушенный новостью, Максим машинально показал ей язык, заставив замереть с открытым ртом и поднятыми руками.

3

Припомнила это на похоронах.

Уже отгремел над свежей могилой воинский салют, положенный ветеранам войны и старшим офицерам. Прошел не совсем ровно, наверняка сформированный из второго или третьего состава взвод из почетного караула, но не под знаменитое и традиционное «Прощание славянки», а под фронтовую песню «Полею, вдоль берега крутого, мимо хат...». Максим даже подпел несколько строчек:

— В серой шинели рядового шел солдат...

Несколько нынешних офицеров-отставников, с которыми общался по ветеранским делам полковник Бубенец Иван Михайлович, долго поправляли ленточку на своем венке: уж что-что, а стопку на поминальном обеде

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

фронтовика заслужили. Не дождавшись приглашения от родных, издали кивнули им и скученно пошли с кладбища, припоминая, сколько и чего стоит у них своего в комнатке совета ветеранов.

Оставшись в одиночестве, отец в извинении развел руками перед Максимом:

— Не успели. Жалко.

— Чего не успели? — не понял тот. Всё вроде честь по чести...

— Квартиру получить. Как ветерану должны были дать, — пояснил ему, как неразумному. — Теперь, конечно, вычеркнут из очереди. Но я всё равно схожу. Пусть хотя бы меньше комнат, но в память о нем... Они виноваты, это они медлили, а не отец торопился... умереть.

— Батя, о чем ты!

Уловив нотки неодобрения от сына, отец усмехнулся, чтобы не остаться единственно виноватым:

— А ты думаешь, твое поступление в училище при таком конкурсе тоже само с неба свалилось? Деду говори спасибо.

У Максима опустились руки. Это что, ухмылочки абитуриентов при поступлении, обзывавших его «дедов внук», они оправданны? Сам по себе он ничего не стоит?

Захотелось присесть, но у свежих могил лавочек не бывает. Защищаясь, выпалил главное, о чем не знал, когда и как поведать отцу. И надо ли вообще! Но здесь легло одно к одному:

— Он мне не дед.

Отец недоуменно поднял седую голову: ты отказываешься от своего рода?! Но Максим пошел до конца:

— И тебе не отец. Мы Гречихины, а не Бубенцы.

«И Гречихины бы не думали о квартире на похоронах», — добавил про себя.

В памяти легко всплыло, как отец однажды заехал на своей гаишной машине домой прямо со службы, стал хватать ведра, тазики, топорик, поторапливая домашних:

— Быстрее. Лося на трассе сбили.

И вернулся с дежурства счастливый и с мясом...

Сейчас Максим замер в замешательстве, боясь уточнений, которые могут окончательно разрушить мир, где он жил. Видеть отца, всегда правильно, потерявшим опору в жизни было невыносимо... Потому сын отвернулся, хотя сам спровоцировал разговор, вложив в него несогласие с какими-то его жизненными устоями. От дальних могил, уже с лавочками и оградками, ему махнула рукой девушка. Ошиблась? Фигурой напоминает медсестричку из больницы. Она? Чего хочет?

Неслышно отступил на несколько шагов, оставляя отца наедине с крестом. Девушка, уловив момент, поспешила навстречу. Да, это точно оказалась она — по-восточному выпирающие скулы, сделавшие миндалевидными глаза, заостренный носик над улыбчивыми губами. Из вновь отмеченного — обтянутая водолазкой, показавшаяся большой для ее росточка грудь, скрываемая в больнице халатом. И короткая стрижка, освобожденная из-под марлевой хирургической беретки.

— Здравствуйте. Мои соболезнования, — первой заговорила медсестра.

Максим кивнул.

— Я была рядом в его последние минуты, он позвал... Меня Наташа зовут.

— Максим.

— Я знаю. Дедушка сказал. Он просил передать вам это, — она достала из сумочки портсигар.

Максим машинально открыл его и тут же захлопнул — вместо папирос были уложены доллары. Наташа опустила глаза, выдавая себя, что открывала эту своеобразную записку и знает о ее содержимом. Но оправдываться или объясняться не стала, пояснила лишь:

— Подозвал и сказал, что это на поездку. Куда и какую, не уточнил. Сразу умер. Просто перестал дышать — и всё. Я его держала за руку.

Боясь, что собеседница отнесет его удивление кладом к страху перед нежелательным свидетелем, Максим на этот раз демонстративно открыл портсигар, просмотрел деньги при свидетельнице. Посчитал нужным оправдаться:

— Просил в Краснодон съездить.

— В Краснодон? Где молодогвардейцы? — встрепенулась девичья челка, опережая хозяйку. — Как интересно! Столько слышала. Я бы поехала, — помечтала, но посмотрела на портсигар: — У меня столько денег нет.

— В 7.06 дети еще спят, — простил Максим ей наивность, имея в виду время отправления электрички на Москву. Обернулся на отца.

Тот медленно брел к выходу. Отличавшийся в свои 70 лет моложавостью, сейчас со спины он предстал именно своим возрастом — опущенные плечи, мелкий шаг, склоненная на грудь седая голова. То, что не окликнул, не позвал сына при уходе, лишь подтверждало норму жизни в их семье — каждый сам по себе. И за себя. Но это неправильно. Нельзя оставаться в одиночестве при живых родных. Извините, Наташа, но...

— Спасибо за... — приподнял портсигар. Не уточняя и сам не определившись, то ли за него, то ли за содержимое. А скорее, что находилась с дедом до последней его минуты.

Для приличия пару раз обернувшись на остающуюся в одиночестве среди надгробий медсестричку, побежал догонять отца. Тот снова никак не воспринял Максима, похоже, все окружающие были сейчас ему в тягость. Он был погружен в свои мысли, которые ставили с ног на голову всю прошлую жизнь. Да еще всё рассказано внуку, а не ему. Значит, точно не сын...

Максим отстал, и отец снова не обернулся, не заметил исчезновения рядом с собой человека. А вот Максиму, наоборот, показалось трудным остаться в одиночестве. Обернулся на Наташу. Та успокоительно кивнула: «Я рядом! А хочешь, ускорю шаг». Дай волю, возьмет, как деда, по-сестрински за руку. Так успокаивала и его баба Вера, когда дед не позволял выйти на улицу со своим наградным пистолетом. Не мог понять: если не показывать оружие другим, то мало кто поверит на слово, что дед — настоящий герой!

Максим так и не определился — побыть в одиночестве, догнать отца или доехать до города в компании с медсестрой. Крикнет: «Пыжню!» — все пробки рассосутся.

— А у меня отгулы, — оправдала и свою беззаботность, и наличие свободного времени Наташа.

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

— Я в центр, — так же нейтрально сообщил и Максим. Если по пути — доедут вместе, нет — никто никого ни к чему не принуждал. А в центре есть магазин военной одежды, куда ему точно надо заглянуть.

Несмотря на обоюдную деликатность, дальнейший разговор не склеился. Медсестра просто присутствовала рядом, не навязываясь и не отвлекая, и Максим вновь погрузился в произошедшее. Что и как могло сложиться у них в семье, не будь деда? Как бы сложилась судьба у бабы Веры, у отца? У него самого? Иную жизнь представить оказалось сложно, практически невозможно, потому никакого осуждения в сторону деда не испытывал. И это неожиданно обрадовало, потому что он продолжает считать Ивана Тимофеевича своим дедом. Хотя настоящий лежит где-то на берегу Северского Донца, не успев ни увидеть сына, ни получить лейтенантских погон, ни узнать о победе. Отцу под старость лет смириться с известием тяжелее, родная кровь от незнакомого лейтенанта Гречихина к нему перешла напрямую, а вот течь ее заставили по чужим венам-фамилиям-отчествам. Могли бы со временем сказать, конечно. Понял бы. Может, даже поблагодарил бы, что Иван Тимофеевич не оставил маму одну, усыновил сироту и ни разу не попрекнул этим. Да, своеобразен был, жесток и резок, но ведь благородно собрал доллары, чтобы доехать до того, кто погиб у него на глазах...

Наташа дождалась своего спутника из Военторга на улице, по выражению лица удостоверилась, что он купил то, что хотел. Вскинула челку: «Ну, всё? До свидания?» Максиму почему-то стало стыдно за деньги, которыми благодетельствовал его дед, а он не делится. Ведь девушка могла и промолчать, оставить заначку себе — кто бы узнал? Он отцу ведь пока тоже ничего не сказал о долларах. И не уверен, надо ли говорить? Лучше после поездки отдаст то, что останется. А Наташе можно и нужно хотя бы конфет или мороженое купить. В благодарность. Зазывало музыкой посидеть в своем уюте кафе, но это надолго, а отец один...

Зато за углом кафе открылся цветочный ряд в банках и ведерках, охраняемых часовыми-старушками. Взгляд притянули огромные яркие пионы, Максим без торга расплатился курсантскими отпускными и протянул букет медсестре. Продавщицы заулыбались, словно цветы подарили им, но через мгновение стали зазывно выискивать новых покупателей: торговля живет не проданным товаром, а предстоящей сделкой.

— Спаси-и-ибо, — пропела Наташа и нырнула в цветы по самую макушку.

Будь у девушки косички, Максим бы, прощаясь, дернул за них — это тебе не в больнице раскатывать королевой, требуя от всех уступить дорогу. Но зато и она, выглянув лукаво из-за бутонов, в отместку за первую встречу показала язык. Улыбнулись оба тайне, оказавшейся единственно понятной только для них.

— Счастливо оставаться, — махнул рукой девушке и побежал к автобусу. Она что-то крикнула в ответ, он ничего не расслышал за шумом улицы, но деликатно кивнул: всё будет хорошо.

Отец собирал на кухне поминальный стол. Рядом с фотографией усопшего уже стоял и фронтальный портрет бабы Веры — улыбчивой, с санитарной сумкой и орденом Красной Звезды, погонами младшего сержанта.

— Она-то хоть нам... родная? — потерянно поинтересовался у Максима. С внутренним облегчением дождался утвердительного кивка головой. — Рассказывай.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

Рассказывать, собственно, было нечего, но и после услышанного отец уставился немигающим взглядом на портреты:

— А ведь я догадывался. По поведению, упрекам друг другу... Помянем.

После выпивки Максим протянул отцу портсигар. Тот узнал его, поднял взгляд на сына.

— Просил передать тебе. На память, — легко совралось Максиму.

Отец погладил отполированные бока, раскрыл, понюхал знакомый с детства запах отцовского табака. Или уже не отцовского?.. Тронул жирную точку у криницы на карте.

— Я съезжу туда, — постарался как можно будничнее сообщить Максим.

— Куда ты поедешь! — усмехнулся отец. — Там война. Мы только сбежали от нее.

«Вот именно, сбежали», — мысленно согласился Максим, но спорить не был приучен.

— Там многие одноклассники, в Донецке. И ничего...

— Плевать на многих. Ты учишься в военном училище — куда поедешь? Карьеру ломать?

— Зачем ломать? Я в отпуске. Всюду написано, что родом из Донецка...

— Сидишь дома! — отец сел за стол сам.

Снова взгляделся в портреты, словно мысленно вопрошая: что же вы наделали, родители? Взял в руки портрет храброго полковника, которого семьдесят лет считал отцом. Ненавидеть его за обман или говорить спасибо за то, что не цеплялось по жизни сиротство? Ведь всё, что получил в жизни, — от него ведь! Через рык, подзатыльники, через молчаливый плач матери, но жизнь прожита в достатке. Из Донецка поднялись только потому, что он пообещал: в России дадут, как ветерану, квартиру, Максим пойдет учиться, чтобы не кувыряться оставшуюся жизнь в непонятном статусе ДНР...

Донбасс не был и не стал его родиной, обосновался там после ранения по приказу. Но служил ревностно, получив в награду именное оружие. И всегда говорил о своей Сибири, вспоминал тайгу, кедрч, снега, реки. Каждый раз при воспоминаниях, к старости всё чаще возникавших, словно совершал мысленный ностальгический туризм. Но не более — возвращаться в родные края по каким-то причинам не стал. Вроде воспоминания об отчине были слишком тяжелые. А затем и вовсе привязался к Донецку могилой жены. При этом получилось, что она стала последней похороненной на кладбище «Красная Звезда» перед его закрытием. Даже символично оказалось: ветерана войны похоронили — и кладбище закрыли. Вроде конец войне.

А она сразу новая началась в 2014-м. Украины с Донбассом. Своих со своими. Война с доставкой на дом...

Но теперь стало понятно, почему мама просила похоронить ее ближе к Краснодару, к Северскому Донцу, и почему отец не исполнил просьбу. Не хотел верить, что жизнь прожита зря, что его так и не впустила в свое сердце санинструктор Верочка Верба. Не забыла лейтенанта, не променяла на полковника...

— Я деду слово дал, — может, впервые непреклонно возразил отцу Максим, за время мысленного диалога с портретом утвердившись в своем решении. — Там же... там твой отец. И к бабушке, может быть, доберусь в Донецк.

— Там война! — вновь напомнил отец.

— Но люди ведь живут. Я осторожно.

Собирая рюкзак, остановился около серванта, в котором дед хранил документы. Без труда нашел в банке из-под леденцов ключ от небольшого сейфа, стоявшего в нем же. Открыл железную дверцу. Наградной пистолет лежал на месте. На вид и не пистолет даже, потому как кто-то из донецких умельцев переделал под дерево ручку, придав ей элегантный изгиб. Магазин с патронами лежал в коробочке рядом, и Максим, немного поколебавшись, забрал оружие вместе с документами на него. Если обнаружат на границе или при какой проверке, то оправдание и алиби стопроцентное: после смерти хозяина, как человек военный, везет сдавать оружие по месту его выдачи — в донецкий военкомат.

Легко разобрал «макарова» на все возможные части, распихал их в рюкзаке среди походно-поискового снаряжения — сменной одежды, кухонных и туалетных принадлежностей, совочка и кисточек, необходимых при расчистке раскопа. Большую лопату добудет на месте. Самое главное — найти у кого-нибудь миноискатель. Хоть плохонький. Интернет выдал, что поисковые отряды в Краснодоне достаточно активно работали до событий 2014 года. Так что утром на электричку — и до Москвы. Там автобусом до Луганска, всего пятнадцать часов пути за тысячу рублей. А уж потом — как получится. В крайнем случае, при неудаче поездку можно будет считать разведкой боем.

Разведка сорвалась полностью, даже не начавшись: утром на кухне одетый по-походному отец нарезал бутерброды. На удивленный взгляд Максима объяснил:

— Я еду тоже. Это надо делать однажды. Или никогда...

Это было неудобно, обременительно, но — правильно, и Максим принялся помогать собирать туесок с провизией.

Но сюрпризы на этом не кончились. На перроне его окликнула Наташа. В походной джинсовой одежде, с рюкзачком за спиной, она радостно замахала руками — молодцы, не проспали и не потерялись!

— Что, тоже в Москву? — удивился совпадению Максим.

— С вами, в Краснодар, — девушка расплылась в улыбке. — Ты же вчера кивнул, что можно.

Максим закатил глаза. Мало ли мы на что киваем, просто не расслышав вопрос...

— Там война, — словами отца остановил глупышку.

— А вдруг пригожусь. Я же медсестра.

Усмехнулся: у него целый взвод друзей с медицинскими навыками, но никого из них не втягивает в семейное дело. А Наталье пауза только в помощь:

— Я не обременю. Просто в самом деле хочу к «Молодой гвардии». Загорелось.

— Заходим, прощаемся, — поторопили от своих вагонов проводницы, и Наташа первой поднялась по ступенькам.

Отец посмотрел на Максима: ну ты и шустер! Тот ответил не менее выразительно: понятия не имею, откуда и что.

— Заходите же, а то останетесь, — поторопила с верхней площадки тамбура медсестра, назначив саму себя комендантом поездки. — Давайте помогу.

— Кто видел меня, тот уже мертв, — казак Василий играл бывалого вояку, презрительно перенеся из одного угла рта в другой прилипшую к языку сигарету. Выпятил грудь. Висевшей на ней непонятной медали-кресту звякнуть бы о другие награды, но таковых не имелось, и пришлось довольствоваться тем, что подбил пальцами усы, закручивая кончики вверх.

— Я вам не просто мужичок на завалинке, — продолжал казак то ли набивать себе цену, то ли природно красоваться в присутствии Натальи. — Всю войну отбарабанил то в «Призраке», то в «Пятнашке», то у Гиви, — перечислив наиболее прославленные отряды ополченцев, не забыл снова потрясти крестом. — А родину защитили — теперь можно и самому себе пользу приносить.

Из потерявшей цвет калитки выбежала девчушка с листом бумаги. Увидев гостей, не растерялась, гордо дошла до отца, показала ему рисунок. Тот оглядел нарисованную карандашами девочку.

— А почему у нее глаза красные?

— Болеет, — как неразумному, пояснила дочь и показала свое творчество незнакомцам: подтвердите. Наташа захлопала по карманам, отыскала в курточке баранку, протянула малышке. Та, получив согласие отца, схватила ее, впила зубками.

— Васька, — раздался из сарая женский голос. Казак пригнулся, словно от пролетевшей над головой мины. Пригладил чуб, чтоб не выдавал хозяина над забором. Замер в ожидании прицельного огня. — Корова прилипла к потолку от навоза, на одну дойку осталось, а тебя черти носят...

— Так, я ей сейчас мозги вправлю, — шепотом пообещал гостям сконфуженный Василий. Мозги, скорее всего, готовились вправить ему самому, и Максим торопливо сунул местному поисковику бумажку в сто долларов, лишь бы тот не передумал поработать с миноискателем. Казак при виде денег засиял лицом и уже уверенно указал гостям на окраину села: — Идите по этой дороге, до мемориала Победы метров семьсот. Я догоню.

Возвращаться под гнев жены на полусогнутых, имея крест на груди, да еще при посторонних посчитал постыдным. Откашлялся в кулак, набираясь мужества, выпрямился. Прикрываясь дочкой, в свою очередь щитом выставившей листок с больной девочкой, пошел вдоль иссеченного осколками забора вразвалку. Имеет право. С коровой пусть возится тот, кто не умеет зарабатывать доллары!

— Говорил, надо было поменять на гривны или рубли, дешевле бы обошлось, — шепотом упрекнул Максима отец.

Отставшая Наталья трогала рваные, покрывшиеся ржавчиной отверстия от осколков в профлисте вокруг дома. Неужели она на войне? Как же здесь живут люди?

Ее первую и догнал Василий с длинной трубой от миноискателя на одном плече и двумя лопатами — на другом. Шел гордо, не прячась, скорее всего, откупившись от супруги деньгами и потому освобожденный от дальнейшей прилюдной критики. Переодетый в камуфляж, подпоясанный ремнем, с офицерской сумкой через плечо — это была его стихия, в которой не требовалось чистить коровник...

— Что, красивая, не побоялась ехать в наши края? Или с таким женихом... — кивнул на идущего впереди Максима. — Прет как по непаханому.

— Он не жених. Совсем. Я его всего два раза и видела.

По тому, что не покраснела при этом, казак почти поверил в чистосердечность признания. Тем более расправил плечи. Хотелось подбить края усов вверх, да руки были заняты. Благо оглянувшийся Максим подбежал, забрал лопаты — первейший инструмент при раскопках. Тут Василь и подбил наконец усы, словно руки казаку только для этого и предназначались.

— Донец нынче — петуху не напиться, жаркое выдалось лето, — кивнул благодарной слушательнице на блеснувший впереди изгиб реки без единой морщинки. — Говорят, раки появились. Но я что, дурак — нырять за ними, как сосед? На всякое дело мозги иметь надо. Даже муравьи тень отбрасывают, а он — ноль, хоть и милиционер. Раков надо ловить в месяцы, где есть буква «р»: март, апрель, сентябрь.

Наташе до тех пор пришлось слушать про рыбалку и соседа, ухитрившегося без участия в боях надеть погоны милиционера и тем обеспечить себе безбедную жизнь, и это в то время, когда он, казак Василий Головня, два года отстаивавший честь и свободу Отечества в окопах, не может найти себе достойную работу, пока не вышли на крутой берег реки.

На плато Николай Иванович первым делом устремился к памятнику в виде развернутого красного знамени, надеясь увидеть на нем имена погибших. Максим развернул карту, сверяя нарисованные на ней стрелы красные с стрелами белыми, выложенными из бетона на земле. Три бетонных штыка, устремленные в небо, давали небольшую тень, и он замер под средним. Знамя — выше человеческого роста. Штыки — выше. А победил немца солдат обыкновенного роста...

— Он здесь, здесь! — вскричал Николай Иванович, вглядываясь в списки, вытасненные Василием из сумки. В ожидании Максима накрыл строчку с инициалами отца, словно удерживая ее и не давая исчезнуть, как произошло с этим именем более семидесяти лет назад.

Максим торопливо подошел. Значит, дед найден и перезахоронен здесь? Ура!

Наташа пробежалась кругом, сорвала какие попались под руку полевые цветочки, положила букетик под знамя.

Казак, поняв, ради какой фамилии приехали из России добрые люди, пояснил:

— Лейтенанта Гречихина мы в списки внесли по просьбе его командира, полковника из Донецка. По проверенным данным, у нас в Суходоле лежат семьдесят четыре бойца, сейчас числятся сто двадцать три, но это жители поселка, не вернувшиеся с войны. А лейтенант ваш... По заверению полковника, он где-то здесь погиб.

Николай Иванович опустил руки. Сколько же раз за последнее время ему приходилось ссутуливаться? Имени в списке поклониться можно, но ведь это не останки...

— Это как нынче с нашими станицами и хуторами. Имя на карте есть, а перед глазами уже ни одного дома, — продолжал гнуть свой авторитет казак, не замечая напряжения среди приехавших. Умному платят больше, чем дураку.

Максим, сверяя карту с местностью, подошел к тропинке, поднимающейся от криницы. Отмерил несколько шагов от крайней ступеньки деревянной лесенки. Ни о какой воронке ничего здесь не напоминало, наоборот, рядом

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

с местом, отмеченным носком десантного берца, переплестись то ли в драке за место под солнцем, то ли в дружеских объятиях, росли два кустарника. Казак настраивал миноискатель по шуму в наушниках, Наташа найденной за памятником тряпицей протирала на высоту своего малого роста флаг. Николай Иванович прижался щекой к одному из вырастающих из земли штыков, глядя вниз и, скорее всего, пытаясь представить, как преодолевал расстояние от реки до этой высоты под огнем врага его отец.

— Давай начнем отсюда, — попросил Василия Максим. Солнце уже отобедало, день не такой и длинный, как кажется из-за лета. Надо поторапливаться.

Поисковик принялся выслушивать землю под трубой миноискателя. Настоящий минер по тональности звука различит если не год выпуска, то достоинство монеты. А если по правде, то гранату от каски — однозначно. Насколько был профессионален Василий, судить было трудно, но одно то, что именно у него хранился отрядный миноискатель, давало надежду на успех.

— Мелочовка, россыпь патронов, — прокомментировал свое долгое стояние над одним местом Василий и зашел на второй круг, увеличивая зону поиска. — Но точно здесь? Мы тут вроде всё обследовали перед строительством мемориала.

— По карте — где-то здесь, — пожал плечами Максим. Даже если ничего не найдут, поездка не была напрасной.

— Ничего? — подбежав, надавила на больную мозоль Наташа. Сама поняла глупость вопроса, попробовала стать полезной, но главное было — не мешать и не шуметь. Отошла едва не на цыпочках, чтобы тут же подбежать обратно, указывая глазами на дорогу.

Кто-то шел к мемориалу, и Максим опустил руку в карман ветровки, нащупывая тяжесть пистолета. Гостя первым распознал казак.

— О, легок на помине, — пробурчал он, снимая наушники и отключая питание прибора. — сосед. За толстый конец бревна на субботнике уже не возьмется, хотя всего лишь лейтенант. Раколовец...

Милиционер был в камуфляже — но у кого сегодня нет этой универсальной формы? Погон на плечах не имелось, но знал за собой право поинтересоваться:

— Кто такие? Что делаем?

— Ничего. Стоим, как телята, обсыхаем... — попробовал пошутить за всех казак, но сосед так глянул, что тот занялся своей трубой, предоставив право гостям самим объясняться с начальством.

Максим вытащил отпускну, представился:

— Курсант Рязанского десантного училища Максим Бубенец. Ищем место гибели деда. Это отец и... Наташа, медсестра... поискового отряда.

— Про комендантский час знаете?

— Так точно.

— Осторожнее и внимательнее, — дежурно дал наставления лейтенант, изучив документы и карту. Добавил вполголоса, для одного Максима: — Последнее время есть напряженка, так что...

— Понял. Спасибо.

— Василь, жена хоть знает, что ты здесь? Или промолчать? — по-соседски подколол лейтенант минера и, пока тот пытался понять логику вопроса, пошел в сторону реки, размахивая ведром. Точно глупец: в августе буквы «р» нет. Только вот ведро пустое — плохая примета. Неужели ничего не найдут?

Похоже, в это уверовал и Василий, быстрее обычного начав проходить даже «пикавшие» места. Николай Иванович, поначалу внимательно всматривавшийся в каждое движение минера, устал от однообразного напряжения и позволил себе отойти к ротонде, элегантно, но непонятно зачем вписанной в мемориал. В красивом месте погиб лейтенант Гречихин, хотя в те стылые февральские дни было, конечно, не до красот. Найдутся или нет останки, показалось вторичным. Может, даже и не стоит тревожить их, пролежавших в земле более семидесяти лет. Хотя, по справедливости, они должны быть перенесены к тем семидесяти четырем, чьи имена вписаны на обелиске в поселке и в поминальный список Василия. А так получается, что отец в одиночку охраняет захваченный в феврале 43-го плацдарм для освобождения Украины. И снова символично — от войны до войны.

Невольно подчеркнула это и Наташа, нашедшая в кустах повалившийся щит: «Внимание! Здесь проходит граница Украины и России». Попыталась поправить его, установить ровно, потом дошло: здесь теперь не Украина, а Луганская Народная Республика. Граница, разделяющая теперь две страны, проходит в другом месте. Там, где по одну сторону взрывают и сносят памятники ветеранам войны, а по другую — ищут их останки.

— Давай я, — видя, что внимание минера рассеивается, напросился на смену Максим. Саперно-инженерное дело, конечно, не главенствующий предмет в десантном училище, но уж миноискатель от столового черпака он отличит.

Наташа, оставив щит догнивать в прежнем положении, занялась очисткой от напоздающей травы наземных бетонных стрел, поглядывая на замершую фигуру в ротонде: не стало бы плохо от дальней дороги и переживаний Николаю Ивановичу. Василий, уловив в действиях Максима уверенность, размял спину: всё же соскучился он за войну по настоящей работе.

Отдыхал недолго: напарник замер над одним местом, пытаясь распознать фон находящегося в земле металла, и Василий отобрал наушники. Фоново ровно, округло, с усилением при приближении к земле, и он кивнул замершему Максиму: можно копать, в любом случае что-то есть.

Взялись за лопаты. Оба знали: война лежит на глубине восьмидесяти сантиметров, и, по крайней мере, дерн можно снимать смело, особо не осторожничая. Размахнуться плечом не давали камни, так что раскоп не рыли, а ковыряли, выуживая голыши. Наташа с любопытством посматривала издали, устроившись с Николаем Ивановичем в тени ротонды и не решаясь подойти и спугнуть удачу. Охотка, с которой пустилась в путь, оказалась достаточно обременительной: провести ночь в узком кресле, при остановках автобуса через каждые два часа — это всё равно, что отработать сутки...

Сомкнуть веки не дал Николай Иванович. Усмотрев скрупулезность в работе поисковиков, направился к ним. Подошел, когда сын очищал кисточкой каску, пробитую осколком в самом центре. И Максим, и Василий были уже в перчатках, профессионально готовясь к соприкосновению с останками, и Николай Иванович затоптался на месте, психологически оттягивая момент, когда поднимется каска и под ней откроется...

Под ней оказался пробитый осколком череп. Каска — она от шальной пули, от мелких, на излете, осколков, а не от фактически прямого попадания снаряда.

— Есть, есть, — радовался находке Василий, делая раскоп шире, потому что теперь требовалось влезть в него и работать пальчиками да детским

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

совочком. Радость профессионалов порой трудно объяснима со стороны, а вот ни Максим, ни тем более Николай Иванович не могли определить своего состояния. — Судя по... — казак замялся, споткнулся на слове «скелет», поправился: — Судя по расположению останков, бойца засыпало взрывом.

Это Максим знал. Значит, это почти стопроцентно лейтенант Гречихин. Его дед.

Крикнул Наташе:

— Подай, пожалуйста, рюкзак.

Василий ловко работал пальцами, по позвонку освобождая тело лейтенанта из земельно-галечного плена, приговаривая:

— Человека тронь не так — помрет. А с землей можно делать что угодно, — подразумевал войну. — Всё вытерпит.

Пока не начал выносить кости, выкладывая скелет — всё же да, скелет! — на траве рядом с ямой, Максим достал лейтенантские погоны времен Великой Отечественной, купленные в рязанском Военторге. Разгладил, тронул звездочки, примерился к вырытому окопу и уложил их там, где предполагались быть плечи деда. Поднял глаза на отца. Тот беззвучно рыдал, сотрясаясь всем телом. Наташа закусила оба своих кулачка, сама сжавшись до конопушки.

— Семьдесят пять лет на коленях простоял, — Василий перекрестил сначала раскоп, потом себя. — Семьдесят пять лет... Но ничего, сейчас уложим. Отдохнет за все годы.

— Оставьте меня с ним, — вдруг тихо попросил Николай Иванович.

Василий посмотрел на Максима, на часы — торопиться бы надо, работы непочатый край, иначе половина лейтенанта окажется в земле на ночь. «Оставим», — согласился на просьбу отца Максим. Поисковик осторожно перебрал землю под рукой лейтенанта, выудил противотанковую гранату. Опыта поисковой работы хватило, чтобы понять — она не взорвется, боеприпасы времен войны вообще взрываются большей частью случайно, но и оставлять ее в окопе было слишком опасно. Именно из-за случайности взрыва. Да еще если в окоп хочет войти Николай Иванович...

Вылез наверх, побрызгал остатками воды из бутылки себе на голову. Наташа без слов взяла ее, побежала наполнять вниз, к кринице.

— Знаешь, о чем я однажды задумался? — облокотившись о черенок лопаты, обратился к напарнику Василий.

Бахвальство его улетучилось, никого из себя он не строил — стоял перед погибшим лейтенантом простым поисковиком, донецким мужиком, казаком, без дураков отстоявшим свой дом, родной язык, землю предков, свои памятники и любимое дело от саранчи, вдруг полезшей на его землю из всех возможных плесневых щелей учить жизни.

— Скажи, почему немцы не могут похвастаться такими же героическими подвигами, которые совершили наши люди? Почему у них нет Гастелло, Космодемьянских, Матросовых, Павловых? Почему они не царапали штыками, не писали своей кровью: «Умираю, но не сдаюсь»? Ни разу за всю войну, ни одного примера! Даже в Берлине! У них не оказалось штучного товара. Масса — да, она была, и она ломилась. А вот по именам, по поступкам — нет Германии.

Ответа и не ждал, сам всё понимал. Но от войны прошлой перешел к нынешней:

— Нет сейчас подобного и на Украине. Не страна, а территория «хата-скрайников» — никому ни до чего нет дела. Дошла до того, что солдат ВСУ не может Родину любить в трезвом виде. Эх!

Воткнул лопату, отошел к стрелам, смахнул с них травинки, оставшиеся после уборки Натальи. Оттуда ответил на свой же вопрос:

— А потому что еще и мы своим благородством не допускали их до героической гибели. Не зверствовали, не жгли, не пытали...

Он хотел еще что-то продолжить, но встрепенулся, увидев бегущую снизу Наташу. Она оглядывалась, падала, подхватывалась, пытаясь при этом удержать в руках бутылку. И по тому, что в какой-то момент та выскользнула из рук и покатила по откосу, а девушка не вернулась за ней, стало ясно — она сильно напугана.

— Эй, — негромко окликнул казак напарника, на всякий случай пятясь под защиту штыков.

Максим увидел девушку уже с милиционером, который, тоже оглядываясь, с пистолетом в руке прикрывал ее. Это могло походить на игру в войнушку, если не знать, на какой территории и в какое время они находились. Торопливо вытащил наградной пистолет деда. Передернул затвор, загоня патрон в патронник. Присел за бруствер, насыпанный от окопа деда. Скорее всего, это недоразумение, которое сейчас прояснится и заставит всех улыбнуться, но пистолет стражу порядка, конечно, показывать не стоит...

Наташа споткнулась в очередной раз, и милиционер, став, как на тренировке, на колено, выстрелил в чащу. В ответ раздалась автоматная очередь, еще не прицельная, как не был прицельным и выстрел лейтенанта, но стрельба заставила Наташу преодолеть расстояние под руку казака за мгновение. Лейтенанту времени уже не хватало, и он юркнул вправо, под прикрытие кустарников, по тактике оставив Максиму левую сторону, чтобы захватить наступающих в клещи. Но ничего не перепутал любитель раков?

Отец отрешенно сидел на корточках перед останками, и похоже, звуки выстрелов привиделись ему из военного года: он не отреагировал на них, лишь закрыл уши руками, пытаясь прервать видение.

Но ошибки не оказалось: на склон из чащи выскочили с автоматами наперевес трое парней. Веером, словно косами, прошлись очередями по склону, расчищая себе путь к мемориалу.

— Стоять! — от бессилия и отчаяния закричал им Василий. Его с Наташей защищали лишь каменные штыки, да под рукой лежала «эпэгешка» — ручная противотанковая граната лейтенанта Гречихина. Не брошенная во врага в далеком 43-м, она словно ждала своего часа для нынешней войны, чтобы защитить захваченный плацдарм для освобождения Украины. От украинцев. То, что наступавшие — это ДРГ, диверсионно-разведывательная группа, такие специально создаются для подрыва памятников на территории Донбасса, об этом говорили-предупреждали едва ли не каждый вечер по телевизору в новостях. Но чтобы они покусились на мемориал Победы, да сегодня...

— Мамочка, мамочка, — шептала Наташа, и казак, схватив гранату, швырнул ее в наступающих. Она не могла взорваться — она и не взорвалась, но ее кувыркающийся вид заставил диверсантов броситься на землю, и Василь вздернул девушку с земли — бегом, за мной!

Да только кто же может встать на ватные ноги! Кто побежит в открытое поле от бетонной защиты?

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

Бросок гранаты выручил лишь на мгновение. РПГ словно дала понять: помочь могу, но лишь малость, самую чуточку, потому что каждое время должно биться за себя само. Своим оружием.

Не дождавшись взрыва, троица подхватила, перепрыгнула ржавую, пыльную и бесполезную болванку. Им требовалось довершить дело, за которое обещали хорошо заплатить, но смазанное из-за любителя раков, заметившего их на берегу и потребовавшего документы. А на войне глупо играть в устав, надо сразу стрелять. Не хотели поднимать шум и они, удавка на шею для случайных свидетелей всегда под рукой, да слишком шустрым оказался проверяющий, не удалось догнать. Теперь прорваться на высоту, заложить взрывчатку под красный бетонный флаг и раствориться в пойме Донца. Были — и нет.

Но на этом их рывке, на прыжке через ржавую болванку раздались два детских, по сравнению с автоматными словно игрушечных, пистолетных выстрела. Одиночный, выверенный и прицельный огонь при атаке всегда считался более весомым аргументом, чем устрашающая автоматная россыпь.

И споткнулись в бегущей тройке практически одновременно крайние справа и слева. Сами бы — ладно, это солдатская доля, но они оголяли центрального, с полным рюкзаком взрывчатки за спиной.

Не осознав, откуда и кем велся огонь, оставшийся невредимым диверсант изрешетил и изрыл длинными, на полный рожок, очередями всю листву и землю перед собой. Украину разведчик, может, в трезвом виде и впрямь не любил, но Донбасс точно ненавидел в любом состоянии. Не имея времени сменить магазин в автомате, выхватил из подсумка «лимонку». Он уже осознавал, что одному ему плацдарм не взять, без поддержки не пробиться к Красному знамени, но он успевал бросить в невидимого врага и ненавистное прошлое гранату, перед выходом на задание любовно расписанную под гжель. Диверсант не выбирал места, куда ее швырять, опыт бойца отметил лишь свежий бруствер, что для человека военного означает — это окоп, а значит, враг в нем.

Зато Николай Иванович успел увидеть свою нарядную, ярко-голубую смерть, упавшую между ним и отцом. Ему, в свое время, благодаря областному военкому полковнику Бубенцу, сумевшему не пойти в армию, сложно было сделать одно из двух отработываемых в армии движений — выбросить гранату обратно или попытаться самому вывалиться из раскопа. А завораживающе красивая, веселенькая граната 2018 года рождения не стала ждать. Иссекла, разметала останки только что найденного лейтенанта Гречихина: собственно, за тем ее и несли на мемориал — чтобы боялись, дрожали, сдавались. Но и этого оказалось мало гранатной «гжели», ей хотелось развернуться, как и предполагалось конструкторами, своими двумястами осколками во всю ширь, по простору. Но, зажатая маленьким окопом, граната с не меньшим упоением врезалась своими острыми, горячими брызгами и в оказавшегося рядом с молоденьким лейтенантом его состарившегося сына. Портсигар не смог удержать горячечную смесь, осколки легко разметали старую ратушу на крышке и вошли в сердце хозяина. Пули и осколки почему-то всегда застревают в сердце...

Николай Иванович, повторяя отца, по-фронтовому точно так же упал на колени и обнял землю...

Донецкий республиканский военком приехал к Максиму сам, лишь услышав фамилию полковника Бубенца.

— Он для меня как крестный отец, капитаном брал к себе в военкомат, — пояснил личное внимание и уважение к его памяти. — А отца и лейтенанта Гречихина похороним со всеми почестями около центрального памятника в поселке. Я договорился.

— Нет. Если можете, помогите похоронить рядом с бабушкой Верой на «Красной Звезде», — решение об этом, принятое Максимом бессонной ночью в доме казака, утром только утвердилось. — Они никогда не были вместе. Никогда. Пусть хоть так.

Военком кивнул: сделаем. Повертел в руках наградной пистолет своего предшественника. Конечно, красиво было бы вернуть его Максиму в память о легендарном донецком военкоме, но слишком ярко и громко засветилось оружие в сводках происшествий: уничтожение ДРГ противника, спасение объекта республиканского значения...

— Местные власти планируют представить тебя к поощрению.

— Я-то что, лейтенант и Василий главные, — Максим кивнул на соседей, ожидающих окончания разговора на лавочке у общего иссеченного забора. — Только у меня еще одна просьба, товарищ полковник. Я решил остаться на Донбассе. Готов служить в любом спецподразделении.

— А вот здесь категорически не-е-ет! — улыбнулся полковник. — Заканчивай училище.

— Моя родина — Донбасс!

— Твоя родина — Россия. И Донбасс — это уже тоже Россия. Так что еще, мне кажется, назащищаешься! Да и спутницу надо доставить до дома, — посмотрел на напрягшуюся Наталью, пытающуюся уловить просьбы Максима и понять свое место в столь стремительно развивающихся событиях. Да, она хочет домой, она не предполагала, что здесь война по-настоящему, что коснется ее напрямую...

Приблизилась к Максиму, заглянула в глаза: «Что мне делать»? — «Извини, но... Выбираться домой». — «Ты остаешься»? — «Сама видишь».

Можно было подивиться: когда успели научиться разговаривать глазами? Во время ночной поездки на узких автобусных сиденьях, пытаюсь хоть немного поспать друг у друга на плечах? Когда он сначала случайно, потом подстраиваясь к автобусной качке, касался щекой ее щеки, а она, равнодушно пропустив случайность, затем уловила преднамеренность прикосновений и трепетно замирала от них, притворяясь спящей?

Тайный язык двух, вроде лежащий на поверхности, но так и не разгаданный до конца никем третьим: «Извини, что втянул тебя во всё это». — «Я сама втянулась».

Не ожидая объективности от Максима, предугадывая его возражения, показывая самостоятельность, повернулась к военкому:

— А правда, что Донецк — город тысячи роз?

Об этом говорил Максим, но она не то что не доверяла его словам, а готовила себя к принятию решения.

Военком опроверг утверждение:

— Уже больше.

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

Кивнул своему водителю, показал какой-то круговой жест, но ефрейтор понял начальника, мгновенно принес розу на длинной ножке. Но — кованую, из металла.

— Из осколков, что падают на город, — показал Наташе и на всякий случай Максиму — вдруг и он не знает о таком городском сувенире из новейшей истории города. Дарить не стал, просто держал на вытянутой руке: если возьмете, она — ваша. В память о сегодняшней войне.

Максим взял, осмотрел, протянул Наташе. Но не как подарок, а теперь уже как символ ее личной сопричастности к событиям на Донбассе. Та коснулась пальчиками острых кованых лепестков, прижала к груди. Ни к кому конкретно не обращаясь, сообщила:

— Я поеду в Донецк.

Удивленному Максиму даже отвечать не стала, пояснила, потряхнув для решимости челкой, свое решение военкому, признавая его за старшего:

— Мы вместе приехали сюда. Вместе и до конца. А оттуда уже домой...

Вопроса не поставила, но с облегчением дождалась пусть и сомнительного, но кивка Максима. «Спасибо. Я помогу с похоронами».

Максим тронул карман — деньги на месте, справятся. Дед как будто всё предусмотрел. Хотя похоронами отца должна бы заниматься, конечно, мать, но она... она во Львове. Категорически не приняв Республику, оправдала бомбардировки Донбасса и в итоге, едва услышав о желании жесткого свекра, безвольного мужа и послушного сына ехать в Россию, с каким-то внутренним облегчением бросила всё и всех и уехала к родным. Раньше, чем они в Россию. Как она там? Неужели свою роль в таком непримиримом разрыве сыграли большая разница в возрасте с отцом и место рождения — Западная Украина? Увидятся ли они когда-нибудь?

А Наташе спасибо. Девочка-«лыжница» оказалась с характером. Он обязательно довезет ее до дома...

Выглянувшая из калитки дочка Василия оценила количество незнакомцев около дома, посчитала его допустимым и принесла отцу новый рисунок — усатый мужичок на тонких ножках-ниточках, но зато с крестом и звездой на груди. Казак растроганно прижал художницу к себе, показал на остальных — дорисуй и их, они тоже герои.

— Слушай, сосед, ты какие цветы любишь? — отпустив дочь, поинтересовался казак у милиционера.

— А тебе зачем?

— Да вот помрешь, какие принести на могилу, чтобы тебе в радость?

— Васька! — раздалось из-за забора, и казак привычно уменьшился в размерах. — Зови людей к столу.

— Надо всё по-людски в этой жизни делать, — облегченно выдохнул тот, вырастая в собственных глазах и подбивая усы. — Ушедших — помянуть, живых — накормить. И всем сказать спасибо. И никто нас тогда не победит!

Виктор КУЛЛЭ

«Но они победили!»

День Победы

Четвертинка блестит у окна —
и звезда отвечает окну.
Он неспешно надел ордена
и грустит, вспоминая войну.

В сизом дыме встают перед ним
негеройские лица ребят.
Хорошо было там, молодым,
дурковать от избытка себя.

Хорошо полной грудью дышать,
воевать против явного зла.
Даже смерть чудо как хороша,
если мимо случайно прошла,

и почти что уже не страшна —
на душе как мозоль narосла.
Как забытая Богом страна,
что одна неподсудно светла.

КУЛЛЭ Виктор Альфредович — поэт, переводчик, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства и руководитель семинара поэзии в Литературном институте имени А. М. Горького, член Союза писателей Москвы. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт и его аспирантуру. Живет в Москве. Автор книг стихов «Палимпсест» (2001), «Всё всерьёз» (2011), «Стойкость и Свет. Избранные стихотворения и переводы 1977—2017» (2017), «Благодарность» (2020). Лауреат премий журналов «Новый мир» (2006), «Иностранная литература» (2013), «Отчий край» (2023), «Новой Пушкинской премии» (2016), литературной премии «Венец» (2017).

«НО ОНИ ПОБЕДИЛИ!»

За которую — встать, очертя.
Без которой — немислимо быть...
Он доверчив и мудр, как дитя,
в беспощадных ладонях судьбы —

даже в нынешнем хамском хлеву,
где страшней, чем в атаку, — в собес.
В непривычной стране, где живут
по понятиям — не по судьбе.

Этот праздник ему — навсегда
отпущенье невольных грехов.
Так не меркнет над миром Звезда,
что в пещеру вела пастухов.

2007

Победители

Их мало — но они ещё меж нас.
Честь человечней, чем лукавый разум,
поскольку самый совершенный страж —
стекляшка по сравнению с алмазом.

Когда последний выживший солдат
не может выйти на парад Победы,
в «херои» зачисляют всех подряд.
Как в звёзды — карликовые планеты.

Историки не ведают стыда.
Политики вершат свои прожекты,
но и в преддверье Страшного суда
не примирятся палачи и жертвы.

9 мая 2014

8 мая 2020 года

Завтра — праздник, сегодня — печалька...
Брэготно углубляться в детали
тонких игр торгашей с палачами,
потому что они оболгали

всей лукаво проплаченной сворой
и солдат, и подвижников тыла —
мой огромный народ, на который
у страны орденов не хватило,

кто для фронта, а не на продажу
хлеб растили, крутили баранку,
подъедали горелую кашу,
чтобы встать у станка спозаранку.

Жёсткий выбор стоял: или — или...
Но они победили!

Феникс

Солнечным летним утром в госпитале на станции Сарепта появилась усталая босая девочка лет шести в пестром платице, запачканном сажей. Одной рукой она бережно прижимала к груди грязного серенького котенка, другой волочила по земле потертую женскую сумочку на рваном ремешке. Сумочка оказалась совершенно пустой. Непонятно было: то ли ребенок сам не уберег ее содержимое, то ли чья-то ловкая рука по ней прошла: разные люди встречаются на жизненном пути. Да еще на таком пути — военном, железнодорожном, со взорванным, расстрелянным, разбитым вдребезги поездным составом.

Документов у девочки не было, и пустота сумочки ее не огорчала, ведь туда в аккурат поместился подобранный на улице котенок. Так и тащила малышка в маминой сумке своего Мусика, пока ремешок не порвался. Но об этом в госпитале узнали позже. Как и о том, что зовут девочку Фенечкой Емельяновой.

ВЕРБА (АРТЮХОВИЧ Юлия Васильевна) — поэт, прозаик, член Союза писателей России, доктор философских наук, профессор, руководитель Клуба друзей журнала «Отчий край». Родилась в 1955 году. Живет в Волгограде. Автор одиннадцати книг стихов и прозы. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Российский колокол», «Отчий край» и др. Награждена медалью имени В. М. Шукшина, почетной грамотой губернатора Волгоградской области (2021). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020, 2023, 2024), Государственной премии Волгоградской области (2021), Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024), международных поэтических конкурсов и фестивалей «Союзники-8», «Поэзия без границ» и др. Дипломант премии «Литературной газеты» имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2022), Российской литературной премии «Писатель года» по версии журнала «Российский колокол» (2023), Международной литературной премии «ДИАС» (2024) и др.

А при встрече она не произнесла ни слова: безучастно молчала, пока медсестры мыли и бинтовали ей ранки на ногах, — даже не морщилась. Встрепенулась только, когда котенка захотели вынести в коридор, — вскрикнула, не дала.

Так и остался Мусик с новой подругой: затаился под столом, в закутке около операционной. А Фенечка выпила две большие чашки морковного чая с кусочком хлеба (не случившимся завтраком медсестры Таси), сползла по стенке на пол и тут же уснула. Ее попытались поднять, но девочка вздрогнула и так горько заплакала, что решили Фенечку не трогать, — только накрыли выцветшим казенным одеялом с больничной печатью.

Тем временем привезли новых раненых, врачи и медсестры разбежались по палатам, и госпиталь продолжил свою непростую военную жизнь.

Только к обеду вспомнили о маленькой гостье. А Фенечка с котенком голова к голове сладко спали под одеялом у двери в больничный коридор. Всклоченные рыжие волосенки перепутались с серой кошачьей шерстью, и пара маленьких друзей казалась единым диковинным животным, странно неуместным в этой обители боли и скорби.

Проснувшись, Фенечка была так же тиха и молчалива: на расспросы медсестер отвечала коротко, цедила редкие слова по капле.

Из скупого рассказа девочки постепенно сложилась безотрадная картина ее хождения по мукам: три дня она добиралась до госпиталя в поисках мамы, «потерявшейся» при бомбежке. Сначала Фенечку кормили и оставляли на ночлег «какие-то тетеньки». Утром «незнакомый дяденька» снял с нее туфли, «чтобы починить», и куда-то пропал — наверное, «тоже потерялся», и девочка долго шла босиком. Потом «добрая бабушка» подсказала, куда раненых с поезда привозят.

К вечеру выяснилось, что мама Фенечки погибла от осколочного ранения и уже похоронена в общей могиле...

Но в детский дом ребенка сразу отправлять не стали: их вместе с Мусиком приютила одинокая медсестра Тася. Расставаться с котенком Фенечка категорически отказалась, потому что он стал ей «как братик»: «умный и ласковый, умеет залезать на шею и в ухо мурчать». Поскольку других родственников у девочки не было (и пока не предвиделось в сложившейся ситуации), Тася смирилась с присутствием «братика». Да и дома женщина бывала теперь нечасто: проводила в госпитале и долгое рабочее, и короткое личное время. Там же, в одной из маленьких пустующих палат, они с девочкой и поселились. Даже котику место нашлось.

Тем временем медсестра попыталась навести справки о судьбе отца Фенечки. Ответ не порадовал: старший лейтенант Иван Емельянов пропал без вести. Тася вздыхала: такие неопределенные письма с фронта, конечно, могли вселить робкую надежду на возвращение близких. Однако порой эти известия оборачивались еще большей бедой, чем простое известие о смерти. Решено было Фенечке ничего не сообщать — ни об отце, ни о матери.

Никто не знал, что девочка случайно услышала «взрослый» разговор о своих близких, но в беду не поверила. Она даже придумала свою версию маминого исчезновения, которая впоследствии превратилась в ее «БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ».

В детский дом Фенечку с такой «неопределенной» биографией отправлять не торопились. Так она и задержалась в госпитале.

Сначала Фенечка скучала и дичилась, вздрагивала от стонов и боялась смотреть на страшные рваные раны. Девочка тихо скользила по госпитальным коридорам бледной тенью, осторожно шаркала по полу огромными шлепанцами доктора Светланы Ильиничны, подвязанными старыми бинтами.

Однажды, оступившись, она чуть не свалилась под ноги раненому Лева Мореходу: именно так называли грузного чернявого одессита в штопаной тельняшке, хотя никто доподлинно не знал, был ли он моряком на самом деле. Лева подхватил Фенечку под мышки, посадил на подоконник, внимательно осмотрел старую уродливую обувку. Потом аккуратно обмерил маленькую детскую ножку заскорузлыми пальцами и заулыбался всеми своими золотыми фиксами:

— Ойц! Такая лялечка — и ходит как босьяк с Дюковского сада!

Мореход снял Фенечку с подоконника, недовольно покачал головой и задумчиво двинулся к выходу из здания, невнятно бормоча себе под нос: «Боже ж мой, боже ж мой».

На следующий день после обеда Лева с таинственным видом заглянул в сестринскую и поманил к себе Тасю:

— Мадам, я имею шо показать вам и вашей донечке!

Мореход важно зашелестел бумажным свертком и вытащил оттуда... детские туфельки.

Медсестра ахнула:

— Феня, иди сюда скорее!

Девочка осторожно взяла красные туфельки и прижала их к груди. А Тася, нагнувшись, уже развязывала грязные бинты на старых шлепанцах и торопила:

— Надевай, Фенечка!

Смотреть на примерку собрались раненые из соседних палат — все, кто мог ходить самостоятельно. Туфельки передавали из рук в руки, стучали пальцами по подошве, нюхали и гладили мягкую кожу. Фенечку заставили походить в обновке по коридору и даже попрыгать. Туфельки сидели как влитые.

Лева гордо улыбался и резюмировал:

— Шикарный вид!

Все одобрительно кивали, а учитель Виталий Константинович серьезно поинтересовался:

— Где же вы такую красоту взяли?

Простодушный вопрос о происхождении замечательной обуви Лева не понравился. Темные глаза одессита сузились и заледенели:

— Извиняюсь, дядя, то не ваш фасон. Гуляйте себе до палаты со всем нашим уважением и не делайте мне нервы!

— Где взял, там уже нету, — поддержал Морехода разведчик Ленька Буланкин.

Учитель настаивать не стал. Да и какая разница, где взяли чудесные туфельки. Главное, что они оказались девочке впору.

Наверное, с этого момента и началась новая Фенечкина жизнь — работа полноценной «медсестричкой-помощницей».

В блестящих красных туфельках и обрезанном Тасином белом халате она деловито сновала по палатам: скатывала бинты, разносила градусники и даже еду, с ложки кормила тех, кто не мог есть сам.

Раненые тоже старались ее угостить и приветить:

— Ешь сахар, Фенечка! Будешь большая и красивая. Вырастешь — я на тебе женюсь.

— А я на тебе не женюсь.

— Это почему? Чем я тебе не подхожу?

— У тебя уши большие. А вчера с Федотычем в туалете махорку курил — я всё видела!

— Ох и язва ты, Фенька! Нет, не женюсь я на тебе!

— И я не женюсь! И дружить с тобой не буду!

Так они часто ссорились и мирились — нескладный сержант Ленька и серьезная не по годам «медсестричка» Фенечка. Раненые слушали их шутивную перебранку и тихо улыбались: будто дома побывали.

А однажды вечером главному госпитальному «артисту» — одноногому гармонисту дяде Пете — вдруг стал подпевать тоненький детский голосок.

Раненые бойцы удивились и обрадовались, а образованный инвалид Виталий Константинович торжественно объявил: «Посмотрите на нашего феникса! Возродился из пепла!»

Соседи по палате вежливо покивали, потому что уважали пожилого учителя. Но высказывание его во внимание не приняли: какой там еще феникс? Новое непривычное имя не прижилось. Так и осталась для всех «медсестричка-помощница» со своим домашним теплым именем — Фенечкой.

Теперь по вечерам девочка давала концерты: под дяди-Петину гармошку плясала перед ранеными и пела песни, которые все слушали с удовольствием. Все, кроме одного.

Контуженый Сергей, изможденный и хромым, с седым ежиком неровно стриженных волос, при появлении маленькой артистки отворачивался к стенке и зажимал уши, чтобы не слушать ЧУЖОЙ детский голос.

Этот человек был странным и нелюдимым. Никто не знал о Сергее ничего, кроме имени, фамилии и военного звания. Даже эти скудные сведения о себе капитан Бударин выдавливал нехотя, сквозь зубы. На вопросы врачей о самочувствии отвечал резко и односложно. Потом и вовсе перестал разговаривать. Целыми днями молчал, отвернувшись к стене. А в последнее время стал отказываться от еды.

На все возмущения и увещевания медслужбы пациент никак не реагировал: просто тоскливо смотрел куда-то вдаль равнодушными, пустыми глазами.

Однажды за завтраком Сергей в очередной раз отвернулся к стене и закрылся простыней, а его миску с кашей уже привычно потянул к себе сосед, ушастый Буланкин. Но хозяйственная Фенечка решила навести порядок. Она ловко выхватила миску у своего несостоявшегося «жениха», присела на край кровати Сергея, тронула его за плечо и строго сказала:

— Ты чего это? Зачем всё раздаешь? Так тебе ничего не останется.

Бударин молчал и не двигался. Тогда Фенечка пригрозила:

— Не будешь есть — я котику отдам.

— Ты лучше мне отдай! — вмешался Ленька.

— Ты и так большой, а Мусик маленький.

С жалостью посмотрев на бледную шею Сергея, почти не отличавшуюся цветом от простыни, девочка тихонько погладила его по голове.

В ответ Бударин дернулся и потянул простыню на затылок, а Ленка участливо зашептал:

— Ты, это, Фень, не сердись. Станный он у нас. Ты иди, Фенечка, иди!

Девочка, вздохнув, протянула Буланкину миску с остывшей кашей и вышла из палаты. Но вскоре вернулась, с трудом удерживая в руках небольшой сверток материи. Сверток двигался и шипел.

Подойдя к кровати Сергея, девочка прижала пищащего котенка к худой спине раненого и прошептала ему прямо в ухо:

— Если кашу съешь, я тебе Мусика поиграть дам. Смотри, какой хорошенький!

В подтверждение котенок тихонько замурчал, высвободился из старого полотенца, устроился на плече Бударина и начал драть простыню тонкими лапками. Маленькие коготки больно кололи слабое тело, но Сергей вдруг обрадовался этой боли и впервые за долгое больничное безвременье ощутил себя ЖИВЫМ.

Однако вступать в диалог с чужим и чуждым больничным миром капитан Бударин не спешил.

А тут еще и Тася пожаловала — уколы делать.

— Это что такое? Феня, а ну марш отсюда! Ишь чего придумала — кошку в палату тащить... Помощница называется!

Девочка схватила котенка и полотенце в охапку и легкой белой птичкой выпорхнула в коридор.

Сергей привычно подставил тело для укола, не почувствовав боли, молча отвернулся к стене, закрыл глаза и вдруг зачем-то потер плечо — то место, где должны были остаться следы от кошачьих коготков. Потом поворочался на комковатой подушке и вскоре забылся в тяжелом сне.

Проснулся он только к ужину от прикосновения легкой руки. Бударин разозлился: «Опять эта девчонка!» — и решил никак не реагировать. Но Фенечка настойчиво теребила его за ухо и жарко шептала:

— Ешь!

Чужие настойчивые пальчики бесцеремонно лезли в рот, раздвигали сжатые губы. Сергей фыркал и отворачивался, но всё-таки вынужден был проглотить несколько липких сахарных крошек. Оставшийся маленький кусочек девочка разместила у него на подушке и торжественно спросила:

— Ты мне друг?

Бударин недовольно взглянул в серьезное детское лицо и отвечать не стал. Фенечка громко объявила:

— Если ты мне друг, ты съешь весь этот сахар.

Потом погрозила пальцем и строго добавила:

— Смотри у меня! Приду — проверю.

В палате одобрительно засмеялись, а Бударин покрутился на подушке, уткнулся носом в сладко пахнувший сахарный огрызок, потрогал его губами и наконец проглотил. Потом тут же провалился в сон — как в пропасть.

Проснулся перед самым отбоем от шуршания материи над ухом. Фенечка приподнимала простыню, шарила под подушкой, откидывала одеяло. Наконец убедилась, что сахар съеден, и очень обрадовалась:

— Какой ты молодец! Теперь вижу, что ты мне друг.

Потом низко нагнулась к Сергею и прошептала:

— Сегодня я не пойду ночевать домой, потому что мы с Тасей дежури-
м. Когда все уснут, я приду и расскажу тебе БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ.

Бударин вздрогнул от слова «секрет» и внимательно взгляделся в остренькое личико девочки. Она придвинулась поближе, сняла косынку, распустила волосы и резко взмахнула головой, занавесив лицо рыжими прядками. А уже из-за них — как из-за забора — подмигнула веселым голубым глазом.

Сергей впервые не стал отстраняться от маленького детского тельца. От Фенечки не пахло конфетами, молоком и свежестью, и это радовало Бударина, потому что больничный запах йода, карболки и пота ничем не напоминал ему прошлую мирную жизнь.

Он прикоснулся дрожащими пальцами к худенькому плечу, медленно растянул бледные губы в слабой улыбке и прошелестел:

— Ладно.

Фенечка засмеялась, потом заговорщически приложила палец к губам и убежала прочь, что-то напевая.

А Сергей в ожидании ночи отвернулся к стене, удивляясь, что ждет ее теперь с нетерпением, а не так, как всегда, — со страхом и горечью. И еще больше удивился, когда вдруг обнаружил, что на самом деле интересуется секретом этой чужой девчонки.

Потому что у Сергея тоже был БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ, о котором тот никому не рассказывал.

Неделю назад поутру Бударин сумел забежать из военной части домой — в свой Тракторозаводский район, повидаться с семьей.

Но опоздал. На несколько минут опоздал. Вместо дома зияла глубокая воронка, в которой остались его маленькая дочь Верочка вместе с женой Валюшей.

За два военных года капитан Бударин повидал много смертей: хоронил и своих однополчан, и мирных жителей. Сам пулям не кланялся, смерти не боялся. Казалось, Сергея, как незримой броней, защищала непоколебимая уверенность в собственной неуязвимости из-за того, что он не мог, просто права не имел так подвести своих родных девочек, ожидавших дома отца и мужа. Теперь эта броня треснула.

Задыхаясь от тяжелого дымного смрада, Бударин заглянул в воронку, надеясь увидеть там свой дом — хоть кусочек. Но от теплого старенького дома с красной кирпичной трубой на крыше не осталось ничего. И от прошлой жизни тоже ничего не осталось.

Сергей подошел к самому краю воронки, еще раз заглянул в немую пепельную глубину. Потом выпрямился и зачем-то стал раскачиваться — вперед-назад, как в физкультурном зале. Он резко наклонялся над воронкой, носки сапог скользили по самому краю, и земля осыпалась вниз.

Так Бударин долго качался и что-то шептал, а может быть — плакал, пока чьи-то руки не оттолкнули его от края воронки. Мужчина охнул, оступился, сбросил с себя грубые руки, мешавшие приблизиться к родным, и мешком повалился к ногам учительницы Антонины Петровны. Она гладила Сергея по голове и что-то говорила. Тот кашлял, задышался от дыма и думал о том, что

соседка поступила правильно: он тут качался, как дурак, а земля сыпалась на Вальюшу и Верочку — прямо им на головы.

На углу, у другой воронки, кричал сосед — тонким визгливым голосом, на одной ноте: «Всё-о! Всё-о!» Иван был инвалидом, на фронт не попал. Здесь, в тылу, он работал у станка, выпивал и жену поколачивал под пьяную руку. Вот и в этот раз засиделся с друзьями... А поутру вернулся домой и корчился у воронки от боли и горечи.

Бударин понял, что больше не вынесет такого крика, с трудом встал, подошел к соседу и с размаху ударил Ивана в грудь. Тот запнулся, еще несколько раз пробормотал «всё» и присел на теплую и седую от пепла землю. Сергей тоже зачем-то коротко повторил за соседом: «Всё».

Потом застыдился: пока он тут разговоры разговаривает, родные одни в воронке остались. Повернул обратно, но шаг вдруг взвился пламенем, земля и небо исчезли в жарком вихре. Осталось только слово «ВСЁ».

Это слово выглядывало из углов палаты, скрывалось в каждой трещинке на стенах госпиталя, проступало крупными кровавыми буквами на грязноватом больничном потолке. Особенно страшно становилось ночью, когда некуда спрятаться от злого безысходного слова из прошлой жизни, произнести которое не было сил.

И Сергей замолчал. Ночью лежал, спрятав голову под подушку, и до самого рассвета бессмысленно и беззвучно считал, чаще всего баранов, слонов, обезьян. Целые стада и стаи животных проходили перед его мысленным взором и исчезали без следа за темным больничным окном.

А днем Бударин спал или просто часами лежал молча, уставившись в потолок. О прошлом вспоминать не хотел. Память о нем даже в сны не пускал. Просто скомандовал себе: «Отставить!» И не вспоминал. Потому что не хотел жить. Да уже толком и не жил, наверное...

А тут эта странная девчонка: Феня Феникс...

Ночью, когда все уснули, в палате неслышно промелькнула легкая светлая тень. Фенечка склонилась к изголовью Сергея и осторожно тронула его за плечо. Бударин с трудом поднялся и медленно поковылял следом за девочкой в темную глубину коридора.

Фенечка шла легко и уверенно, изредка оглядываясь на Сергея, которому непросто давался каждый шаг. Превозмогая боль, он упрямо следовал за своим маленьким проводником, стараясь не сбиться с курса.

Наконец они очутились в тесном закутке в углу коридора, куда почти не проникал слабый свет из маленького окошка с небрежно покрашенными стеклами.

Фенечка ловко взобралась на большой железный ящик у окна, с него перекатилась на подоконник и, удобно устроившись там, как на скамейке, протянула Бударину руку:

— Иди сюда, садись. Тут никто не увидит.

Сергей потянулся к подоконнику. Ногу пронзила острая боль. Кое-как Бударин уместился на краю ящика и поежился от прикосновения холодного железа.

Наконец Фенечка важно начала рассказ про БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ — с вопроса начала:

— Вот ты думаешь, люди насовсем умирают?

Сергей вздрогнул и промолчал. А девочка торжествующе выпалила:

— Вот и нет! Тася с Виктором Федоровичем говорили, что моя мама умерла. Я услышала, сначала очень расстроилась и плакала. А мама пришла ко мне во сне и рассказала про БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ.

На самом деле люди не умирают. Вернее, они умирают понарошку, на время. Все думают про них — мертвые, даже на кладбище в яму закапывают. Но они потом обратно возвращаются и смотрят на нас издалека — проверяют, как мы живем, забыли их или вспоминаем? Только мы их не видим. А они-то всё-о видят, их не обманешь. Если мы будем плакать, или злиться, или что-то плохое делать — конечно, тогда наши мертвые люди могут обидеться и не вернуться никогда. Зачем им к нам, таким плохим, возвращаться? Они к кому-нибудь другому придут.

А если себя хорошо вести, мама будет смотреть на меня и радоваться. От радости она когда-нибудь совсем оживет и вернется.

Я теперь хорошо себя веду и буду много добрых дел делать. Я даже рыбий жир пью, не выплевываю. Знаешь, какой он противный? А я всё равно пью, чтобы мама видела и радовалась. Даже Тася удивляется. Но она не знает — про это нельзя рассказывать.

— А мне... почему... рассказала? — сипло выдавил неловкие слова удивленный Бударин.

— Потому что тебе НАДО. Я про тебя тоже подслушала. Нечаянно! Тася говорила: у тебя все погибли.

Сергей хотел что-то сказать, но поперхнулся невысказанной болью и хрипло раскашлялся.

Фенечка прижалась к его спине, постучала по ней кулачком, а потом стала гладить Бударина по голове и повторять:

— У кошки боли, у Сережки заживи!

Потом вдруг спохватилась и исправилась:

— Ой, у кошки тоже не надо! Ну, всё, всё!

Бударин шумно прочистил горло, глубоко вздохнул, замер от удивления, что не вздрагивает и не корчится от ненавистного слова «всё». Потом неожиданно признался:

— А у меня... дочка была... Маленькая.

— А как ее зовут?

Сергей отметил, что девочка говорит о его близких в настоящем времени, и подумал, что это правильно. Так и надо говорить.

— Дочку зовут... Верочка. А... жену — Валюша.

Каждое слово давалось с трудом, но Бударин хрипел и захлебывался этими внезапно прорвавшимися словами, чувствуя, что ему действительно НАДО, в самом деле нужно выговориться после долгого молчания.

Фенечка слезла с подоконника, привалилась к коленям Сергея теплым животом и тихо выдохнула:

— Не приходили еще?

— Я плохо... сплю, снов... не вижу.

— Нет, просто ты неправильно всё делаешь. Я сначала тоже сильно плакала и боялась. А потом стала всем помогать. Мама ко мне во сне пришла и про это рассказала. Твои тоже обязательно придут.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

Фенечка вернулась на подоконник, устроилась поудобнее и продолжила свой обстоятельный рассказ о БОЛЬШОМ СЕКРЕТЕ:

— Мама во сне пришла и сказала: «Дочка, не бойся, люди тебе помогут. И ты должна помогать тому, кому плохо. Живи и смотри, кому помочь надо». Я и помогаю, кому НАДО. И мне люди помогают. Значит, и тебе хорошо будет, если людям помогать начнешь...

Поразмыслив, девочка заключила:

— Может, твои где-то далеко, и у них там связь не работает. Вот вчера Виктор Федорович в город звонил-звонил, в трубку кричал, даже по телефону стучал. А у них там связи не было, только к вечеру дали.

Потом задумчиво добавила:

— Мама сказала: чем больше добра сделать, тем она ближе ко мне будет. Может, когда-нибудь совсем вернется. А пока только понемножку возвращается.

— Это... как же... понемножку? — заинтересовался Бударин.

— Вот Тася меня спать укладывает, гладит, как мама, и песенку поет — прямо маминым голосом. Это так мама ко мне понемножку возвращается.

Тут Фенечка широко зевнула и спохватилась:

— Ой, пойду я! А то Тася увидит и заругает. И ты иди. Тебе хорошо спать надо — чтобы твои скорее пришли...

Девочка ушла, а Сергей остался сидеть на холодном ящике, не понимая, что ему теперь делать с этим новым знанием. Бударин не задавался мыслью о том, в самом ли деле Фенечка видела вещие сны или просто придумала свой БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ. Он просто чувствовал или даже ЗНАЛ, что девочка права.

Родные не ушли совсем, они рядом, всё видят и переживают, поэтому нужно быть сильным и жить так, чтобы их не позорить. Даже если жить не хочется.

Бударин распрямил ноющую спину, с трудом оттолкнулся от ящика, медленно побрел к палате на дрожащих слабых ногах. Там присел на кровать — даже лечь не стал, впервые за долгое время без страха взгляделся в ночную темень и почти беззвучно прошептал:

— Спокойной ночи... девочки мои! Хороших... снов!

Правда, сам так и не уснул: до утра думал о Валюше и Верочке — несмело, осторожно, будто пробуя воспоминания на вкус. Улыбался, плакал, затыкая рот подушкой, и улыбался снова.

Наутро Бударин решительно потянулся за миской с кашей. Крепко схватил — не отнять. А вот ложку удержать не смог — выскользнула из рук. Ее подхватил на лету Ленька Буланкин и уважительно протянул Сергею:

— Держите, товарищ капитан! Доброго здоровьечка!

Так капитан Бударин постепенно стал возвращаться к жизни. Нет, он не спешил бурно обсуждать с соседями нехитрые больничные будни. И байки перед отбоем не травил, говорил редко и с запинкой — после контузии не всегда гладко получалось. Но всё-таки Сергей уже не отгораживался от людей и не прятался от своего прошлого. Даже сны обрывочные появились. Правда, поутру Бударин ничего вспомнить не мог, а на вопросительные взгляды Фенечки даже научился улыбаться в ответ — неуверенно, краешками рта.

Процесс «возвращения» Бударина ускорило событие, случившееся с его тезкой — Серегой Петренко. Этот высокий крепкий сержант, молодой деревенский парень, получил серьезные осколочные ранения.

По странной иронии судьбы его тело — ладное, сильное — совсем не пострадало. Удар приняло на себя лицо Серегги, наглухо закрытое сейчас тугой повязкой. Видны были только глаза без бровей — темно-серые и задумчивые. Ел сержант в основном через трубочку, в разговоры не вступал, да и говорил невнятно — трудновато было извлекать звуки из-под тугой повязки. Поэтому всё больше слушал товарищей по несчастью и никак себя не проявлял.

Наконец наступил долгожданный момент снятия швов.

Петренко позвали в процедурный кабинет, а соседи по палате увязались за ним, хотя знали, что на перевязку всегда ходят в одиночку и по очереди. Но в этот раз, вопреки строгим госпитальным правилам, Тася их не прогнала.

Федотыч с Буланкиным вдвоем ввалились за сержантом в процедурный кабинет и важно расселись рядом на скрипучей кушетке. Буланкин тут же воровато потянулся к шкафчику с лекарствами, а медсестра даже не прикрикнула на нахала — будто не заметила. Может, Тася и вправду не заметила, потому что ласково ворковала с Петренко, разматывая бинты. Старик Федотыч шутил:

— Ну, Серега, скоро домой поедешь — все девки твои будут.

А Ленька уже стал за его спиной тихонько теребить тугую дверцу шкафчика, но вдруг замешкался и застыл с вытянутой рукой, наблюдая за тем, как из-под тугой сплошной повязки медленно выступает и проявляется новое лицо парня. Слов ни у кого не нашлось...

Петренко почувствовал неладное и попросил зеркало. Не дали. Тогда он решительно направился к туалету. Несколько человек, не сговариваясь, двинулись следом.

Там сержант взглянул на свое перекошенное лицо — с темными провалами вместо носа и рта, изрытое неровными шрамами, и страшно закричал: тонко, по-заячьи, не в силах отвести взгляда от чудовищной багровой маски. Его оттащили от зеркала, привели в палату. Петренко рухнул на кровать и зачих — будто умер.

Фенечка попыталась было заговорить с Сереггой, но ее остановил старик Федотыч. Так сержант Петренко и пролежал весь день, отвернувшись к стене и закрыв голову подушкой.

К вечеру в палату, весело насвистывая, заглянул Мореход.

Раненые зашикали, жестами указывая на причину общего траура. Но Лева не оценил масштаба трагедии:

— Тю! Руки есть, ноги есть, бейцы есть! С задницы срежут, на морду натянут — будет весь как новый!

На прогнозы одессита Петренко никак не реагировал. Да и соседи парня больше не трогали, оставили в покое.

Только Бударин время от времени оглядывался на неподвижное тело сержанта в углу палаты — слишком хорошо представлял капитан, что сейчас происходит с тезкой.

Ночью в углу что-то зашрипело. Бударин встрепенулся от мрачного предчувствия и стал вглядываться в темноту. Петренко легко соскользнул с кровати и покрался к двери.

Сергей неуклюже сполз со своего хлипкого матраса, охнул и прикусил губу.

Он, задыхаясь, спешил за сержантом, хромал, оступался и злился:

— Что же он... быстро так... гад? Не... не успею же!

Конечно, Бударин не успевал и сразу потерял Петренко из виду.

Уняв противную дрожь в руках, он прислонился к шкафу с лекарствами и стал лихорадочно прислушиваться. В коридоре было тихо.

«Так, в туалет не пойдет — там зеркало, — рассуждал Бударин. — А дальше — у медсестры пост. Куда же ему деться-то?» И вдруг похолодел от догадки, вспомнив, где они с Фенечкой ночью прятались.

У Сергея аж спина взмокла при воспоминании о долгом пути к тайному уголку. Но выбора не было.

Бударин медленно двигался, почти полз по пустынному коридору и тянул за собой отекающую непослушную ногу.

Наконец за поворотом у окна замаячила темная фигура.

В неверном свете бледной луны тускло блеснуло лезвие бритвы.

Сергей понял, что не добежит, не успеет, и хрипло заорал во всё горло:

— Отставить!

Бросился вперед, как в бой, изогнувшись в резком рывке, больно ударился о железный ящик и свалился на пол. Но тут же стал подниматься, из последних сил хватаясь за пижаму Петренко, и упрямо пополз вверх, карабкаясь по телу сержанта, как по дереву. За спиной послышался шум, застучали двери, замелькали лица.

А они, два Сергея, неподвижно застыли в причудливой скульптурной группе, намертво вцепившись вдвоем в одну бритву. Вокруг стала собираться небольшая толпа. Кто-то кричал в коридоре:

— Доктора, доктора позовите!

Прибежал заспанный доктор.

— Что вы тут устроили? — с ходу заругался Дмитрий Степанович. — Петренко, Бударин, что тут у вас?

Сергей Петренко так и остался стоять у окна памятником — молча, с бритвой в дрожащей руке, а Бударин отпустил бритву и глупо отозвался:

— Ничего.

— Ничего? А бритва зачем?

— Затем, — «по-пацански» отрезал Сергей и вдруг придумал ответ:

— Брить меня... будет.

— Брить? — изумился доктор.

— Брить, — веско подтвердил Бударин и добавил:

— Зарос... как дед. Самому... неловко.

И уже уверенно повторил:

— Неловко... самому.

Доктор не нашел, что ответить, а собравшиеся раненые зашушукались и загудели. Буланкин вылез с советом:

— Бриться в туалете сподручнее. И зеркало там... ой! — Ленька запнулся: видно, кто-то по-мужски напомнил, что про зеркало сейчас при Петренко говорить не стоит.

Невнятный гул голосов перекрыл мощный бас Морехода:

— Шо я хочу сказать: нехай один Сергей брочет другой Сергей. И давайте уже делать ночь!

— Да, расходитесь по палатам, — обрадовался совету Дмитрий Степанович.

Раненые нестройной толпой потянулись по палатам «делать ночь», будто не было ничего странного и необычного в самом факте ночного бритья в темном коридоре, у подслеповатого окошка. Только расторопный Ленька Буланкин метнулся куда-то и скоро вернулся с небольшим обмылком, кистью для бритья и жестяной кружкой с мятыми боками, в которой плескалась вода. Всё это он сунул в руки Бударину и тут же исчез — как и не было.

Дмитрий Степанович еще несколько минут потоптался в тесном коридорном закутке, внимательно вглядываясь в непроницаемое лицо Бударина. На Петренко доктор старался не смотреть. Потом уже почти спокойно заметил:

— Ладно, заканчивайте тут с бритьем — и в палату.

— Так точно, — отрапортовал Бударин. Даже без запинки слова выговорил! Он повернулся к тезке, застывшему в той же неловкой позе, искомандовал:

— Давай... боец! Брей... что ли!

Петренко стряхнул с пальцев выступившие капельки крови, вытер руку о смятый подол рубашки и неуверенно потянулся к инструментам.

Бударин подбадривал:

— Давай... тезка. Да смотри... не зарежь, а то... быстро... в психушку... определяют.

Сергея сосредоточенно взбивал мыльную пену и гремел мятой кружкой о железный ящик.

Потом намылил Бударину лицо и что-то тихо промычал себе под нос.

— Чего... говоришь? — уточнил Сергей.

Сержант невнятно повторил слова, из которых можно было догадаться о его сомнении в пользе ночного бритья в темном коридоре.

— Нормально, — успокоил Сергей. — И голову... тоже. А то... правда — как... дед.

В полном молчании Серега послушно брил Бударина, и тот с удовлетворением отметил, что руки у сержанта почти не дрожали.

После окончания процедуры враз помолодевший капитан провел рукой по бритой макушке.

Лицо и голову нещадно жгло и щипало, но сейчас это не имело никакого значения.

— Молодец! — похвалил Бударин тезку, потом резко спросил:

— Мать... есть?

Сергея кивнул утвердительно.

— Сестры... братья? Дом?

В ответ последовали еще три утвердительных кивка.

Сергей наставительно заметил:

— Видишь, как оно... получается. Мать у тебя... сестры, братья... дом... Богатый ты... брат! Только... дурак.

Бударин оперся на подставленную руку Петренко, охнул и тяжело поднялся на ноги.

— Ладно, пошли... «ночь делать».

И добавил:

— А Морехода... зря не слушаешь — он дело... говорит. Поправят тебе... физиономию. Потерпи... — мужик же.

Тезки молча добрались до палаты, улеглись в койки и вскоре уснули.

Одному Сергею приснилась мама с большой банкой вишневого варенья в руках, а другому — дочка Верочка, бежавшая по парковой аллее за голубым воздушным шариком.

На следующий день о ночном инциденте никто не вспоминал — будто ничего и не было.

Только Фенечка, будто невзначай, всё время оказывалась около постели Петренко. Сергей замечал повышенный интерес девочки к своему тезке, но не обижался — понимал, что тому НАДО: парню сейчас действительно нужнее было Фенечкино внимание и тепло.

Поздним вечером Бударин привычно поковылял в тайный уголок за поворотом. Фенечки долго не было. Наконец она прибежала, взъерошенная и невеселая.

— Ты что... Фень? — удивился Сергей.

— Приедут за мной завтра, в школу пора.

— В школу? В какую... школу? Ты же... маленькая! — возмутился Бударин.

— Ничего не маленькая! Семь лет уже, — похвасталась девочка.

Бударин покачнулся и схватился рукой за подоконник, чтобы не упасть. Он застыл у окна в неловкой позе, как памятник, и не знал, что сказать.

И Фенечка не знала. Она легла грудью на подоконник, по-бабьи подперла щеку рукой и уставилась в закрашенное «слепое» окно. Сергей пристроился рядом на железном ящике, не чувствуя холода. Так они долго смотрели в мутное стекло. В верхнем уголке окна краска стерлась и виднелся кусочек обшарпанной стены соседнего госпитального корпуса. Больше ничего не было видно — одна темнота.

Потом Бударин осторожно провел рукой по растрепанным волосам девочки и хрипло сказал:

— Пойдем... Спать... пора.

И они разошлись по своим палатам — молча, как чужие.

Следующим утром за Фенечкой явилась красивая учительница из детского дома — ведь до начала учебного года оставалось всего несколько дней. Провожать своего маленького Феникса вышла целая толпа раненых, наперебой твердивших на прощание добрые слова. Нехитрые подарки уже не умещались в детских ручках и распирали растянутую старую сумку с вещами и продуктами, тоже наспех собранными по всем палатам. Девочка, непривычно молчаливая, крепко держалась за руку молодой учительницы, вместе с ней медленно продвигаясь по запруженному людьми коридору. На лице Фенечки застыла неуверенная печальная улыбка от неизбежности прощания с людьми, уже ставшими близкими. Но сквозь грусть и тревогу проступала и нежданная светлая радость предчувствия новой жизни, в которую вела сейчас девочку незнакомая женщина со светлыми волосами.

Бударин на прощание с Фенечкой опоздал. Всю ночь он ворочался на постели, вздыхал и охал. Только под самое утро забылся коротким, рваным сном, в котором видел свою Валюшу и дочь Верочку — почему-то в белом халате, с Фенечкиным лицом.

Утром из окна палаты Сергей разглядел светловолосую женщину, которая разговаривала с Тасей в больничном дворе. Сердце капитана бешено застучало и заметалось. Сергей вдруг подумал, что с медсестрой разговаривает его жена. Да что там подумал! Он УЗНАЛ в незнакомке свою Валюшу, так же поправлявшую пушистые непослушные прядки, прихваченные на затылке черными гнутыми шпильками. Жена эти шпильки постоянно теряла. А они с Верочкой обнаруживали их в самых неожиданных местах и потом в шутку дразнили Валюшу, не спеша отдавать находки.

Бударин понимал, что чудес не бывает: рядом с Тасей — не Валюша, а чужая женщина, просто похожая на жену. Но не мог заставить себя отойти от окна. Так и стоял, вцепившись побелевшими пальцами в подоконник, почти прилипнув лицом к стеклу, пока медсестра с незнакомкой не скрылись за поворотом.

Потом Сергей побрел из палаты прочь — неизвестно куда, зажав дрожащей рукой ворот рубашки. Крепко держал ее — у самого у горла, будто боялся, что сердце не выдержит, вырвется из груди и покатится по бесцветному вытертому полу. С ним заговаривали, и Бударин даже что-то кому-то отвечал — невнятно, словно во сне.

Сергей не замечал, что в коридоре постепенно собирается толпа и медленно движется к выходу из здания. Он шел вместе с толпой: бездумно, наугад, не вслушиваясь в общий шум, — будто по течению плыл. Только у самой двери во двор Бударин очнулся от оцепенения, когда кто-то сунул ему в руку тоненький букетик осенних цветов. Он поднял глаза на дарителя, узнал вездесущего Буланкина, который надрал бедный военный букет с чудом уцелевшего кусочка бывшей клумбы, и удивился. Какие цветы, зачем? Лишь медленно возвращаясь в глухую серую тоску затянувшейся больничной жизни, Бударин из сбивчивых слов Леньки понял, кому предназначены эти цветы и по какому поводу.

Сергей сжал букет дрожащими пальцами, втянул холодным носом сладковатый аромат, почему-то показавшийся ему горьким запахом беды. И вдруг осознал, что вместе с этими мятыми цветами из его жизни уйдет смешная девочка, открывшая БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ — единственный и верный способ возрождения из пепла для человека с выжженной горем душой.

Бударин рванулся сквозь толпу, волоча за собой раненую ногу, будто кандалы, и поверх чьих-то сдвинутых плеч попытался протянуть Фенечке свой прощальный подарок. Неожиданно люди расступились перед ним. Сергей покачнулся, потерял равновесие и чуть не свалился под ноги девочке. Но тонкая рука молодой женщины, до этого крепко сжимавшая Фенечкины пальчики, подхватила его под мышку. Бударин выпрямился и оказался лицом к лицу со светловолосой незнакомкой. Он смотрел в милое лицо с нежными пятнышками веснушек, вдруг оказавшееся так близко, и не мог отвести взгляда. Конечно, это была не Валюша, но Сергей с удивлением и радостью почувствовал, что вовсе не разочарован. Напротив, в груди росло и ширилось полузабытое радостное томление от чувств, не передаваемых словами.

ФЕНИКС

А Фенечка взяла Бударина за руку, уткнулась лицом ему в живот, и они застыли втроем в неожиданных случайных объятиях, прижавшись друг к другу, живые и теплые.

Как семья.

Сергей еле сдерживал предательские глупые слезы, хотел что-то сказать, но слова не выговаривались. Он некрасиво шмыгнул носом, застыдился и испугался, что сейчас эта чужая и почему-то такая уже родная женщина засмеется, уберет руку и вместе с Фенечкой навсегда уйдет из его жизни. И закончится нежданный праздник...

Но Фенечка еще крепче прижалась к Бударину. А женщина не убрала руку и не засмеялась — лишь улыбнулась спокойно и ласково, по-домашнему. Потом осторожно расправила привядший букет и внимательно посмотрела на Сергея — прямо в душу ему заглянула серыми Валюшиными глазами.

Сергей ДОНБАЙ

«Читаю книгу о войне...»

Кадры хроники

Старая, старая хроника
Незабываемых лет,
Перекрути и напхни-ка
Неповторимый момент.

Серенький, маленький, бедный,
Поезда ждущий перрон —
С перекошённым победой
Женским счастливым лицом.

Вот они! Видели! Видели!
В звёздочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич — поэт, секретарь и член приемной коллегии Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Родился в 1942 году. Живет в городе Кемерово. С 2004 по 2024 год возглавлял журнал «Огни Кузбасса». Автор четырнадцати книг стихотворений. Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Наш современник», «Москва», «День и ночь», «Роман-журнал XXI век», «Север» и др. Лауреат литературных премий: имени В. Д. Фёдорова (2005), святого благоверного великого князя Александра Невского (2006), Г. Д. Гребенщикова (2010), Н. А. Клюева (2014) и др. Награжден почетной грамотой Президента Российской Федерации.

И на плече у родимой,
Старый — не по годам,
Плачет непобедимый
Мальчик во весь экран!..

Солнечно, искренне, тесно!
Крики, улыбки, гудки.
Марш духового оркестра
Правит дыханьем в груди!

Но по перрону, как ранена,
Среди платков и пилоток
Мечется кинокамера,
Мечется, ищет кого-то...

Военное детство

А нас обернуло порознь
И вместе уже не раз:
Глядит сквозь военную прорезь —
Как делится — детство в нас.

И все эти годы мирные
В глубоких тылах страны
Мы всё ещё эвакуированные
Сиротственники войны.

Отчётливо в детство, в отрочество
Вошла — до сих пор видна, —
Как общее наше отчество,
Отечественная война.

Братские могилы

Для меня становятся родней
Братские могилы — стелы, плиты
Той войны, в которую зарыты
Дни и судьбы Родины моей.

Братские могилы — стелы, плиты.
Не постигнув весь мемориал,
Я архитектуру подвергал
Критике, святую, деловито.

Здесь не пересматриваю взгляды,
Было в рассуждениях зерно:
Очень часто очень заурядны
Памятники наши были, но
Не подвластен вырвавшийся стон!
Горе человеку не подвластно:
Не стараясь выглядеть прекрасно,
Как уж есть, рыдает просто он...

Той войны, в которую зарыты
Группами по несколько мужчин,
Я никак не понимал причин —
Каждому хватило бы земли-то!
А живые — как могли посметь? —
Всех в одной могиле хоронили.
Невозможно. Может, в спешке? Или
Братство перешагивает смерть?!

Дни и судьбы Родины моей...
Растворяюсь до последней капли
И уже неразличим я как бы...
А война всё дальше,
Всё видней.

* * *

Читаю книгу о войне:
Я выхожу из окружения,
И все орудия по мне
Палят, к лафетам отпружинивая.
В стволах четыре пули замерло!
Сторон четыре —
Белый свет!
За мной следят четыре снайпера,
Тая оптическую смерть...
Но я счастливо просыпаюсь.
Щекой на книге,
За столом.
Я просыпаюсь, как спасаюсь,
И, дай-то Бог, не в руку сон!
А ночь, как девочка босая,
В раскосых звёздах вся она,
Проходит в комнату такая,
Что ни при чём совсем война.
Но я читаю о войне...
Уже давным-давно за полночь.
Ракета падает к земле —
Я землю тороплюсь запомнить.

Владимир ГОЛУБЕВ

Деревянный танк

Глава I. ГЛЕБОВО

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек.

Из выступления В. Молотова по радио 22 июня 1941 года

— Ба, а ба, а я буду с фашистами воевать?

— Ты совсем спятил, окаянный, тебе всего-то четырнадцать лет. Твой отец коли об этом прознает, тогда нам обоим так навоюет, сидеть не сможешь. Запомню, пострел ты этакий, что он велел, когда уезжал?

— Мне скоро пятнадцать лет, забыла?

— Не оговаривайся, баловник. Помню, большой вымахал, а разумение всё как у дитяти. А день рождения твой-то только весной будет!

ГОЛУБЕВ Владимир Михайлович — прозаик, фольклорист, член Союза писателей России, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живет в деревне Каменке Серпуховского района Московской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем следственного отдела Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской горпрокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ. Писательскую деятельность начал в 1992 году, первая публикация была в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса» (2008), «Асины сказки» (2010), «Тешиловская русалка», «Зибровский водяной» (2014), «Лесовик и метелица» (2014), «Сказы Матушки Оки» (2018), «Забытый рубеж» (2019) и др. Лауреат Общественной литературной премии имени П. П. Бажова (2022), Российской литературной премии (2023), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024).

Леша спереди на голове взлохматил белобрысые волосы и посмотрел на бабушку, неспешно чистящую у окна вареную картошку в мундире. Она как ни в чем не бывало поправила платок и выпрямила сутулую спину. По всей избе повеяло постным маслом, что стояло в открытой бутылке возле миски.

— Да, помню, отец сказал: «Помогай бабушке и слушайся ее».

— Вот и слушайся меня, сделай одолжение.

— А Колька Савинков хочет на фронт сбечь, — не унимался внук. — Я с ним пойду, а то так, глядишь, и война через несколько месяцев без нас закончится. Вот посмотришь — не успеет батя воротиться домой, а я на крыльечке с медалями его поджидаю.

— Вот Серафим Петрович задаст твоему Кольке по первое число, что ему, паршивцу этакому, небо с овчинку покажется. У него мать при смерти, пластом лежит какой год, а он, пострел, в бега собрался. Вот давеча ночью, в третьем часу, что-то грохотало в стороне Малоярославца, как бы германцы к нам не заявились, будет тебе тогда такой фронт, сами не успеем спрятаться, — бабушка вздохнула и бросила взгляд в окно. — Да и где укреешься-то от фашиста проклятого? Эх, велика Россия, а куда вот идти, и не ведаю: то ли в ближний лес, то ли прямо сейчас уходить куда подальше, хоть за Серпухов. Да вот токмо кому мы там нужны? Ведь и голову будет негде приклонить, а скоро морозы...

Прасковья Филипповна замолчала и краешком фартука утерла набежавшую слезу. Внук Алексей перестал глупо ухмыляться, отвернулся от бабушки, чтобы самому не разреветься вместе с ней, и начал пристально, почти не моргая, смотреть в окно, на серое октябрьское небо. Женщина вышла из закутка, глянула в красный угол, на образа (по причине начавшейся войны их вновь водрузили на свое законное место, достав с пыльного чердака), перекрестилась и сказала, глядя на внучка:

— Коли придет проклятый германец, ты уходи с тетей Глашей, а я, наверно, останусь за домом присматривать. Чую, спялят его изверги или колхоз займет.

— А вдруг с тобой что случится?

— Не переживай, я уже старая и никому не нужна, да и Бог меня сбережет. Ну а ежели смерть придется принять, знать, так тому и быть, да и лучше на родной земле преставиться, чем на чужбине. Жалко вот только — церкву-то нашу родную закрыли...

— Вот опять завела бабуся старую пластинку. Чай, запомновала: религия — это опиум для народа, сам Карл Маркс сказал.

— Да помню-помню, с вами, огольцами, разве позабудешь про вашего Карлу. Папаша твой мне тоже всё про это самое бубнил. Скажи, что хоть это-то — опиум-то твой. Может статься, что-то недурное.

Леха заерзал на стуле и даже принялся украдкой грызть ноготь на правом мизинце.

— Учительница, помнится, нам в классе объясняла: это что-то типа вина или особенно крепкого чая, сам не пойму.

— Ну коли сама учительница растолковывала, хотя погоди-ка, — Прасковья Филипповна остановилась и задумалась. — Мне в тридцатом или тридцать первом году фельдшер выписывал опиумную настойку от желудка, я ее в Угодке* в аптеке брала. Выходит, что вера-то прямо лекарство для народа? Так и есть, прав твой окаянный бородач-то.

* Село Угодский Завод, райцентр Московской области, ныне г. Жуков Калужской области.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Бабуля, ты всё не так понимаешь. Если тебя послушать, то портреты товарищей Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина надо вешать рядом с иконами?

— Так и есть, вон у Сидорки-то те же безбожные лики, что из журналов повырезаны и теперь прилажены поверх самого Николая Угодника да Спасителя с Богоматерью... Он тока шасть из дома, так теща упрятывает безбожников и даже лампадку зажигает. Как-то раз партийные мордасы-то вернула на место, а лампадку-то, пустая голова, позабыла задуть, а тут в избу, как на грех, вся сельская партийная тройка, значит, сам Сидорка, потом Паша Косой и ваш комсомолец заходят, а подле Ленина и Сталина лампадочка мерцает... Вот смеха-то было, почитай, на всё село, чуть потолок в избе не рухнул!

Лешке, крепкому круглолицему подростку, был не по душе этот разговор. Он любил родную бабулю, заменившую ему мать, которая бросила его в младенчестве, а ее возмутительные слова, бесспорно, перечили тем, что ему изо дня в день талдычили в школе и в сельском клубе, да еще во всех газетах и книгах. И он принялся выдумывать повод оборвать рассказы бабушки. Наконец с облегчением вздохнул и пробурчал, перебивая старушку:

— Ба, а ба, давай лучше обедать, а то в животе уже урчит. Так хочется котлету.

— Вот тебя отец набаловал-то на свою голову, а что еще твоя душенька желает?

— Горячего ка-ка-о.

— Ка-ка-о? Совсем с ума спятил наш Алешка-то! — всплеснула руками бабуля. — Того гляди немцы на деревенской околице появятся, а он всё туда же — давай какао ему. Всё отцу расскажу, когда он вернется. Вот воспитали барчука на свою голову!

— Я не барчук, я — пионер! — обиделся внук и отвернулся к окну.

Прасковья Филипповна густо полила маслом картошку, сыпанула в миску мелко нарезанного репчатого лука и сухого укропа. Аккуратно отрезала ломоть хлеба, крошки смахнув в рот, и подала внуку. Затем шагнула к печке и, ухватом взяв чугунок со щами, выставила его на стол.

Алексей сдвинул в сторону белобрысый чуб и, не дожидаясь первого блюда, принялся уминать картошку — не спеша, с излишним усердием, медленно и с удовольствием слизывая с пальцев вкусное масло. Бабушка хотела заругаться на непослушного ребенка, но вдруг смягчилась:

— Давай наедайся, силы нам, милоч, сгодятся. Только место в животе для щец побереги.

* * *

Отец Алексея, Сергей Федорович Вдовин, походил на мать ростом, за что его с детства дразнили дылдой, и крепкими руками, да еще какими-то светлыми, неунывающими глазами. За неделю до этого он убыл в эвакуацию вместе с Высокиническим отделением Госбанка, где много лет проработал. Его жена, хохотушка Клавдия из соседней деревни Воронки, давным-давно бросила его вместе с сыном, через шесть месяцев после родов. Не раздумывая, егоза укатила на Дальний Восток в поисках лучшей жизни с подвернувшимся под руку лейтенантом Красной армии с малиновыми петлицами, прибывшим на малую родину в очередной отпуск. Все тяготы воспитания

крохотного Алешки свалились на плечи матери Сергея — Прасковьи Филипповны. Изменастряслась как раз накануне сплошной коллективизации, когда предгрозовая атмосфера расплескивалась во все стороны черными буквами из передовиц газет. Клавдия словно загодя смекнула своим женским чутьем, что их прежнее деревенское житье-бытье того гляди канет в Лету.

Сергей, как сын красноармейца, одним из первых тянул руку за создание колхоза на общем собрании единоличников и даже особо не сокрушался, в отличие от матери, когда поначалу пришлось отдать на общее дело не только справногo коня, но и кормилицу семьи — телку Пеструшку. Вдобавок для грядущего торжества социализма во всем мире в расход пошли еще восемь овец и шестнадцать кур во главе с бойким петухом Яшкой. Сам Сергей давно, с конца двадцатых годов трудился в соседнем районном центре — Высокиничах и надеялся пережить трудные времена благодаря ежемесячной заработной плате. Он старался просто не думать об этих потерях, тем более не понаслышке ведал, что приключается в наше время с ушлыми собственниками, изо всех сил цепляющимися за свое хозяйство, а ему надо было поставить сына на ноги.

Но Прасковья Филипповна по-старчески артачилась и не отрекалась от своей крестьянской сущности, а по-прежнему стояла на своем, время от времени уверяя наследника:

— Все наши глебовские, сынок, за единоличное хозяйство. Чтобы дом — свой, лошадь своя, картошка своя, свиньи-овцы — тоже свои. Чтоб вышел на свое крыльцо, посмотрел на белый свет, и сердце радовалось бы... Помню, как кричали: «Земля крестьянам!», так ее, родимую, верните труженикам. Вот как мы думаем, и батя твой ведь тоже, не щадя живота, бился за советскую власть, тоже со мной бы согласился, а тебя, сынок, нынче последним дурнем сосватали в проклятый колхоз. Я-то скоро помру, а ты еще не раз помянешь мои слова: доведет колхоз ваш, как говорится, до цугундера*.

Сын не полагался на слова матери, скорее, просто не хотел верить в них, и всё упрямо крутил головой, словно молодой бычок, что ищет, к чему приложиться растущими рожками. Он ни за что на свете не желал обидеть матушку, но про себя посмеивался над ее словами, да и что там греха таить: над всем ее старорежимным поколением, по-прежнему цеплявшимся за давно отживший свое прошлый век. Да только Прасковья Филипповна, по своей исконной женской сути, не унималась, назойливо гладила сына по непослушным волосам и время от времени талдычила:

— Знаешь, какие частушки ребята-то наши поют, когда твои комсомольцы не слышат?

— Поводай-ка, занятно, — ерничал Сергей.

Мать всплеснула руками, словно в юности на сельском гулянье, мелко задробила каблуками и весело запела:

За решётку посадили
Всех чекисты кулаков.
Землю их освободили
Для крапивы, лопухов.

Сергей нехотя убрал с головы тяжелую и сухую ладонь матери:

* Жаргонное выражение 1920—1930-х годов — «застенок», «тюрьма».

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Мама, право слово, как тебе не совестно! Вот сама увидишь — скоро повсюду появятся трактора, комбайны, новые саженцы и семена. Всё вокруг расцветет, как в дивном саду, и не поверишь, но станет как в твоём раю. Будто мифические Адам и Ева, тьфу! всё человечество не назад воротится в райские кущи, а придет дружной семьей в новые, социалистические. Вот куда ведет отсталую деревню наш рабочий класс, и никакой враг нам не помешает сойти с этого пути!

Но Прасковья Филипповна, как женщина с характером, много повидавшая на своем веку, и в прежней жизни при царях, и при новых порядках, когда в их селе стало совсем без продыха, с навалившимися проклятыми войнами и революциями, не поддавалась сладким и пьянящим рассказам сына о светлом будущем.

— Пряма так сами твои рабочие нас куда-то ведут. Думаешь, я не знаю, что трудовому человеку надоть, а? Заработок, горячий ужин да рюмку горькой. Да еще в баньку там сходить, да в чайной с дружками посидеть. Совсем другие народ куда-то силком тащат, что в жизни-то тяжелее карандаша ничего не поднимали и жизнь нашу не разумеют. Как бы нам на бойне не очутиться с такими жожаками... Не может человек без своего интереса хорошо трудиться, по себе знаю, я ведь сколько батрачила в юности. Лошадь, коли не накормлена и не напоена, ни в жизнь с плугом не пойдет, а вы хотите, чтоб человек за здорово живешь корпел до кровавых мозолей. А после кто-то всё это поделит на всех крестьян, пролетариев и служащих, ага, ждите... Сам посудит: работнику что скажут, он то и делает, будто запряженный в плуг вол или какой мерин, и плевать он хотел, что там вокруг, как сделать справно или понадежней. Главное, отдай ему положенную денежку, и дальше хоть трава не расти, да всё зырит по сторонам, что бы такого вдобавок незаметно спереть для дома или на пропой. А крестьянин — то совсем другое, он человек вольный: сам себе голова — выгоду ищет и от полученного убытка по ночам не спит, всё думку думает, что в этом году лучше посадить — рожь или овес, как бы что-то новое выдумать, чего нет у соседей. Вот, к примеру, нема в селе сапожника — он раз и обучится ремеслу, нет колесника или бочкаря — тоже, глядишь, мастерство освоит.

— Известное дело, впереди пролетариев шагают с красным знаменем настоящие большевики, они знают, что нам лучше. А такие глупые частушки я и сам помню, еще с детства, могу вприсядку пройти с коленцами.

Ленин Троцкому сказал:
«Пойдём, товарищ, на базар,
Купим лошадь карюю,
Накормим пролетарию».

— А что мне стыдиться? Вот увидишь, пустят они нас по миру без порток, а земля наша, политая потом и кровью дедов и прадедов наших, зарастет репьем да лебедой. А насчет твоего коммунизма скажу так: хорошо если дети или внуки нашего Лешки застанут что-то похожее, но токмо не мы с тобой, а мои глаза, уж верно, не увидят вашего доморощенного рая, круто замешанного на крови и слезах, да и не нужен он мне — поперек горла встанет. Я, милоч, хочу жить в ладу со своей душой, а не с брюхом.

Вдовин помалкивал, почти не перечил матери, а про себя надеялся, что нынешняя жизнь-то, она такая — прет штопором и сама рассудит, кто прав,

а кто нет, и всё разложит по полочкам. Хотя сомнений в своей правоте у него отродясь не водилось, ведь за тонкими брошюрками из избы-читальни о всеобщем счастье и изобилии стояли мудрые ученые люди. Но тогда с коллективизацией всё вышло как-то не так, по-иному, не по уму и не по совести. Так что зазорно сыну стало смотреть в глаза матери, когда по зиме, по разнарядке, свалившейся на головы односельчан из Угодско-Заводского района, под метелку забирали из их и так небогатой избы чугушки да миски, ложки да вилки, всё вплоть до застиранных кальсон да портов с заплатами, а из подпола хищно вытаскивали даже бочки с квашеной капустой...

Правда, после такого всеобщего обобществления всей имеющейся собственности на деревне быстро опомнились. Ложки да плошки, кур да уток новые хозяева жизни в конце марта того самого лихого 1930 года, скрипя зубами, всё же воротили прежним владельцам, следом за выходом известной статьи в головной газете «Правда», говорившей о перегибах в колхозном строительстве.

А Вдовин вскоре плюнул на всю эту затею с колхозами, что поставила всю жизнь в стране с ног на голову, оставил свое недолгое бригадирство и, выйдя из колхоза, подался обратно на работу в Высокиничи, благо образование позволяло. А комсомольскую путевку в райкоме ему выписали, не зря он один-единственный из местных комсомольцев, поскрипывая блестящими ремнями, носил темно-зеленый костюм юнгштурма* и не пропускал ни одного субботника и собрания.

* * *

Беспреданно где-то около Малоярославца и Калуги горели леса и поля, и даже страшно подумать — целые деревни и города. И оттого невысокое осеннее солнце сызнова оказалось в дымной пелене, словно желая заслониться от всех тех дел, что ныне свершались на земле, и как будто безжизненное око, затянутае бельмом, неспешно покатило к близкому закату мимо темных крыш и одиноких скворечен.

После обеда бабушка с внуком принялись копать под старой грушей яму. Место было тихим, укрытым от посторонних глаз среди крапивы, расположено далеко от дощатого забора и оттого казалось надежным. Глядишь, соседи, а тем паче чужаки, случаем не приметят тайника. К вечеру в получившийся ров кое-как на веревках опустили старый сундук, загодя принесенный с терраски. Он еще пахнул просушенным деревом и простеньким девичьим приданым хозяйки дома, состоявшим из дюжины полотенец да простыней с пододеяльниками и наволочками, давным-давно пущенным в дело. Прасковья Филипповна постелила на дно сундука старый брезентовый плащ, положила туда мешок муки, холщовые свертки с крупами, солью, приличный шмат сала на полпуда, часы с кукушкой, будильник и кой-какую нарядную посуду, еще того самого знаменитого Кузнецовского фарфорового завода, да пристойное добро, что было жаль вот так запросто оставлять в избе в это неспокойное время.

* Военизированная одежда комсомольцев 1920—1930-х годов, по подобию молодежных отрядов немецких коммунистов.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Ба, ну зачем всё это? — забубнил Леха, вытирая рукавом пот с румяных щек. — Никогда немцы не придут к нам в деревню: наши разобьют их со дня на день, вот сама увидишь. А коли заявятся, то у меня с Колькой фанерный танк имеется.

Прасковья Филипповна упарилась, оттого расстегнула стеганую коричневую безрукавку, давно застиранную, но опрятную, и, поправив бумазейный платок, по-старинному повязанный концами вперед, строго посмотрела на внука:

— Не хнычь и не дури, ты германца еще не знаешь, а я-то пережила ту германскую войну. Упрямые они, нехристи, будут переть, пока не добьются своего. Тогда-то тоже много деревенских мужиков в окопах сидели, и дед твой, да вот только нашим солдатикам осточертело, они и принялись смутьянить да дезертировать, а германец-то настырный, ни в какую сдаваться не хотел, до последнего тянул. Ну а коли случится по-твоему, тогда откапываем наш с тобой припасец, правда? А так мне спокойней будет: хоть знаю, чем тебя кормить.

— Правда-правда.

— А теперь всё, шабаш — хорош бубнить, давай-ка лучше всё засыпай, а после еще ногами хорошенько притопчи.

Они дружно принялись сгребать землю в яму и тщательно утрамбовывать ее ногами. А после Лешка, войдя в раж, еще потряс грушу, и она щедро поделилась пожелтевшей листвой, засыпав всё вокруг себя, будто отродясь здесь ничего не прятали.

Темнело, в октябре вечера больно кургузые, да еще свежий ветерок под-разогнал марево, и теперь розовые края облаков на закате извещали, что солнце, притомившись от дневных хлопот, скрылось за горизонт. С близкой реки потянуло сыростью и гарью с неведомых пепелищ. Вдруг около дома стукнула незапертая калитка. Прасковья Филипповна заволновалась:

— Побудь покамест тут, я пойду посмотрю, кто там. И заруби себе на носу, Алексей: никто не должен знать, что мы с тобой сделали, уяснил? Никому ни слова!

— Да, я уже больш-шой, чай не дурак, всё понимаю.

— Я знаю, потому и надеюсь на тебя, как на великовозрастного. Вывали сюда еще гнилые яблоки и груши из ящиков, они лучше прикроют наше с тобой несметное богатство.

— Есть, товарищ красноармеец!

— Вольно, господин поручик.

Оглядываясь с опаской и растирая руками поясницу, Прасковья Филипповна побрела к дому. Миновав сад и овощник с черными перекопанными грядками, она предусмотрительно оставила лопату подле навозной кучи и, старательно вытирая руки от земли о фартук, скрылась за кустами сирени. Внук принялся прислушиваться к дальнему разговору — ему стало интересно, кого это принесло под вечер, почитай, на самую окраину села, да только ничего не разобрал.

Когда голоса стихли, он крикнул:

— Ба, кто там?

— Да не шуми, ирод, Серафим Петрович заглянул на минутку.

— Что стряслось-то, ба? — удивленно поинтересовался внук.

— Помолчи, прошу тебя, Алексей, ты уже большой.

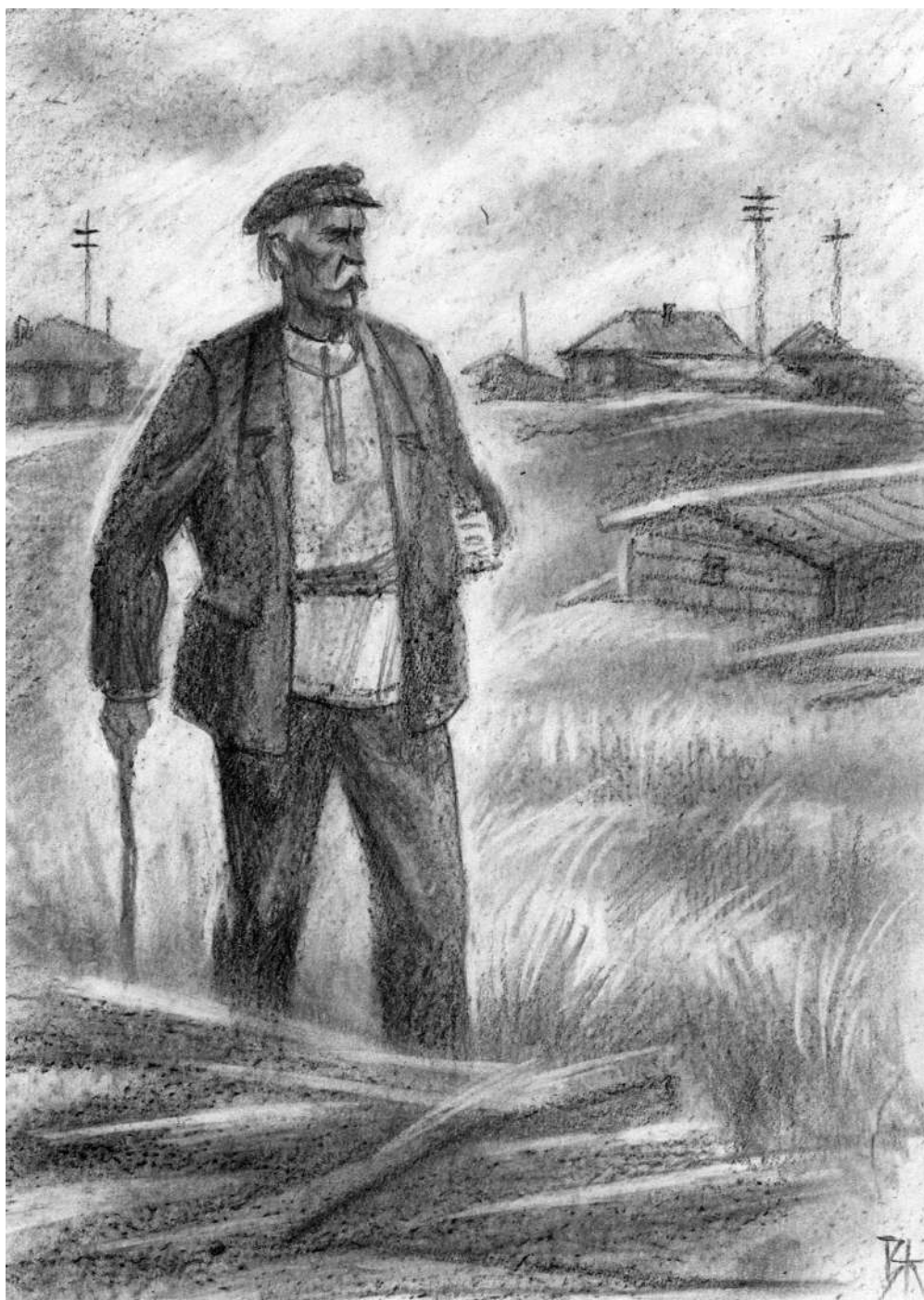

Рисунок Вадима ЖУКОВА

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Стало слышно, как Прасковья Филипповна закрывает калитку и не спеша шагает в сад, к внуку. Стало быть, стряслось что-то серьезное, ведь она никогда не называла его Алексеем, чаще Лешкой или просто бестолочью. Подойдя, бабушка осторожно обняла мальчика за плечи и прошептала:

— Пошли-ка лучше в избу, сурьезный разговор имеется.

* * *

Серафим Петрович, неворчливый и еще крепкий старик, прихрамывал на правую ногу после ранения в 1916 году, на той, первой германской войне. И, почитай, уж более десяти лет прошло, как вместе с районными партийцами, облаченными в добротные френчи и яловые сапоги, накатилась в Глебово волна сталинской коллективизации. С тех самых пор он являлся выборным председателем здешнего колхоза «Светлый путь». Ковылял по селу он степенно, не суетливо, в извечно застиранной косоворотке и в старом однобортном пиджаке, в три пуговицы, еще старорежимного покроя, из когда-то иссиня-черного сукна, как крыло ворона. По-хозяйски оглядывал колодцы и заодно избы колхозников с давно не крашенными наличниками да покосившиеся сараи. Еще две недели назад он ломал голову, как допахать зяби, а теперь махнул на всё рукой.

Колхоз, наспех организованный к 1 марта 1930 года по повелению Калужского окружного комитета ВКП(б) Московской области о стопроцентной коллективизации, состоял из жителей села Глебово и соседней деревни Воронки, всего-то с полсотни дворов. К счастью, новоиспеченным колхозникам от кулаков, выселенных с родных мест прямо в одном исподнем, то ли в далекую Сибирь, то ли в неведомый Казахстан, достались исправная мельница и крепкие дома, приспособленные под школу, сельсовет да общежитие для всяких наезжающих из райцентра командированных.

В самом центре села председатель Серафим Савинков не спеша свернул к правлению колхоза, нашедшему приют в бывшей торговой лавке с чайной крестьян Сидоркиных. Там же под одной крышей располагался и Глебовский сельсовет. По-купчески крепкий дом, возведенный еще в начале века из густо-красного кирпича, вдобавок с большущим подвалом, что много лет использовался под склад, смотрел на сельскую улицу темными окнами. Видимо, Миронова, сердечного приятеля и по совместительству председателя сельского Совета, на месте не оказалось. Серафим Петрович своим ключом открыл скрипучий навесной замок и огляделся по сторонам. На улице поблизости хоть шаром покати. Колхозное стадо давно прогнали на ферму, и даже пыль уже осела на коровьи лепешки, только напротив в соседней избе бляла вечно недовольная коза: верно, хозяйка уж больно старательно доила единственную кормилицу.

Наконец-то оказавшись в бывшей чайной, он закрыл дверь на запор и прошел в колхозную половину, где зажег керосиновую лампу. Фитиль постепенно разгорелся и осветил комнатенку правления. Председатель с грустью оглядел темные углы, окно с паутиной, бросил взгляд на часы с кукушкой, изъятые у кулаков Петровских, но они давно не ходили и молчком висели как напоминание о его давнишних знакомцах, а отвезти их в ремонт всё было недосуг. Савинков сел за длинный стол, накрытый старым кумачом, с пятнами

от химических чернил, каплями воска и даже прожженными дырами: видно, кто-то в порыве гнева или просто из озорства тушил сигарки о красное полотно.

На всё это обыденно и невозмутимо из темноты глядели с простенка, почти из-под самого потолка, засиженные мухами черно-белые образы классиков — спасителей трудового народа Маркса, Энгельса и Ленина. Портрет Сталина висел особняком в белой рамке за стеклом, по которому в данную минуту плясали яркие отблески от горящего светильника, словно желая подпалить глянцевую бумагу. На столе одиноко белела ненавистная бумажка — срочное указание из района, полученное председателем под роспись от нарочного аккуратно перед обедом. Серафим Петрович подвинул венский стул поближе к свету, достал очки и еще раз перечитал директиву с пляшущими буквами, напечатанную под копирку:

Председателям сельсоветов и колхозов Угодско-Заводского района. Срочно. 12 октября фашистскими захватчиками взята Калуга. Нависла реальная угроза оккупации нашего района. Несмотря на неоднократные требования, повсеместно идет задержка с эвакуацией колхозного скота, семенного фонда и других материальных ценностей вглубь страны. Требую в экстренном порядке в срок до 15 октября провести эвакуацию и сообщить результаты проделанной работы.

Председатель исполнительного комитета
Угодско-Заводского районного Совета депутатов
трудящихся Московской области

В. Гульянов

Секретарь Угодско-Заводского райкома ВКП(б)

А. Курватов

— Э-ва-ку-а-ци-я, — медленно, по слогам произнес председатель, огляделся, словно опасаясь тайных соглядатаев, и отложил бумагу в сторону, с глаз долой.

Но вокруг, к счастью, никого посторонних не наблюдалось. Вот только молчаливые портреты бесили, будто вглядывались равнодушно в самую душу своими черными типографскими глазами. Заодно интересуясь, мол, что у тебя там припрятано от советской власти, товарищ Савинков? Показывайте нам скорее всё свое поганое нутро, всю свою крестьянскую несознательность и малодушие, а мы вас за то по науке поставим прямо к стенке, чтобы, значит, много не мучился и не мешал общественному прогрессу. С начала нынешней войны, особенно когда наши войска сдали Минск, столицу советской Белоруссии, Серафима Петровича ежечасно преследовали горькие, даже изменнические мысли, что он обманулся, да-да, скорее всего, как малой пацаненок трех-четырёх годков, запутал в своей жизни, такой нелегкой и нескладной. Чувство злобы вдруг ни с того ни с сего поднималось на свет из глубины души, но покамест не душило, а так, немного зудело, как зубная боль. Время от времени в голове крутилось, мол, на кой ляд это всё ему — Гражданская война, этот несуразный колхоз, за каким чертом он взял грех на душу и пособил выслать в Сибирь семью друга детства Сашки Петровского, почитай, в чем мать родила? А теперь вокруг, вместо обещанного агитаторами-балаболами спокойствия и изобилия, вся их жизнь рушится, будто карточный домик от сквозняка... Вот и наша красноезвездная армия, ради которой сколько лет, затянув пояса, сносили нищету, без оглядки драпает от самой границы. А в здешнем небе уже маячат самолеты с черными крестами,

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

похоронки на односельчан слетаются с фронтов одна за одной, давно проклятый людьми почтальон их едва поспевает таскать. На кой ляд зазря пролилось столько народной кровушки и слез, а главное, он-то на кой хрен в этом всем непотребстве по уши изгваздался? Разве не мог бросить колхоз и, собрав нехитрые пожитки, перебраться, как другие, ну хоть в Угодку, хоть в Серпухов или даже в Москву, с его руками-то? Звали и не раз. Мог и дом раскатать по бревнышку, и перевезти куда надо, и обосноваться на новом месте... Мог-то мог, да, видать, на роду написано пробыть земной срок в Глеbove, на земле отцов и дедов. Ведь еще сопливым пацаном мечтал и загадывал с сердечным дружком Саней Петровским, глядя на звездопад на ночной рыбалке, прожить свою жизнь, как их отцы и деды: дружно работать на земле, ловить подлещиков в Протве, в положенное время обзавестись добрыми женами и детишками, по праздникам наряжными, в картузах и в начищенных сапогах, ходить в церкву... А теперь заместо амбаров в том самом храме, под присмотром строгих ликов праведников и Спасителя с Богородицею, ссыпано обмолоченное зерно, которое, скорее всего, достанется проклятым фашистам, а ему потом дадут по шапке, а то и еще хуже: спросят, что ты, гражданин Савинков, самолично сделал, чтобы спасти народное добро?

Председатель посмотрел в мутное окно, идти домой не хотелось. Подумалось, а где теперь его незабвенный приятель и сотоварищ Сашка? Не ведомо, и жив ли, а может, давно нашел приют своим трудолюбивым рукам в земле-матушке или брошен где-то на растерзание лютому зверью, будто и не человек он совсем, а так, падаль, какая-то заготовка для следующих поколений. А коли еще коптит небо, то, что думает о нем, о Серафимке, которого когда-то до кровянки под носом отбивал на здешней ярмарке от кулаков соседских пацанов? Ох ты, житье-бытье наше, ведь не зря старики болтали: жизнь прожить — не поле перейти. Как бы ты ни хитрил и ни выкручивался ужом на своей тропке-дорожке, а всё к одному приведет — к расплате за совершенные грехи. Он обхватил голову руками и заскрипел зубами от лютой ненависти к злополучному веку, к самому себе, к фашистам...

Гася керосиновую лампу, он вдруг вспомнил, как не раз и не два бубнил плачущей женке: «Нет Бога, Анна! Убирай иконы! Я ведь председатель колхоза, почитай большевик, что люди-то подумают». Привиделось, как наяву, будто вчера всё приключилось, как в тот далекий полдень припекало солнце, а он самолично скидывал под ноги собравшейся толпе крест с местной церквушки. После, спустившись на землю, в порыве невесть откуда взявшейся необузданной ярости, точно и взаправду одержимый бесами или какой срамной злодей и душегуб, бывалоча на праздник опившийся самогоном, локтями растолкал всхлипывающих старушек и голосащих баб, пытавшихся собой заслонить вход в храм, прорвался внутрь и с ходу пальнул дробью из ружья в благостные фигуры «Тайной вечери»...

* * *

В избе привычно и оттого так по-доброму пахло капустными щами и свежим хлебом, печь еще не остыла и радовала теплыми белеными боками. Прасковья Филипповна усадила внука за стол, прямо в красный угол и, склонившись над белобрысой головой, зашептала:

— Слушай меня, Алексей. Серафим Петрович смилостивился над нами и предупредил, что проклятуший германец рядом, уже где-то под Малояростлавцем. И весь колхозный скот завтра гуртом погонят в Ивановскую область.

— И нашу Пеструшку?

— Она уж давно не наша, и навряд ли наша старушка доковыляет в места, куда Макар телят не гонял. Ну да ладно — это теперь не твоя и не моя забота. Ты тоже завтра поутру бери отцов велосипед и гони-ка в Высокиничи, к тете Вале, а там она тебя переправит с оказией в Серпухов. Я ей сейчас записку напишу и заодно твои вещи соберу. Помнишь, где она живет?

— Ба, я не хочу никуда уезжать, я с тобой останусь, — ожидаемо захныкал внук и принялся кулаком тереть глаза.

— Приспеет сюда германец, и что я буду делать с тобой? Я-то ладно, бабка, перебьюсь на картошке да свекле, а тебя чем кормить, да еще, не приведи господи, куда заберут, почем я знаю... Мне твой отец вовек не простит, скажет, мол, не уберегла единственного внука.

— Ну, ба...

— Не нукай, чай, не запрягал.

Прасковья Филипповна достала из-под своей никелированной кровати чемоданчик из фанерных планок, что еще до запрета частной торговли купила у кустика на рынке в Угодке для сына, вот теперь он снова сгодился, но уже для внука. На душе стало приятно, что вещица так долго служит, — значит, деньги оказались потрачены не зря. Полотенцем она протерла пыль, но после, поразмыслив, громко произнесла:

— Нет, я лучше сошью тебе вещмешок, как настоящему солдату. А сюда уберу хорошие вещи и тоже, пожалуй, в садике припрячу.

Внук неожиданно взмолился:

— Можно я хоть побуду дома еще несколько дней, с Колькой попрощаюсь, да с ребятами, да и заодно папкин велик налажу в дальнюю дорогу?

Бабушка задумалась, ей и самой, прям до слез, было страшно впервые отправлять одного-единственного внука куда-то в неизвестность, и она решила покамест повременить:

— Ладно, но не балуй, а собирайся. А я тебе всё хорошенько подготовлю в дорогу.

— Можно я пойду пока погуляю?

— Завтра пойдешь, а сегодня нам надо еще кое-что прикопать, пока тихо.

— Так уж темно на дворе-то, хоть глаза коли.

— Так и надо, поменьше соглядатаев по улице шастает, — старуха вздохнула и посмотрела на иконы. — Вот жизнь-то привалила на старость лет: всё прячешь от людей по закуткам, раньше двери-то в избу не запирали, а ныне не знаешь, что и ждать... Пошли-ка, выйдем во двор.

Лешка нехотя поднялся с лавки, хотел сказать что-то веское, но махнул рукой и обреченно побрел вслед за бабушкой, глядя на ее сутулую спину. Они вышли во двор и проследовали в сенной сарай, где подпалили огарок свечи. Взяв вилы, Прасковья Филипповна откинула в сторону старое и лежалое сено, подняв облако пыли. Бабушка и внук зачихали, а когда пылица осела, при едва мерцающем огоньке появилось что-то непонятное, куполообразное, высотой чуть ли не по пояс, и заблестело холодным металлическим светом.

— Ба, что это такое? Бомба? Настоящая? Скажи, откуда? — затараторил внук.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Эх, чем у тебя голова-то забита, какая бомба... Запомнил? Это же колокол с нашей колокольни.

— А, не признал. Я-то чаял, тут и вправду бомба или какой снаряд от пушки или гаубицы, чтоб всех гадов-фашистов на нашей земле скопом взорвать.

Прасковья Филипповна ласково стала смахивать пыль с колокола, не обращая внимания на бормотание внука.

— Когда-то его звон был слышен на всю округу, благовест летел аж до Угодки и Высокиничей. Может, оттого и люди казались добрее — все замирали как вкопанные, слушали да крестились, и ваши доносы, чай, на соседей не писали.

Бабушка умолкла, точно припомнила что-то важное, но побоялась сказать внуку и, вздохнув, предложила:

— Давай-ка лучше попробуем его приподнять.

Они ухватили затворника за уши, но смогли только едва-едва сдвинуть его с места. Прасковья растерянно огляделась, словно ища подмогу:

— Я-то думала, мы его отволочем в сад и под крыжовником прикопаем.

Внук почесал затылок, представив, где они теперь и где тот самый колючий куст, и в момент сообразил:

— Давай лучше здесь закопаем. Кому он нужен, твой колокол! Церковь-то на вечные времена закрыта.

— Ну-кась, не рассуждай, лучше копай и молчок. Не вздумай кому проболтаться!

— Даже Кольке?

— Да, а то враз двинем с тобой по этапу в Сибирь, следом за Петровскими. Савинковы, чай, руку тоже приложили к их раскулачиванию, не пожалел Серафим своего лучшего дружка, а пустил по миру в одних портках. Вот теперь всё у них в жизни и пошло кувырком, видишь, и Колькина мать давно хворая, да и у сестер дома не всё ладится, как следует. Да ладно, не нашего ума дело. Коль твой отец узнает, будет на меня ругаться: не любит он эти дела вспоминать, мол, теперь всё шито-крыто.

— Ба, а мы-то кого раскулачивали?

— Упаси Боже, мы еще их Андрюху, почитай, неделю прятали, да после собирали их в дорогу с твоим отцом.

Дальше копали молча. Лешка пыхтел, и руки к ночи уже несильно слушались, но он остервенело вгрызался лопатой в неуступчивую землю. Он ни за что не хотел верить бабушке, хотя, с другой стороны, ясно понимал, что она говорит чистую правду. Сама мысль о том, что отец его лучшего друга совершил что-то плохое, не укладывалась в голове, и он гнал ее прочь, желая только поскорее позабыть бабулины слова.

Наконец-то ближе к полночи яма была готова. Оставалось самое сложное и неподъемное — опустить колокол в приготовленное убежище. Они, подложив полено, кое-как жердями приподняли и подвинули его к краю, но тут затворник глухо загудел.

— Бабушка, что делать? Щас всю деревню на ноги поднимем. Подумают, что пожар!

— Не знаю. Думай сам, у тебя мозги-то молодые, в школе зачем учишься?

— Нас не учат прятать колокола, — забормотал Алексей.

— Не бубни, егоза.

— Бабушка, давай ему язык чем-нибудь замотаем.

— И правда. Погодь-ка, тут у меня рогожка с прошлого лета завалялась. Внук опустил в яму и встал на колени. Бабушка подала пыльный кусок мешковины, Алексей просунул руки внутрь колокола и обмотал ледяной язык. Теперь предстояло осторожно спустить его. Они ухватились за медные уши и, едва оторвав от земли, подтолкнули колокол вперед, он заскользил темным боком прямо в новое убежище. Теперь оставалось только засыпать землей церковного гостя и хорошенько ее утрамбовать, что вскоре и было сделано.

— Всё, мы нынче большое дело с тобой произвели, а теперь пошли-ка спать, а то, гляжу, у тебя уже сопли потекли.

— Устал я, ба, там нет у тебя в заначке ничего вкусенького?

— Ну, пострел, пойдем, получишь ложку меда — заработал.

Лешка и вправду за день умаялся. С реки тянуло холодом. Откинув в сено лопату, он высморкался и, еле-еле переставляя ноги, побрел домой.

* * *

Председатель колхоза прибыл в колхозный свинарник ни свет ни заря. Ночью прошелестел несильный дождь, и теперь туман прятал невзрачное строение с низкой крышей. Не стучась, по-хозяйски Савинков отворил дверь. В лицо пахло жаром от сотни розовых тел и привычным хлевным духом. Помещение освещалось лучинами, вставленными в ржавую светильню, перед которыми вместо корытца была насыпана горка из речного песка, и парой керосиновых ламп «летучая мышь». Все колхозники оказались в сборе — мужики в засаленных косоворотках молчком курили, пуская дым в кулак, и хмурились в углу, словно надеясь, что сивый чад махорки укроет их с головой. Бабы с посеревшими в момент лицами всхлипывали и утирали слезы, глядя на еще ничего не подозревающую животину.

Под неярким светом гладкие и неповоротливые свиноматки с парой хряков мирно похрюкивали в загонах, нежась на прогретой за ночь соломе. Рядышком, пофыркивая и потягивая розовыми пяточками воздух, суетились сосунки-поросята. А еще дальше повизгивал молодняк, старательно откармливаемый для забоя.

Савинков при виде всего этого колхозного богатства вдруг оробел, достал коробок спичек из кармана, сломал три спички, пока прикуривал папироску, и, наконец-то пыхнув и собравшись с духом, бодро гаркнул:

— Здорово, народ!

— Здравствуйте, Серафим Петрович! — гулко ответили колхозники.

Вновь повисла тишина, мысли председателя оборвались, потому что неожиданно, словно почуяв что-то неладное, завизжал какой-то шальной поросенок в дальнем углу. Первым забурчал Митрич, вредный старик, в свое время заправлявший в сельском комитете бедноты:

— Че собрал, председатель? Али что удумал, давай-ка рассказывай!

— Значит, так, товарищи, вчерась пришла директива из района: надо срочно резать свиней, а остальной скот э-ва-ку-и-ро-вать вглубь, так сказать, страны.

— Во как! — выдохнула одна из баб и прикрыла рот ладонью, чтобы в голос не зареветь.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Вредительством попахивает. Бумага-то подписана? Как бы не загреть под раздачу, — продолжал бурчать старик.

— Подписана, районным курьером доставлена.

— Во как! То, значит, садят в тюрьму на три года за падеж одной свиньи, а ноне всё стадо самолично пускают в расход...

— Война от нас больно близко. Так что режьте свиней, взвесьте, оформите бумаги и раздайте мясо колхозникам в счет отработанных трудодней, пусть солят и подальше схоронят. Теперь неведомо, когда еще дождемся такой жратвы, — проклятый немец наступает.

Митрич радостно потер руки:

— Тады пожирuem сегодня, будто баре!

— Как же можно, да еще всех? — гнусаво спросил остроносый Ефимка, одноглазый свинарь, бывший дьячок здешней церкви.

— Надобно, Ефим, впереди черт знает что, а начальство, видать, располагает сведениями поболее нашего, — Савинков вдруг посмотрел на него с горьким презрением, бросил на пол окурки, старательно потушил и направился к дверям. — Всё, я пошел дальше, у меня еще забот...

Председатель осекся на полуслове и стремглав вышел из свинарника, дверь распахнулась и, гремя засовом, закрылась за ним. Колхозники по-прежнему молчали, словно набрали в рот воды. Вслед Серафиму выбрался на свежий воздух и Ефимка, наскоро перекрестил удаляющуюся в сторону скотного двора сутулую фигуру Савинкова и еще долго стоял, качая головой и глядя по сторонам слезящимся глазом. И всё повторял:

— Эх, Матерь Божья и святые угодники, повелители...

* * *

К следующему утру колхозное стадо было наконец-то собрано и готово выступать в дальний путь. Сорок семь коров и телок, два быка и сорок один теленок, нещадно мыча, словно знали или чувствовали своим скотским чутьем, что впереди их поджидает длинная и трудная дорога. А еще сто овец и баранов блеяли и недоуменно смотрели на всё вокруг, то и дело стараясь разбрестись кто куда. Со стороны Протвы тянулись языки рассветного тумана, и серое небо нависало над дальним лесом.

На столь дальний перегон скотины гуртом в Ивановскую область добровольно вызвался колхозник Михаил Меркулов с семьей. С ним в путь отправились два сына, дочь и жена. Избу и кур оставили на стариков. Расставаясь, взволнованный чуть ли не до слез Михаил Семенович всё охал и повторял как молитву:

— Я с колхозом-то свет увидел. Спину гнули-то, почитай, всего по десять часов в день, а не от зари до зари, как бывало-то на своем дворе.

— Будьте осмотрительны: время военное, сами понимаете, имущество общее, строго спросится за него, — напутствовал пастуха председатель колхоза.

— Эх, будь что будет, но я вас, Серафим Петрович, не подведу, вот только сапоги бы по дороге не развалились, и так давно просят каши. Можете надеяться, я, если что, и живот положу, не сумлевайтесь. Я хоть и батрачил, сами знаете, почитай, всю жизнь, да не был лодырем али пьющим каким,

а в середняки так и не выбился, не держалась у меня в руках копейка, вот хоть тресни, ну сами понимаете...

— Иди, Михаил. Вся надежда на тебя. Гони проселками на Воробьи, там, говорят, спокойнее, а после на Москву по Варшавскому шоссе, там нынче полно скота, перегоняют на восток даже со Смоленской области. Вместе со всеми будет сподручней.

— Понял, а теперь прощайтесь, — пастух поклонился народу в пояс. — Чай, всенепременно свидимся.

Защелкали кнуты, с грустинкой запел пастуший рожок, и стадо, недовольно мыча, потянулось в сторону Угодки, а там потом на Поливановку. Колхозник с женой, поправлявшей галоши, надетые на толстые носки, поклонились честному народу и с шальной улыбкой впряглись в тележку, на которую с вечера были уложены их нехитрый скарб и провизия. Заскрипела ось, и они вскоре скрылись в облаке пыли...

Колхозники, опустив руки, молчком, словно с похорон, начали расходиться. Кто-то из баб запричитал:

— Как тепереча без животины жить-то будем, чем кормиться? Ведь прорсут всё...

Кто-то из дедов недовольно забурчал:

— Дура, собираешься германца насытить? Лучше помалкивай...

Прасковья Филипповна, смахнув набежавшую слезу, дернула за рукав внука:

— Пошли-ка домой, у нас полно дел.

Вдовины, не говоря ни слова, побрели мимо заросшего деревенского прудика, прячущегося за старыми ветлами, где вдоль берега плыла стая колхозных гусей и уток, еще не подозревая о своей скорой участи. Прасковье припомнились сельские ярмарки, что давным-давно еще в пору ее юности каждый год шумели посреди села, как раз в этих же числах. Народ, бывало, с ночи съезжался даже из соседних волостей и уездов, и до рассвета все спали прямо в телегах или шли на постой по избам у знакомых. Крестьяне из Глебова и Воронков, да окрестных деревень, торговали всем подряд: овсом и пшеницей, солодом и медом, рожью и крупами, кожами и холстами, трепаным льном и картошкой. Понаехавшие скупщики набивали клетки домашней птицей, в мешки укладывали вяленую рыбу, наваливая добро в телеги, и везли всё скромное богатство здешней земли не только по окрестным городам, но даже в Москву. А сколько на выбор купцы предлагали цветастых ситцев и павловопосадских шалей, сахарных голов и колониальных товаров! Повсюду звенели косы и топоры, груды скобяных изделий ждали своих покупателей. Хозяйки крутились подле новых сковородок, чугунков и всего такого, от чего бабские глаза разбегались, потому не скупясь закупались на весь год. Отторговав свое, мужики спешили через гомонящие ряды в чайную за рюмкой горькой да за стаканом чая с баранками. Пили из блюдца, не спеша, дую на пахучий кипяток, обсуждали урожай и виды на следующий год... А еще памятно, как всего лишь несколько лет назад в конце зимы на Масленицу, здесь же прямо на снегу, местная ребятня устанавливала чучело, набитое сухой соломой. Чиркала спичка, и вспыхивала намалеванная баба-масленица. Вся деревенская детвора ради забавы бросалась беситься подле нее, что-то выкрикивая, толкаясь и хохоча во всё горло...

Глава 2. ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентского труда, братья и сестры, в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

Из речи И. В. Сталина на параде 7 ноября 1941 года

Колька, младший ребенок Серафима Петровича Савинкова (поскребыш, если по-свойски), выполнял скорое поручение бати и объезжал на велосипеде ближние луговины, выискивая ложбинку, куда можно подальше от посторонних глаз упрятать колхозные плуги и бороны, сеялки и косилки. Воронки и Протва давно остались позади, и он уже проехал околицу родного села, когда на крыльце приметил своего закадычного дружка Лешку Вдовиной и в момент притормозил:

— Поедем к вечеру на речку да нашенские верши проверим. Вдруг там плотвы полно или даже попалась щучка? Заодно мой велик помоем, вишь как я его уделал, батя заругает.

— Давай, только заходи за мной! А я пока на нашем танке звезды подкрашу, чтобы поярче были.

— Молодец, настоящий пионер — всем ребятам пример.

Колька, с вечно грустными темными глазами, слегка улыбнулся, как будто где-то выведал, в отличие от прочих, какую-то великую тайну, ведомую только ему, но решил не сообщать о ней даже лучшему другу, потому оттолкнулся от бугорка и, нещадно скрипя педалями, поспешил в сторону правления колхоза, где, по всей видимости, находился его батя. А Лешка как ни в чем не бывало завернул за дом и, насвистывая бодрый припев «Марша авиаторов», направился в сарай, который у Вдовиных после образования колхоза пустовал.

Добрую половину сараюшки занимала ребяческая забава — фанерный танк с красными звездами на башенке, где вместо пушки торчал крашенный кузбасслаком старый черенок от лопаты. Смастерили его Лешка и Колька пару лет назад, не для игры или потехи, а готовясь с пионерами к первомайской демонстрации. Не обошлось и без помощи отца Алексея, который и привез им с работы тонкую фанеру от ящиков с загадочными черными буквами и картон да помог сбить из деревянных реек основу под танк, она сверху устанавливалась на два велосипеда. Каково же было изумление сельчан, когда на Первомай во время праздника перед сельсоветом, украшенным плакатами и алыми флагами, показался густо намалеванный зеленым колером танк с яркими советскими звездами и кличем «За Родину!» и на всех своих четырех колесах проехал по главной улице... А два неразлучных дружка — Леша и Коля, укрывшись в чреве потешной машины, с удовольствием и гордостью крутили педали своих великов. Вся молодежь села желала в эти минуты оказаться внутри самопального танка, а девчонки до изнеможения хлопали в ладоши деревенским героям. Даже местные псы приметили и оценили явление юных защитников страны — немедля с рыком исчезнув в подворотнях...

* * *

Два следующих дня после эвакуации скота в Глеbove было непривычно тихо, если не считать раздающегося то и дело со дворов колхозников визга поросят да кудахтанья забиваемой птицы, — хмурые сельчане наскоро готовились к самому худшему. Время от времени где-то на западе по-прежнему тревожно грохотали артиллерийские канонады и темнели клубы дыма. Прасковья Филипповна всё чаще глядела на образа, поспешно крестилась и втягивала голову в плечи. Грядущие скорые напасти она полагала возмездием за последние двадцать пять лет небывалых начинаний, порой, как ей казалось, противных естеству человека. Страшилась, но в то же время и ожидала те самые предстоящие испытания, словно понимала, что сама во что бы то ни стало попробует искупить давние грехи мужа-красноармейца да сына-комсомольца...

Словно сошедшие с фресок о Страшном суде, со стороны Малоярославца в село то и дело, кое-как переправившись через Протву на плотках, забредали группы красноармейцев с серыми перекошенными лицами. Проходя по улице, безмолвные, словно тени, они стучали в окна домов, слезно прося хоть какой-нибудь пищи, бинтов или ночлега, а многие шли за помощью сразу в сельсовет, где валялись прямо на пол и засыпали. Людской поток не замирал ни на день: многие брели с оружием и сохраненными петлицами на форме, а кто-то плелся с пустыми руками, без всяких знаков различия, повесив голову и с опаской озираясь по сторонам. Красноармейцы оказались еще в летней форме и сильно мерзли от октябрьской погоды, а главное, от нескончаемых дождей и сырости, щедро расплесканной по Центральной России. Кто мог, натягивал на себя по две-три гимнастерки, часто со следами запекшейся крови. Колхозники по возможности всем помогали: кормили, раненых вдобавок перевязывали. И, немного передохнув, солдатики с потухшими глазами брели дальше в сторону Угодки и Варшавского шоссе.

Несколько раз над селом высоко в небе с ревом пролетали самолеты, даже, бывало, пробуждали по утрам вместо петухов, летя стаями куда-то вдаль. Лешка, как ошалелый, вылетал на улицу и старался в сером и неприветливом небе разглядеть красные звезды на крыльях и фюзеляже, но, не поняв, кто там чертит в небе линии, вопил:

— Наши ястребки, наши! Ура! Ура!

* * *

Колхозникам «Светлого пути» удалось попрятать, закопав в землю, большинство сельскохозяйственного инвентаря и даже жернов с мельницы. Кое-как вывезли в район зерно, остатки раздали за трудодни. По-прежнему почти ежедневно шли дожди, и во всей округе проселочные дороги развезло — ни пройти ни проехать.

Серафим Петрович с радостью поглядывал на раскисшую колею и шептал: — Может, того, и не доберутся проклятые до нас, увязнут по уши в нашей распутице, они-то, чай, у себя в Европах не привыкли целыми днями грязь месить, им, небось, брусчатку или даже асфальт подавай. Вдруг да обойдется без гостей...

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Но после оглядывался и понимал, что родное сельцо в золоте садов и старых ив лежит как на ладони посреди поймы петляющей, бегущей с запада на восток Протвы, никак мимо не пройти и не проехать. Председатель колхоза смачно сплюнул, матерно выругался и побрел в контору.

Поликарп Титыч Миронов, председатель Глебовского сельского Совета, участник Гражданской войны и большевик с 1919 года, неожиданно-негаданно оказался на рабочем месте, над ним кружило облачко сизого махорочного дыма. В нос Савинкову ударил смрадный запах чужих вчерашних возлияний, напоминая об извечной слабости русского человека — время от времени предаваться горькому забвению в вине. При виде Савинкова Миронов с гротом поднялся из-за стола и, выйдя навстречу, приветливо раскинул руки для объятий.

— Будь здоров, Серафим Петрович! — гаркнул председатель.

— Здоров, Поликарп Титыч! Рад видеть.

— Прости меня, ради Христа, Петрович, что не пособил тебе ховать колхозное добро.

— Да ладно, ты свое-то имущество убрал?

— Конечно, давно в район отправил с оказией, так, думаю, надежней будет. Теперь мой сейф пустой, хочешь — посмотри.

Серафим Петрович махнул рукой и сел на венский стул поближе к окну, желая продышаться от зловония. Сам он чуждался встреч с сорокаградусной; не приученный в детстве, до сих пор помнил завет отца — церковного старосты: мол, выпить рюмку, другую не грешно, главное, чтобы утром не опохмеляться... Стул под ним обиженно заскрипел всеми четырьмя ножками, словно мечтающая поскорее рассыпаться.

— Че загулял-то, с горя али с радости какой?

— Какая радость, когда такое кругом творится? Вчерась ко мне с утра заглянула родня — Лизавета Сенькина. Она кое-как выскользнула от немца из Калуги.

— И че рассказывает-то? Не томи, Поликарп Титыч. Сам знаешь: в селе ничего ведь не известно, живем словно на острове каком или в тайге, одни бабьи пересуды. Почты недели две уж как нет. Никто не знает, как там наши мужики на фронте, хотя, может, и к лучшему: хоть нет новых похоронок.

Миронов, нещадно матерясь, как последний забулдыга подзаборный, заметался, словно медведь в клетке, по сельсовету, и от него еще сильнее ударило в нос кислотой, которая исходит от частенько пьющего человека и его давно не стиранной одежды.

— Ох, Петрович, оглянись, раскрой глаза-то: всю нашу советскую жизнь будто корова языком слизала, ровно и не было ничего. Рассказывает Лизка: видать, еще поначалу-то, когда наша Красная армия отступила, в Калуге стало как в разворошенном муравейнике — народ всё тащил из магазинов и складов, а где оказалось на запоры затворено, то хрясь железякой — и нет замка. Люди волокли муку мешками, всякие крупы, даже папиросы и спички. А рядышком товарная станция, значит, забита добром с заводов и фабрик, всё поспешно грузят и увозят, хрен знает куда. Тут же, неподалеку с вагонами военные подорвали водонапорную башню, весь город, почитай, остался без воды, так сказать, с сухим горлом. Да о нашем народце кто когда думал-то, а? Всё во имя коммунизма да мировой революции! Першит ведь в горле от призывов: «Через обломки капитализма к всемирному братству трудящихся!»

А теперь главное, чтобы в руки немецким «трудящимся» не досталось, а наши широкие народные массы, ко всему привычные, прямо из лужи или из Оки попьют — лишнее в животе держаться не будет. Так-то, брат!

Савинков слушал всё это как будто сквозь сумеречную пелену, время от времени глубоко вдыхая привычный смрад.

— Что ты хотел-то, Поликарп Титыч, — военное время. Под Черной Грязью вон противотанковый ров какой день роют. А в нашей Угодке из магазинов, значит, тоже всякий товар людям раздавали без денег, а может, и сами растащили. Кто знает, война всё спишет!

— Не спорю, как коммунист скажу: лучше всё сжечь али взорвать ко всем чертям, как спичечную фабрику и электростанцию. Вот и я надумал...

— Погодь-ка, а может, того, Лизавета-то твоя брешет? Хотя навряд ли.

— Ты что, она, почитай, моя близкая родня, двоюродная сеструха, мы с ней с сызмальства сообща гусей пасли...

Председатель сельсовета умолк и со всего маха рухнул на стул, рядом с Савинковым, последний даже вздрогнул и уставился на товарища:

— Что удумал-то, сказывай, не томи.

— Уйду я, и своих заберу, и тебе советую. Там, под фашистом, везде коммунистов и совслужащих вешают. Не успели, окаянные, взять Калугу, как четверых вздернули на фонарях, до сих пор там болтаются. И нас с тобой удавят, как котят. Тебя за колхоз, будь он неладен, а меня за все грехи советской власти. Неизвестно, как еще наши люди себя поведут, при новых-то хозяевах. Не боишься? Ты ж с нами вместе раскулачивал да выселял.

— Я так думаю: будь что будет, Поликарп. Сам пораскинь умом, куда я подамся-то? Я хромой, моя Анна лежит хворая, считай, уже два годка не встает, а потом я ж не большевик. Ты позабыл?

— Точно, ты ж у нас беспартийный, до сих пор не пойму, как тебя, не коммуниста, район терпит в председателях колхоза.

Савинков закурил и посмотрел с прищуром на товарища:

— Так просто всё: больше не имеется дурней, желающих взвалить на себя такие заботы. А что еще про Калугу-то рассказывала твоя Елизавета?

— Как знать, как знать... А что Калуга? Говорит, когда наши заводы подорвали, так всё кругом и загорелось, на окраине уже пушки палят, канонада, да всё в дыму, ну, прямо ад. Поднялась суматоха, люди из домов бегут в овраги, значит, прятаться от огня и бомб. Что уж там говорить-то про нас живых, мертвым покоя даже нет: рвутся снаряды на тамошнем кладбище. Во как! А посреди ночи, как назло, словно и небесная канцелярия супротив нас, повалил первый снег. Помнишь, он, гадюка, и у нас отметился, правда, к обеду растаял. Хорошо хоть весь город не погорел, люди к утру вернулись по домам. Вскорости на улицах и немец появился, офицерье в начищенных сапогах, прям как на параде, а что ты хочешь — пришла Европа, а не лапотная Русь. Не поверишь, на Смоленской улице их кое-кто встречал как дорогих гостей али новых хозяев, будто бы даже с хлебом-солью...

— Что ты несешь, Поликарп Титыч? Загляни в календарь! На двадцать четвертом году советской власти — и так встречают капиталистов? Еще бы духовой оркестр заказали из городского парка!

— Ты того, Серафим, голос-то свой убавь, а то еще кто услышит. Забыл тридцать седьмой год? Чудом ведь мы с тобой уцелели. Я тебе как родному рассказываю, а ты всё, как на собрании актива в колхозе, голосишь. Тихо.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Сам понимаешь, я тебе как своему говорю, поскольку точно знаю, что ты не продашь меня верным сталинцам с горячим сердцем и чистыми руками, уж мы с тобой такое пережили... Короче, оказалось, в нашей Калуге есть немало граждан и гражданок, кто с радостью поджидал немцев. Вот они-то и угощали их солдат молоком, папиросами, даже пробовали брататься. Да германцы, значит, наши объятья отвергли, прямо как тот самый пакт о ненападении с СССР. Молочка вашего, значит, того, с дороги хлебом, а вот свои грязные руки от нас уберите, — тут Титыч рассмеялся и опять покосился на окна и двери. — Щас что расскажу, в жизнь не поверишь. Там в городе одна не в меру шустрая бабенка, наша, говорят, из совслужащих, быстренько открыла, ну, как тебе сказать-то попроще — публичный дом для доблестных германских солдат и офицеров. Пусть, мол, чувствуют себя как дома.

— Вот так дела! Что ж теперь будет-то, Поликарп?

— Не ведаю, и не спрашивай. Я, значит, в эту, как ее там, в эвакуацию, а там будет видно. И тебя зову с собой.

— Куда ж я без Ани-то?

— Анну твою, женщину справную и положительную во всех отношениях, жалко. А остальных детей что ждет? Беги, оставь в избе старшую дочку Полинку, пусть за матерью и ухаживает, а сами подальше от фронта — велика Русь-матушка, уголочек спрятаться и для тебя найдется. Переждем, Серафим, если доблестная Красная армия разобьет супостатов, то мы сразу воротимся. Я уже, того, всех оставшихся комсомольцев и двух своих коммунистов предупредил.

— Вот так задача!

— Всё пошло кобыле под хвост! Так они, глядишь, с ходу и Москву возьмут. Это тебе, брат, не на парадах усами шевелить, надо было как следует страной управлять, коль взялся за гуж, то не говори, что не дюж. Я тебе так скажу, как старый коммунист, что воевал с самим Василием Ивановичем Чапаевым и партбилет получил из рук комиссара 25-й стрелковой дивизии товарища Фурманова: коли завалил к едреной фене всю работу, так дай другим исправить...

— Точно, Поликарп. Вот только кому налаживать-то? Все, кто чего-то мог, в сырую землю полегли.

— Но и без наказания негоже оставлять! Вспомни, у нас за узелок украденной муки бабе десять лет вlepили, на карапузов, мал мала меньше, не посмотрели, а тут такое...

— За всё отмщение пришло, сам вижу.

Поликарп Титыч умолк и принялся с шумом растирать ладонями лицо, словно прибыл с мороза и боялся обморозиться, а напоследок попросил:

— Коли все же надумаешь остаться в селе, то за избой моей присмотри.

* * *

Октябрь. Тихая Протва с каждым часом погружалась в сон, убаюкивая своих безмолвных насельников, да натягивала одеяло из туманов и изморози на пустынные берега и воды. Шумные утки и чирки давно встали на крыло и, согнанные холодами, растворились за брянскими лесами, перелетая на юг.

Ныне вместо пугливых лосей и косуль из лесов выходили красноармейцы-охраненцы, матерясь про себя на возникшую на пути помеху. Они отдыхали в молчаливых стогах и с тревогой в душе шли по советской земле...

Лешка и его закадычный дружок Колька проверили верши, да только нынче улов в Протве оказался ничтожный — полдюжины плотвичек и пара подлещиков. Николай был старше на год своего товарища, чем неимоверно гордился, и, укладывая в садок рыбу, не преминул заметить:

— Говорил тебе, надо было в омут верши ставить, а ты все на течение, да на течение, вот и ушел хищник.

— Погодь со своими пескарями, на-ка, забери мою рыбу: у тебя семья немалая, а мы вдвоем с бабулей, нам много не надо. Лучше скажи — твой батяня-то примется воевать, коли в село фашисты припрутся?

— Куда ему воевать-то, позабыл, он ведь хромой!

— Что-то я и не подумал.

— Батя сказывал, что немцы позавчера без боя вошли в нашу Угодку, — признался Колька и опустил к земле глаза.

— Что ж ты, гад, молчал, словно воды в рот набрал, и сразу не сказал? — подскочил к нему Лешка.

— Да никак не мог такое даже вымолвить, язык будто отсох.

— Вот те на, потому-то мы и не услышали, как поблизости от нас рвутся снаряды и строчат пулеметы. Получается, советские войска просто сдали фашистам районный центр Московской области? Как такое возможно? Я не понимаю. Где доблестная Красная армия, где лучший стрелок Ворошилов и с ним сам Буденный с шашкой?

Коля поднял голову и сжал кулаки так, что хрустнули суставы.

— А вот Высокинички партизаны защищают, им-то повезло! К ним даже из Серпухова наш новый танк на подмогу прибыл, развернул башню и давай прямой наводкой расстреливать колонну. Вот дали прикурить фашистам, что они бежали без оглядки!

— Так в Высокиничках еще наши?

— Нет, уже гитлеровцы.

— А как же геройский танк?

— Говорят, он проездом оказался в Серпухове, его и бросили сюда, он бой провел — побил гадов и укатил в свою часть. Приказ же нельзя нарушать, за это по голове не поглядят, сам знаешь.

— Это как же так, со дня на день и у нас будут фрицы, получается, мы очутились в тылу у немцев! — крикнул Лешка и побледнел, испугавшись своей догадки. — А то, что мы в школе пели, выходит, неправда:

Если завтра война, если враг нападёт,
Если тёмная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

— Ты того, Леха, потише: уже стемнело, мало ли кто ходит у реки ночью.

— Скажи мне по секрету — я никому не скажу, вот тебе честное пионерское, ты испужался?

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Николай привязал садок к велосипеду и, повернувшись к другу, запел будто ошалелый:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!*

— Молодчина!

— А ты как думал, я сдался? Папанинцы на льдине двести семьдесят четыре дня дрейфовали по Ледовитому океану и не испугались, Чкалов в Америку без посадки летел через Северный полюс, а мне слабо?

— Нам надо быть бдительными и не прозевать их появление! Думаю, фашисты разбегутся, только завидев наш танк, тем более с одним они уже встречались! А там, глядишь, все нас и поддержат. Помнишь, одну книжку читали, про пограничную заставу, так там даже лошади за версту чуяли диверсантов и шпионов, да еще в придачу ловили их. А мы с тобой — советские люди, разве не справимся? Что, мы хуже каких-то коней?

— Плохо, совсем мужиков-то не осталось в селе: кто воюет в Красной армии, а кто в эвакуации.

— А пацаны да старики не в счет? На нас теперь вся надежда!

— Так правильно, еще сам Владимир Ильич Ленин говорил, помнишь, на плакате в клубе было написано: «Победа коммунизма неизбежна!» Ничего, одолеем извергов...

Вдруг Леша нахмурился и опустил голову, стало слышно, как рядом неторопливо плещется волна.

— Ты чего это нахохлился? — недоуменно спросил Колька.

Алексей пристально посмотрел в глаза другу:

— А если мы погибнем в бою с фрицами, нас станут жалеть?

— Ясное дело. Ведь покойников всегда жалеют, вспомни, как мы плакали всем классом, когда читали про пионера-героя Павлика Морозова, — Николай вдруг задумался. — Вот только жалко: я не успел выучиться на тракториста, сейчас был бы танкистом, управлял бы железным конем. Как прошлым летом я здорово пахал на СТЗ**, огромном, тридцатисильном...

— Потерпи, Колька, как только победим Гитлера, то сразу выучимся на трактористов и вместе пойдем работать в МТС***.

* * *

Солдаты вермахта вошли в Глебово в солнечную погоду, когда рассветный туман уже почти рассеялся и его рваные остатки еще почивали седыми клоками над Протвой. Домашней птицы и скотины в селе почти не осталось, оттого мотоциклисты въехали на улицу почти при полной тишине, только во-

* Слова из песни «Если завтра война», автор В. Лебедев-Кумач.

** СХТЗ 15/30 — марка колесного трактора, выпускавшегося с 1930 года Сталинградским тракторным заводом и с 1931 года Харьковским тракторным заводом. В 1930—1940 годах самый распространенный трактор в СССР.

*** Машинно-тракторная станция.

роны от оглушительного шума сорвались в небо со старой ветлы и, каркая во весь голос, полетели в сторону реки. Следом за непрошеными гостями не спеша, словно сам по себе, ехал, чадя бензином и старательно объезжая ухабы и лужи, серый броневедомобиль с пулеметчиком наверху.

Почти неведомый деревенскому уху стрекот чужих мотоциклетов прервал долгое безмолвие и заставил многих селян выйти на улицу и глянуть на незваных пришельцев. Повсеместно зашкряпали двери, захлопали калитки, и вот белые платки и серые кепки замелькали среди кустов сирени и жасмина. Все наивные упования на то, что нынешняя война прокатится своим огненным валом дальней стороной, по близлежащему Варшавскому шоссе или еще по каким-то неведомым местам, о чем так много и часто говорилось укладкой, не сбылись и рухнули в одночасье.

— Немцы же идут, вот блин горелый! — только и крикнул Колька и помчался на велосипеде прямо по лужам на окраину села, к другу.

* * *

Мотоциклы остановились напротив сельсовета и замерли. Солдаты в непривычной серой форме и в коротких сапогах с широкими голенищами огляделись по сторонам, не выпуская из рук оружие. Из коляски первым вылез грузный мужчина в заляпанном грязью черном плаще и в кепке, отряхнулся и, озираясь, твердой походкой подошел к зданию, не глядя сорвал колхозные объявления и резко дернул за ручку дверь, закрытую на навесной замок. Следом за ним начали слезать со своих железных коней и солдаты. Они по-хозяйски, но еще с напряженными лицами принялись нарочито громко переговариваться, по-прежнему держа наготове винтовки и пистолеты-пулеметы с короткими стволами, видимо, надеясь только на них в этой дикой стране.

К бывшей чайной стали сходить первые сельчане. Они с опаской и любопытством подступали к новым хозяевам и, подойдя, стояли робко полукругом под березовыми и рябиновыми кущами, не решаясь приблизиться к чужеземцам. Следом со всех улочек и проулков шли остальные крестьяне, поодиночке и целыми семьями с детьми. Они испуганно и даже обреченно смотрели себе под ноги, изредка бросая осторожные взгляды на чужеземных солдат, или растерянно улыбались.

Немцы тем временем принялись сбивать замок прикладами, но петли, налаженные еще в начале века хозяином-трактирщиком, выдерживали натиск. Тогда мужчина в плаще и кепке несколько раз громко прикрикнул, окидывая недовольным взглядом колхозников:

— У кого ключи? У кого ключи, спрашиваю, признавайтесь!

Глядя на незнакомца, народ помалкивал, словно воды в рот набрал.

* * *

Из-под горы со стороны Протвы мимо дрожащих березок, растерявших из-за ночных заморозков и затяжных дождей почти всю золотистую листву, дребезжа и скрипя, показался зеленый танк с яркими красными звездами

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

на башенке, с надписью «За Родину!» и с короткой черной потешной пушкой. Алексей и Николай, оказавшись внутри бутафорской махины, громыхая краями фанеры и рейками, изо всех пацанских сил крутили педали двух велосипедов и истошно, сколько имелось мочи, орали ребячьими голосами:

— Вперед за Родину! Ура! Ура! Ура!

Грузный мужчина первым из приезжих обернулся на непонятный шум и крики и, заметив странный танк, в ужасе бросился к мотоциклистам. Все застыли в ожидании развязки. Крайний стрелок в мышинной форме живо скинул с рук краги, смахнул с лица мотоциклетные очки и, не раздумывая, поднял карабин. В доме напротив стукнула о косяк входная дверь, и на улицу стремглав вылетела женщина с криком:

— Стойте-стойте, это же наши пацаны!..

Ее слова оборвал сухой выстрел. Стая дроздов почти бесшумно сорвалась с вершин дальних берез, растущих аллеей подле бывшей церкви, поднялась в серое небо и сразу полетела в сторону леса. Фанерный танк на четырех велосипедных колесах проехал еще пару метров, но накренился на левый борт и, замерев на месте, завалился. К нему бросились два гитлеровца, наставив на непонятный аппарат свои пистолеты-пулеметы и громко крича:

— Москва капут! Сталин капут! Рус капут!

Алексей выбрался из-под своего велосипеда и, быстро отодвинув в сторону теперь ставший бесполезным самодельный танк, бросился к упавшему другу. Николай лежал ничком, закрыв глаза, словно думал о чем-то, действительно важном. Его кожа стала непривычно бледной, почти прозрачной, нос заострился, а черные волосы еще больше оттеняли светлый лик парня. Леша вытащил его из-под велика и положил на спину, расстегнув одежду на груди. Из-под стеганой курточки друга тонкой струйкой потекла темная кровь. Пуля угодила в правую сторону груди и, легко пройдя наискосок, видимо, задела сердце. Парень уже не дышал.

«Неужели это и есть та самая лютая смерть?» — только и подумал Леша, и вокруг него повисла звенящая тишина. В эти минуты он не слышал воплей и горьких причитаний колхозников, не почувствовал, как подбежавший солдат со всей силы ткнул его носком сапога. Леша кубарем отлетел в сторону, только успев краем глаза заметить направленное прямо на него дуло винтовки, и потерял сознание.

Мотоциклист склонился над Колей и, поняв, что парень мертв, крикнул что-то по-немецки солдатам, а затем принялся ногами топтать самодельный танк, злобно твердя:

— Москва капут! Рус капут!

А мужик в кепке громко крикнул колхозникам:

— Негоже так встречать германскую армию, всем ясно?

Собравшиеся затихли, глядя то на сломанную ребячью забаву, то на оккупантов, а приезжий продолжал разоряться:

— Скорее, скорее сюда, подходите ближе! Да шевелитесь же, бестолковые, господин офицер ожидает вас!

Рисунок Вадима ЖУКОВА

* * *

Прасковья Филипповна стряпала завтрак за занавеской в бабьем углу и услышала, как хлопнула калитка, потом заскрипели ворота в сарае, но, когда она вышла на улицу, во дворе никого не оказалось. «Ну, Лешка, пострел, опять что-то удумал!» — заволновалась бабуля и, обтерши руки и наскоро поправив платок, пошла по улице разыскивать внука, предчувствуя что-то неладное. Что-то тревожное с самого утра свербело у нее в груди, не давая покоя, да и прошедшую ночь спала она плохо, без конца вертелась и почти не смыкала глаз. А расстроилась еще с вечера, случаем выведав, что в Высокиничих уже германцы и теперь, знамо, ее Лешку к сестре не пошлешь. Безопасный путь оказался отрезан, то, чего она так долго страшилась — остаться при немцах вместе с внуком, случилось.

Тут впереди Прасковьи грянул выстрел, она вздрогнула и со всех ног кинулась в сторону бывшей чайной. И вскоре заметила внука, лежащего без движения у дороги. Рядом с ним валялись велосипеды, нещадно разломанная забава — деревянный танк и друг Колька, а в сторону сельсовета, где уже собралась толпа односельчан, шел военный в плаще и каске. «Германец», — подумала Прасковья Филипповна и живо кинулась к внуку. Припав к его груди, почувствовала ровное дыхание и, немного успокоившись, стала трясти пацана.

Алексей вскоре захлопал белыми ресницами, с опаской покосился на немцев и, растирая слезы по лицу грязными руками, зашептал:

— Ба, а Колька там лежит, он, кажись, совсем мертвый.

Она оставила внука и подошла к Савинкову-младшему, лежащему навзничь, с вытянутыми вдоль тела руками. Пятно крови на груди красноречиво свидетельствовало о том, что ему уже ничем нельзя помочь. У нее всё похолодело внутри, и она опустила на колени, когда сзади донеслось:

— Что тут стряслось, Прасковья? — негромко спросил Серафим Петрович и дотронулся до ее плеча.

— Озорство, — только и смогла процедить сквозь зубы Вдовина, у нее закружилась голова и разом потемнело в глазах.

— Мы на танке кинулись на немцев, думали... — начал говорить Лешка, сидя на земле и глотая соленые слезы, но бабушка закрыла ему рот.

Отец склонился над сыном, шепча: «Николай, Николай, ну, вставай-ка, пошли домой». Ухватив за плечи, попытался его приподнять, но, заметив темную кровь, молча взял Кольку на руки. Сильно припадая на большую ногу, он понес бездыханное тело, бормоча себе под нос:

— Да что ж это такое делается? Что я своей Анне скажу?

* * *

Тем временем перепуганная случившимся толпа колхозников стояла перед бывшим сельсоветом, тихо переговариваясь. Женские голоса забивали шепот редких мужиков. Бабы, одетые по-домашнему, кто во что горазд, стояли впереди. К ним жались молчаливые мальчишки в старых кепках и девчонки в пестрых платках, с удивлением глядящие на солдат в мышиной форме,

а особенно на мотоциклы и не виданный никогда бронетранспортер, который казался им огромным Змеем Горынычем из бабкиных сказок, прилетавшим в стародавние времена нещадно жечь и палить Русь-матушку.

— Гутэн морген!* — громко и властно сказал немецкий офицер в серо-голубой шинели с меховым воротником.

— С вами здороваются, — перевел мужик в кепке.

Толпа отозвалась нестройными голосами и также поприветствовала непрошенных гостей. Гладко выбритый офицер на ломаном русском языке закричал:

— Ви должны выбирайт староста!

Колхозники молчали. Немец повторил, выкрикивая слова еще громче. Мужской голос из сельской оравы то ли шутя, то ли серьезно крикнул:

— Ефимку в старосты, мать его за ногу!

Офицер, приподняв фуражку с высокими, загнутыми кверху полями, вытер лоб платком и внимательно оглядел толпу:

— Кто есть Ефимка?

Вперед из задних рядов, обреченно опустив голову, словно ковыляя к плахе, вышел сутулый и одноглазый свинарь в залатанных портах, бывший дьячок Троицкой церкви, снял шапку и, поклонившись в пояс односельчанам, гнусаво ответил:

— Тут я, готов за общество пострадать.

Немецкий офицер растерянно усмехнулся и посмотрел на переводчика:

— Гут**, записать.

Новоявленного старосту подхватил под руку приехавший мужчина и повел к сельсовету, где солдаты уже сбили навесной замок. Дверь наконец-то распахнулась, и пришлые по-хозяйски зашли в дом. Староста и переводчик вскоре вернулись на улицу, и приезжий, поправив кепку, достал из внутреннего кармана пачку бумаг и принялся громко зачитывать:

— Всем гражданам надлежит немедленно сдать имеющиеся у них радиоприемники и радиолампы. Запрещается выпускать голубей, и они все подлежат немедленному уничтожению. За неисполнение приказов — предание военному суду. Надлежит немедля сообщить властям, кто тут у вас коммунист и есть ли в селе евреи.

Доярка Евдокия Михалёва поправила платок и крикнула:

— Отколь у нас тут возьмутся евреи-то, все мы православные, пока церкву не прихлопнули, а коммунисты-то, знамо дело, удрали в тыл.

Люди осмелели и стали спрашивать про голубей, переводчик усмехнулся и продолжил:

— Не вашего ума дело. Лучше слушайте дальше приказ германского командования: «Тот, кто будет задерживаться около военных объектов, около телефонных проводов и около железнодорожных путей, будет расстрелян без предупреждения. Тот, кто будет принимать участие в деятельности партизан, будет повешен. Тот, кто примет в свое жилище красноармейцев или партизан или будет их укрывать, будет расстрелян. Тот, у кого имеется оружие или военное снаряжение, будет расстрелян. Гражданскому населению запрещается покидать свои жилища с 15 часов 30 минут до 8 часов утра.

* Доброе утро (нем.).

** Хорошо (нем.).

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Всякое хождение из одной сельской местности в другую, даже днем, запрещено. Лица, обнаруженные с пропусками или без пропусков, будут расстреляны». Всё понятно? Если у кого имеются две коровы или хрюшки — одну немедленно сдать германскому командованию! И запомните, ваш староста Ефим Коловцев и полицейские находятся под защитой германского командования! Мы не потерпим лиц, враждебно настроенных к немецкой армии и распространяющих большевистскую пропаганду!

— А что будет с нашей землей, с колхозом энтим? — спросила восьмидесятилетняя, но еще шустрая старуха Авдотья, и после ее слов вокруг все замерли, будто воды в рот набрали.

— Работать будете все вместе, в своем колхозе. А следить за вами и отчитываться станет ваш староста. Всем ясно?

— Во как!

— Ясно или повторить? — переспросил приезжий и, сняв кепку, протер платком лысину.

— Понятно, да-да, — загалдели колхозники, опустив головы.

— Токмо житье колхозное больно худое, — не унималась старуха.

— Бабушка Авдотья, хватит уже, угомонись, — из толпы зацыкали на нее.

— Вы мне рот-то не затворяйте. А мне что — всё едино помирать, дайте хоть перед смертью правду сказать.

Приезжий не обращал никакого внимания на слова старухи.

— Можете расходиться по домам и дожидаться приказов германского командования, — повелел гость и пошел в бывший сельсовет.

Подле двери на стене он приклеил несколько распоряжений новой администрации, написанных крупными буквами, и зашел в дом. У входа сторожить оставили Ефима, который совсем скрючился и, шаркая, теперь бродил вдоль дома, что-то беспрестанно шепча себе под нос.

Народ начал с опаской расходиться по домам, тихонько переговариваясь. Только бабка Авдотья, заложив руки за спину, по-прежнему громко причитала:

— Ох-хо-хо, каким поганым ветром их к нам принесло, таких красавцев-то? Все бритые да мытые, а надушены, будто какие сваты али женихи, чудно.

Никто ей не ответил. Немцы из села уехали восвояси только после обеда, распевая пьяными голосами: «Вольга-Вольга, муттер Вольга, Вольга — дойче флюз!»* В Глеbove опять стало по-осеннему тихо, больше не тянуло гарью с пожарищ, и только во дворе бывшего председателя колхоза время от времени грустно заливалась пила и елозил рубанок.

* * *

— Доозорничался, всё, дальше ехать некуда, хоть из дома иконы выноси! Как сам жив-то остался, хорошо хоть немец разок пальнул, а не два... — беспрестанно талдычила Прасковья Филипповна внуку. — Всё отцу

* «Волга-Волга, мать Волга, Волга — немецкая река!» (нем.)

расскажу, всё! Что удумали-то: напасть на солдат на шутовском танке. Вы в своем уме-то?

Лешка всхлипывал:

— Ба, прости, я больше так не буду.

— «Больше не буду, больше не буду». А кто бедного Николая, царство ему небесное и вечный покой, назад-то воротит, может, ты? Представляешь, каково сейчас Серафиму Петровичу и Анне? Ему бы жить да жить, да родителей на старости лет радовать. Куда вас понесло-то сломя голову на этом танке? Говорила я твоему отцу: «Сережка, баловство всё это, не помогай им городить городушки, до добра ваши фильмы и песни не доведут». Так и вышло, как в воду глядела. Вот приедет, всё узнает, пусть сам, как хочет, с Серафимом разговаривает.

Внук по-прежнему пытался оправдаться, но уже неуверенно, а скорее жаловался, что так всё произошло:

— Мы-то думали, что, приметив наш танк, все колхозники как один бросятся на врага, а немцы сразу дадут стрекача из села, только пятки будут сверкать...

— Кто все: бабы да дети малые?

— А нашенские мужики? Многие из них еще в Гражданскую воевали!

— Дурак ты, Лешка, хоть и в школу ходишь. Что, не видишь — по домам-то остались одни деды да увечные. Высечь бы тебя, паршивца, как в старые времена, да ладно, твой отец не велел, пусть сам с тобой разбирается. Вы все в нынешние времена стали больно грамотные, вот и расхлебывайте кашу, что сами заварили. Ваши потешные танки да еропланы хороши для забав да парадов, а не для такой войны.

Тут стукнула калитка, и в окно постучали. За стеклом было видно раскрасневшееся лицо соседки Евдокии:

— Прасковья Филипповна, пошли к Савинковым, там похороны. Прихвати капустки, грибочков, по-людски помянем Анну и Николая.

— Как Анну? — крикнула хозяйка. — Зайди в дом-то, любезная моя. Что с ней стряслось-то, неужто опять германец злобствует?

— Некогда мне, да и что говорить-то! Аня, бедняжка, как только услышала, что убили Колюшку, как заревет, после за сердце схватилась и всё — разом отмучилась, отдала Богу душу. Мужики торопятся, уже вовсю им одну могилу роют. Пока германца нет, и похоронят: кто знает, чего завтра ждать-то.

— А как там сам Серафим Петрович?

— Держится, а куда денешься... Вон гробы ладит с соседями, чтобы, значит, по-людски предать земле жену и сына.

— Скажи им: мы скоро придем.

Лицо Евдокии исчезло за стеклом. Прасковья Филипповна выпрямилась и посмотрела на внука:

— Хватит хлюпать, мужик. Иди-ка лучше переоденься, в комод чистая рубашка, только вначале умойся.

— Ба, а можно я дома останусь? Пока воды из колодца натаскаю да дров поколю, вон сколько дел по хозяйству...

— Еще чего удумал, я одна, что ли, буду отдуваться за всех Вдовиных? Нет уж, милоч, вместе пойдем, ишь чего удумал — наломал дров, а теперь прячешься в кусты. Каждому за свои деяния надобно ответ держать.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

Лешка ожидаемо опять расплакался и принялся кулаком развозить по лицу слезы и сопли. Прасковья Филипповна обняла его за плечи и ласково погладила по голове:

— Поплачь-поплачь, это хорошо, сердце-то человечесье не камень с дороги, пускай вся кручина твоя выйдет наружу. Кошка али собака лишится щенков, и то не один день грустит-мается, а мы, люди, тем более...

Внук, всхлипывая, спросил:

— А ты никому не скажешь, что я ревел как девчонка, а то надо мной вся деревня потешаться будет...

— Не скажу. Какой ты, Лешка, еще дурень, хоть тебе и стукнуло четырнадцать лет. Нашел чего стыдиться, чай по другу реवेशь, а не по конфете.

— Я отомщу за Кольку!

— Ты вырасти вначале, мститель. Тебе мало крови?

* * *

Сельское кладбище — последний приют множества поколений глебовских жителей — испокон веков дремало на небольшом взгорке рядом с селом, укрываясь среди старинных раkit от полноводных разливов Протвы и от посторонних глаз. Лишь только вороны да сороки облюбовали верхушки деревьев среди бурелома. По нашим обычаям редко кто из сельчан посещал погост после трех часов дня, но в тот день вереница из родных и соседей уже в сумерках, нарушая все традиции, спешила туда.

Серафим Петрович для своей супруги, с которой нажил в законном браке четырех детей, заранее, еще по прошлой зиме сколотил ладный гроб, ибо Анна хворала уже больше двух лет и местные врачи, которых он исправно привозил из районных Угодки и Высокиничей, только разводили руками да выписывали для вида всякие микстуры, мало пособлявшие больной. А вот для себя сладить домовину он не успел, но давно надумал. Оттого на сеновале загодя сушил струганные доски, только сгодились они на гроб для младшего и единственного сына, наследника — Коленьки. Не думал и не гадал Серафим, и в страшном сне не видал, что вот так скоро положит для вечного упокоения в сухой протвинский песочек свою ненаглядную Аннушку, да еще бок о бок с любимым чадом, продолжателем его фамилии...

Громких речей, как стало принято в советское время, не говорили, сельчане с нескрываемой грустью косились на точно вылепленного из воска председателя, и несколько баб вполголоса привычно запричитали: «На кого ж вы нас покинули...», когда стали забивать крышки гробов, на этом всё и закончилось. Заупокойных молитв вслух не читали, да и в открытую мало кто осенял себя крестным знамением, в основном старики и старухи, зная крутой норов Серафима. Широкою могилу, разинутую как пасть, проворно закидали землей, словно взаправду страшились, что она затащит в свой зев всю округу, вместе с людьми, домами и даже рекой. Но, несмотря на спешку с погребением, по-осеннему проворно стемнело, и от Протвы потянуло ночным холодком, пробирающим до самых костей. Помалкивая, гуськом потянулись люди через поле обратно к дому Савиновых, а что им оставалось говорить-то: кругом давно поселилось горе-злосчастье, почитай, в каждом дворе.

Охая, Серафим Петрович припозднился на погосте. По-хозяйски по углам холмика навтыкал веточки, чтобы всё после обустроить, как положено, не хуже, чем у людей. Поклонился низко до земли и направился к своей враз опустевшей избе, по хрустящей от легкого морозца пожухлой траве. Когда он доковылял до родного двора, дочки уже привычно накрыли на стол и, поправляя черные платки, стали кликать всех на поминки. Односельчане по очереди лили на руки из летнего умывальника стылую, с льдинками воду и по одному заходили в дом, степенно рассаживались на лавки.

Старуха Авдотья в стираном черном платке, помнившем все подряд здешние похороны за последние семьдесят лет, тоже поднялась с уличной скамейки и хотела уж было направиться в избу, как тут приметил Митрича, что хотел бочком проскочить мимо нее, натянув на глаза картуз с треснутым козырьком. Она изловчилась и ухватила его за хлястик телогрейки:

— Постой-ка, постой-ка, окаянный, кой-чего хочу выведать у тебя, треклятого.

— Ты что, Авдотья, сдурела, зачем я тебе надобен? — придурковато отозвался старик. — Свататься к тебе поздно, ты вон уже одной ногой в могиле стоишь, а я еще ого-го, покопчу небо-то. У меня и сапоги еще ладные, хоть пускайся с парнями вприсядку.

— Ты мне зубы-то не заговаривай, тоже мне нашелся суженый-ряженный. Я вот, может статься, хотела полюбопытствовать, что там намедни расфуфыренный германец-то балакал про коммунистов?

В свете керосинового фонаря стало заметно, как заходили желваки на лице деда. Он лютым взглядом, словно волк, затравленный в поле сворой борзых собак, огляделся, будто выискивая место скорого отхода. Несколько сельчан остановились в дверях избы Серафима в ожидании ответа старого пройдохи, которого с давних пор всем селом недолгоблвали за жадность, что сочеталась с ленью, да за тягу к питию вина до одурения, но главное — за активную работу в комитете бедноты, когда в село то и дело наведывались отряды по изыманию хлеба у крестьян. А этот самый Митрич, тогда еще крепкий Егор Дмитриевич Ярыжкин, обходил с красногвардейцами дворы в поисках запрятанного зерна. Мужиков, бывало, не раз и не два тыкали штыками али прикладами, мол, показывай, дядя, излишки, иначе хуже будет. А он тут же ужом крутился перед новой властью. Много раз лупили его мужики, да всё без толку — отлежится и сызнова принимается командовать в деревне.

Нежданно старик побледнел и повалился на колени с криком:

— Бабоньки, милые, не сдавайте меня проклятым иродам, не берите грех на душу!

Бабка Авдотья всплеснула руками, и от улыбки на лице ее чуть разгладилась морщина.

— О как заголосил-то, милоч, что мой кочет на зореньке!

— Я ж свой в доску, вы ж меня, родненькие, сызмальства знаете как облупленного. Какой я коммунист? Так, спяну, можно сказать, по дури вляпался. Я и читаю-то по складам, нашли грамотея. Не забывайте, у нас говаривали: «Кто старое помянет, тому глаз вон!»

Старуха уперлась руками в бока:

— А кто старое позабудет, женишок, тому два глаза вон! Мы-то тебя не дадим на растерзание супостатам, только пошто ты про Ефимку блаженного

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

гаркнул подле чайной? Какой из него, мать твою, староста? Уж побойся Бога. Шел бы сам! Запомню, что ли, как отца Никодима твои молодчики в кожаных тужурках забрали, будто какого последнего конокрада? Ефим тогда умом-то и тронулся. Заколют же его изверги, как поросся.

Кое-как Ярыжкин поднялся с земли, отряхнул колени и, враз переменявшись, грубо, с вызовом ответил:

— Ты, Авдотья, того, языком болтай, да не заговаривайся. Кого надо, того и сказал. Одним дурачком больше, одним меньше, какая нам разница. Разве его жалко, какой он человек? В чем его польза для села? Даже детишек не нажил. Вот только когда наши сызнова воротятся, мы с тебя спросим, как с миленькой, за эти разговорчики.

— Ох ты и дрянь, Егорка, токмо не пужай меня, я не боязливая. Мне, видать, совсем скоро, следом за Анной в путь далекий отправляться. А вот ты заруби себе на носу и детям передай: я тебя-то там вскорости дождусь, буду встречать, заместо апостола Петра, да только с рогачом. За всё с тебя там спросится, каких дел ты тут на земле наворочал.

Прасковья Филипповна наклонилась к Авдотье и зашептала:

— Тетья Дуся, не начинай брань-то, сама знаешь: горбатого только могила исправит.

Они зашли в дом, а следом за ними, опустив голову, едва переступая, брел Лешка. Столы в горнице накрыли буквой «г» от самого входа до красного угла. Алексей присел за печкой на краешек лавки. Из-за незапертой двери тянуло холодком. Он замер и еле слышно дышал, не смея поднять глаз. Ему казалось, что каждый не только за столом, но и в целом необъятном мире, в каждом городе и деревне клянёт его последними словами за глупую смерть друга.

Лампа едва освещала собравшихся на поминальную тризну. Все молчали. Серафим, обхватив голову руками, забился в угол. Лишь изредка вглядывался в темные лица односельчан, словно безмолвно спрашивал: «Неужто всё случившееся — правда?»

Авдотья осмотрелась, проверила, что все расселись чин по чину, после чего поднялась и вполголоса прочитала «Отче наш», почти все перекрестились и, не чокаясь, пригубили из рюмок. Все ждали реакции от деревенского богоборца, но Серафим, как ни странно, промолчал, даже было дернулся перекреститься, но в последний момент опомнился и со злостью кинул взгляд в пустой красный угол.

Налили глоток горькой и Лешке, и он вместе со всеми проглотил вонючую жидкость, она обожгла горло и желудок. Голова вскоре закружилась, и бабушка шепнула внуку:

— Закусывать надо, весь день крошки во рту не было.

— Ага, и можно я тебя подожду во дворе?

— Поешь, а выйдешь из-за стола вместе со всеми.

Вдовин-младший замотал головой и проглотил картошку с луком, политую постным маслом.

Гости стали едва слышно переговариваться. Старшая дочь Анны и Серафима извинялась, что нет кутьи и блинов, объясняя, мол, такое сейчас время, не поспели. После третьей рюмки, как водится, односельчане начали потихому расходиться по домам. Первыми поднялись деды, красноречиво потряхивая кисетами с самосадным табаком, а следом потянулись

и остальные. За курильщиками увязался и Вдовин. Задевая скатерть и гремя посудой, он кое-как выбрался из-за стола.

Хромая как-то уж больно по-стариковски, вышел и Серафим Петрович и напрямик направился к Лешке. Дорогу ему преградила Авдотья и отвела в сторону, шепча:

— Сима, ты, милоч, поплачь, тебе полегче станет, уж поверь мне, старой дуре. А хоть иди завтра в лесок-то, обними какую березку и проревись, прокричись в голос, не держи всё в себе-то. А я за них молиться буду, пока сама в силах.

— Благодарствую, тетя Дуся.

— Вот только следовало Ефима-то кликнуть, он ведь, чай, не чужой человек, а крестный отец Анны твоей.

— Как позовешь-то, коли он при немцах староста?

— Что немцы, что коммунисты ваши, приходят и уходят, а народ-то остается, вот ведь как, Симушка.

Серафим Петрович сразу не ответил, неприметно прикусил губу от поднявшейся лютой злости и, привычно совладав с собой, горько усмехнулся:

— Правильно ты все говоришь, тетя Дуся, заигрался я. Всё думал, судьбу оседлал, а вот ведь как вышло-то, сама видишь: ни жены, ни сына. Пойду только я, прости меня, дурака великовозрастного, мне еще потолковать с мальцом хочется.

— Иди, Симушка.

Председатель повернулся, глазами окинул односельчан и пошел к Вдовину твердой походкой. У парня задрожали губы, а в груди страшно похолодело. Он стал выглядывать бабушку в полумраке: как назло, месяц светил слабо, но ее нигде не оказалось. Вдовин еще раз пожалел, что сразу не сбежал с поминок, но от глотка самогона ноги оказались непослушными, и теперь безмолвно Лешка поджидал скорой и праведной расправы, только лишь шепча про себя: «Сам виноват, сам виноват».

Председатель остановился подле юнца:

— Пойдем-ка, отойдем на вольный воздух, Алексей Сергеевич, подышим, а здесь уж больно накурено.

— Пойдемте.

Вдовин с трудом встал и на заплетающихся ногах побрел вслед за Колькиным отцом. Выйдя со двора на улицу, Серафим Петрович достал папироску, чиркнул спичкой и, прикурив, поднес ее к Леше. Вдовин совсем по-детски вздрогнул, и плечи его затряслись, он готов был зарыдать. Пламя, напоследок вспыхнув, наконец-то погасло.

— Не пужайся, малец, — мирно сказал Серафим Петрович и пустил вверх струю дыма. — Сказывай лучше: для чего озорничали-то? Что это вы с моим Колькой удумали? Как такое вам в голову-то пришло: на немца поперли на фанерном танке?

— Так мы хотели как в песне, как в школе учили, — Алексей, запинаясь, начал тихо напевать:

Если завтра война, если враг нападет,
Если тёмная сила нагрянет, —
Как один человек, весь советский народ
За любимую Родину встанет.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТАНК

— Всё вроде правильно, всё верно, но своя голова-то должна быть на плечах? У них-то пулеметы и винтовки, они всю Европу на колени поставили, а у вас черенок от лопаты, вам бы обоим им дать вдоль хребта, да поздно уже, выросли и дел натворили, — не сводя глаз с мальчика, с неприкрытой грустью в голосе сказал Серафим Петрович и добавил, словно размышлял вслух для себя или еще для кого, невидимого: — Вот только мы когда-то упустили вас с ентими взрослыми потехами, проморгали, вот вы и зашалились. Вы ведь всему слепо верите, что вам наболтают в школе, а прошлого совсем не знаете. Чему вас учат? Что сын за отца, мол, не в ответе? В ответе, в ответе, оказывается, все мы в ответе друг за друга. Ох, да и мы тоже хороши... А что теперь попусту языком ворочать, нет больше нашего Кольки... Не плачь, Леха, хотя плачь, чего уж там стыдиться. Ты вот здесь, со мной, а он там, на погосте, в песке подле дедов. Может, и неплохо, что мать рядом. Она, знаешь, как его любила, всё об нем переживала. Бывалоча, отправлялся он на рыбалку или в ночное, всё насмотреться на него не могла, обмирала. Небось, чуяла бабским сердцем, что короток окажется его век, как та спичка: полыхнула — и всё, а теперя они веки вечные будут рядышком. Там и я приспею, придет время.

— Простите меня, пожалуйста, дядя Серафим.

— Всё грехи наши тяжкие тянут, да ты и не поймешь, о чем я.

Савинков обнял пацана и по-отцовски прижал к себе, а сам еще долго, что-то шепча, смотрел в черное небо, густо присыпанное яркими звездами, ровно крупной солью, будто воочию, где-то там, меж холодных ночных светил приметил ненаглядного сынка и что-то говорил ему, очень важное и нужное, что не успел сказать здесь на земле. А после Серафим внезапно очнулся и как-то уж больно громко произнес:

— Ты, Лешка, слышь, теперя живи-то за двоих: ну, за себя и за моего Николая, тебе пропадать никак нельзя. Уяснил или нет?

— Понял, дядя Серафим, но я хочу им отомстить, проклятым.

— Мой наказ тебе: всенепременно живи, мы с тобой войне окаянной уже уплатили сполна свою дань. Для них то, что ты выжил, будет самая страшная месть. Пускай все следующие столетия помнят о своем долге перед нами и трясутся, будто с дикого похмелья, что жив еще Леха Вдовин и род наш и враз готов поквитаться за моего Коленьку. А сложить голову зазря, то нетрудно, ума много не надо.

Татьяна БАТУРИНА

Рассказы о защитниках Отечества

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ПАРАД ПОБЕДЫ

Гвардии рядовой Советской армии Владимир Константинович Шустов — участник всех парадов Победы в Москве.

— И первого? — удивилась я.

— И первого. А еще я свидетель самого-самого первого победного парада.

— То есть какого такого «самого-самого первого»? Разве до 24 июня 45-го в Москве был еще один парад?

— Да не в Москве... Вот гляньте, гляньте сюда! — и Владимир Константинович подвел меня к висящей на стене в его доме большой, явно переснятой со старого газетного снимка, фотографии. Я глянула и увидела: по обе стороны шоссе рядом с берлинским Рейхстагом стоят наши солдаты и салютуют автоматными очередями (на снимке это хорошо видно) четверке бойцов, которые с боевым знаменем идут посреди этого воинского коридора. Полотнище, развернутое в длину и ширину, солдаты несут на вытянутых руках,

БАТУРИНА Татьяна Михайловна — поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, просветитель, редактор-составитель литературно-публицистического альманаха «Александр Невский», член Союза писателей и Союза журналистов России, кандидат филологических наук. Родилась в 1947 году. Живет в Волгограде. Окончила нефтяной техникум, Волгоградский педагогический институт и аспирантуру ВолГУ. Автор более тридцати книг стихов и прозы, вышедших в Волгограде и Москве. Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград», премии имени Виктора Канунникова, Государственных премий Волгоградской области, литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022, 2024).

и поэтому на знаменном пространстве хорошо просматриваются следы от пуль и осколков.

— Но ведь это не общевойсковой парад!..

— Да, вы правы, не общевойсковой. Это парад Знамени Победы. Того самого, что было водружено на немецком Рейхстаге 30 апреля 1945 года. На этом снимке сохранилось событие в общем-то великое: советский Берлинский гарнизон по приказу Георгия Константиновича Жукова провожает Знамя в Москву, в Центральный музей Вооруженных сил СССР — на вечное хранение. Кто находился тогда в Берлине и видел проводы Знамени, тот и называет это шествие самым первым парадом Победы.

Со стесненным от волнения сердцем я смотрела на старого солдата:

— А вы где на этой фотографии?

— Да где-то с краю, за колоннами, в кадр не попал, да и не надо мне было этого... Главным было Знамя. На Руси оно всегда шло впереди войска, поэтому я и считаю, что в Берлине вовсе не случайно видел не просто вынос боевого знамени, а парад Знамени Победы.

Я снова и снова вглядывалась в черно-белые мгновения давнего события, когда-то сиявшего живыми красками победной весны 1945 года, а Шустов продолжал рассказывать:

— Сопровождать Знамя было поручено гвардии капитану Валентину Ивановичу Варенникову, будущему Маршалу Советского Союза. С группой охранения Варенников уехал на аэродром, а вскоре военную реликвию принимала Москва.

— Владимир Константинович, а как вы оказались в Берлине? Насколько мне известно, в мае 45-го вам исполнилось всего шестнадцать...

— Да как оказался: воевал! С тринадцати лет шел к Берлину от Сталинграда. Шел, шел — и дошел.

И передо мной развернулась необыкновенная история самого обыкновенного сталинградского подростка: рвался на фронт, не пускали, ведь тринадцать лет, совсем еще дитя! Тогда он примкнул к ополченцам: рыл окопы, тушил «зажигалки» на крышах домов, а когда в августе 42-го немцы вошли в город со стороны тракторного завода, стал переправлять на лодках и плотах раненых людей за Волгу, в Краснослободск, а оттуда доставлял в Сталинград боеприпасы и медикаменты. Служил наравне со взрослыми...

Пять дней рабочие тракторного, старики и подростки удерживали врага у сталинградских северных ворот. Говорят, немецкий танковый генерал Виттерсгейм, узнав, что его боевым частям противостоят не армейцы, а вооруженные чем попало ополченцы, сказал:

— Мы никогда не возьмем Сталинград.

Генерал был тут же разжалован в рядовые.

Такова одна из легенд, она же составляющая правды об одной из главных битв XX века — Сталинградской. Совсем недавно библиотекарь Волгоградской епархии Людмила Григорьевна Красник, которая изучает архивные материалы, связанные с историей сталинградского ополчения, принесла мне книгу мемуаров полковника 6-й германской армии В. Адама, где в разделе «Генерал фон Виттерсгейм смещен» я прочла: «Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса <...> население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в очече-

невших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели. Генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й армией отойти от Волги. Он не верил, что удастся взять этот гигантский город. Паулюс отверг его предложение»*.

Да, в который раз я убедилась: всякая легенда возникает не в безвоздушном пространстве вымысла, а укореняясь в земных глубинах жизни.

После 23 августа, после страшного массированного авианалета немецкой авиации, практически не оставившего от города камня на камне, Володя Шустов перебрался в центр Сталинграда. Не переставала действовать волжская переправа. О, это был разверстый ад! Казалось, он поглотил белый свет, превратил его в пучину огня. Казалось, людям не вынести тысяч фугасных, зажигательных и осколочных бомб, не устоять перед расстрельными атаками вражеских самолетов. Но никто из защитников не покинул кольцо обороны, да и куда было идти? Кроме как на врага — некуда...

В начале сентября в Краснослободск прибыла сформированная в Николаевске 13-я гвардейская стрелковая дивизия Александра Ильича Родимцева, а еще через десять дней началось ее перебазирование через Волгу в Сталинград. Под вражескими обстрелами во время переправы погибла треть боевого состава «родимцевцев»... В один из последующих дней комдив Родимцев увидел на берегу Шустова:

— Из ополченцев? А у меня в дивизии людей не хватает. Хочешь быть разведчиком? Ты вроде парень боевой, значит, быть тебе сыном полка.

И Родимцев определил Володю в 34-й гвардейский стрелковый полк. От природы живой и общительный, подросток вскоре стал «родимцевцам» по-настоящему своим — сыном, как назвал его командир дивизии. И разведчиком парнишка оказался природно-настоящим: не знал страха, ходил в разведку и в группах, и в одиночку.

Однажды со товарищи вызвал огонь на себя и этим помог ликвидации танков и пехоты противника. Другого оружия, кроме ракетницы, у разведчиков не было.

— Давай, Володя! — скомандовал командир группы Расщепкин, и Володя «дал»... Немедленно последовала мощная советская артатака, трое разведчиков оказались заваленными землей, зато немецкие части были уничтожены.

Спасение разведгруппы было почти чудом: Володя, очнувшись и не понимая, где он и что с ним, стал громко звать на помощь, и его еще детский голос услышали из окопов наши солдаты:

— Слышите: ребенок!

Пошли на тонко-высокий зов и нашли в земляном завале «ребенка» — сына своего полка разведчика Володю, а вместе с ним — бойцов разведроты Леонида и Николая. Все трое были контужены, но живы.

После госпиталя подростка перевели в связисты, и все равно это была передовая: Василий Иванович Чуйков приказал передвинуть все армейские пункты на 100—150 метров ближе к линии окопов.

Битва за Сталинград входила в критическую фазу: враги рвались вперед, постепенно занимая позицию за позицией в центральной части города.

* Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии / Пер. с нем. М., 1967. С. 106, 107.

Прорывались к Волге, окружая отдельные подразделения наших войск и тем самым расчлняя армейский монолит на отдельные, легко ликвидируемые группы. Дважды в руки фашистов переходил Мамаев курган, дважды его отбивали советские гвардейцы.

Владимир Константинович не стеснялся стариковских слез, рассказывая только об одном дне — 22 сентября, когда немецкие пехотные части при поддержке ста танков беспрерывно атаковали полковые позиции. На одном из самых тяжелых участков обороны погибли все защитники, несколько танков противника вышли к Волге, командный пункт полка был окружен, гитлеровцы забросали его гранатами. И только вводом в бой своего резерва комдив Родимцев выровнял положение... Так бывало не раз.

В горящем Сталинграде Володя Шустов в свои тринадцать лет стал взрослым. А взрослые на войне привычны ко всему. Самое главное — не бояться смерти. Страх в бою — дело бестолковое. В бою надо бить зверя. И Володя Шустов бил, как мог.

После Сталинграда 34-й гвардейский стрелковый полк долго шел по родной земле, освобождая от врага ее города и веси, победно прокатился по чужим территориям войны, и вместе с полком справно воевал его сын Владимир Шустов. Не за просто так ведь он был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны, медалью «За отвагу».

А самое главное — в мае 1945 года Владимир Константинович стоял «на самом краю», как он выразился, парада боевого Знамени Победы в поверженном Берлине.

— Я ведь случайно там оказался, понимаете? В боях за Прагу снова был ранен и из госпиталя направлен служить связистом в воинскую часть Народного комиссариата обороны, которая дислоцировалась в Бернау — пригороде Берлина. Связистов всегда на войне не хватало, особенно в самом ее конце, да и после Победы...

Время было уже мирным, мы — счастливыми, что остались живы. Как же нам было не пройти по Берлину, не увидеть Рейхстаг, не побывать у Бранденбургских ворот? К тому же в Берлине открылся военторговый универсам, и мы готовились ко вполне героическому возвращению домой: не в солдатских обмотках, а в сапогах и с подарками — заграничными довесками к завоеванным орденам и медалям.

У Бранденбургских ворот встречались с американцами, англичанами, французами: союзных войск в Берлине стояло много. Ведь в скором времени должна была состояться Потсдамская конференция по разделу Германии, по репарациям... Ну, вы знаете, конечно, об этом событии послевоенной истории.

И в Трептов-парке бывали нередко: там проходили торжественные захоронения наших солдат и офицеров, погибших при штурме Берлина, мы не раз стояли у братских могил в карауле.

И вот однажды, не доходя до Рейхстага, услышали автоматные очереди, бросились вперед с оружием наизготовку (неужто немец снова попер?), но тут увидели солдатиков Берлинского гарнизона, салютовавших в честь боевого Знамени. Захватили самый конец проводов. Вот такая история про самый первый парад Победы.

Да, простая и великая история, с древнейшего русского времени озаменованная Победой.

В архиве Шустова хранится уникальный документ от 2 апреля 1980 года, подписанный разведчиками 34-го гвардейского стрелкового полка В. И. Харченко, Л. Б. Расщепкиным, Н. И. Ивановым и заверенный печатью Краснооктябрьского военкомата Волгограда. Содержание документа подтверждает факты воинской биографии Шустова: «Принимал участие в обороне Сталинграда с июня 1942 года, перевозил раненых бойцов с правого берега Волги на остров и левый берег, а на обратном пути доставлял боеприпасы и питание бойцам 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Подтверждаем, что Шустов В. К. был гвардии рядовым, сыном 34-го полка».

— Зачем был составлен этот документ? — спросила я, предугадывая ответ, и не ошиблась.

— Для пенсии это надо было, я ведь вместе с другими двадцатью молодыми бойцами, отличившимися на фронтах Великой Отечественной, получал маршальскую надбавку к пенсии от самого Жукова. Ну а теперь вот кризис, надбавку сняли...

Не расстраивайтесь, Владимир Константинович, полноте! Вы вне кризиса, любого. Рубли да копейки — не ордена и медали.

2011

СТАЛИНСКАЯ КНОПКА

В июле 1992 года я в качестве корреспондента Волгоградской студии телевидения находилась на территории войны в Приднестровской Молдавской Республике на съемках фильма «Свет Приднестровья». И фильм, и рассказ об этой трудной поездке давно опубликованы в телеэфире и печати. Но вдруг недавно явилось воспоминание о том, как в Тираспольском горсовете мне рассказывали о Молдавии и Приднестровье времен Великой Отечественной войны, в том числе — об удивительной девушке Маше, фамилию которой я, конечно, запомнила. Зато запомнила главное: Маша, поскольку перед самой войной жила в Молдавии недалеко от государственной границы, сразу же оказалась на фронте в санроте танкового полка, перевязывала и переносила в укрытие раненых пограничников.

А еще через неделю при освобождении занятого немцами поселка Красная Горка (на полпути между Одессой и Тирасполем) поднимала бойцов в атаку, больше было некому: комбат и комроты убиты, взводный ранен. Маша выхватила у него пистолет и закричала:

— В атаку! За Родину, за Сталина — за мной!

И побежала вперед, и все, кто мог, бросились за ней. Красная Горка снова стала советской.

Впрочем, воспоминание о Маше явилось ко мне не совсем вдруг, а после недавнего знакомства с Марией Ивановной Толокольниковой. Она родилась в Кишиневе, после Великой Отечественной войны жила в разных городах Советского Союза, а совсем недавно, на склоне лет, переехала в Волгоград, который по старой привычке называет Сталинградом. Сердце, видно, в молодость потянуло, ведь именно в Сталинграде в 1942 году Мария Ивановна впервые увидела своего будущего мужа Владимира Константиновича Шустова (о котором был предыдущий рассказ).

М. И. Толокольникова, Т. М. Батурина и В. К. Шустов

Правда, судьба не сразу их соединила, а лишь через много-много лет после первой встречи, так уж сложилась жизнь.

— Муж сталинградец по рождению, вот и пришлось мне стать сталинградкой.

Как водится, я расспрашивала Марию Ивановну о войне, о мире, а, поскольку прозвучало слово «Молдавия», тут-то и сошлись наши воспоминания: мои — об отважной девушке Маше, поднявшей в атаку взрослых мужчин, и Марии Ивановны — о себе самой.

— Так это ж я была — в том бою за Красную Горку!..

В тот день мне довелось услышать много разных историй из военной биографии гвардии сержанта Толокольниковой, все — уникальные. Впрочем, уникальна всякая человеческая жизнь, и в этом — промысл Божий.

Мария Ивановна — кавалер двух фронтовых наград: медали «За отвагу» и ордена Славы. А уж послевоенных почетных орденов и медалей у нее не счесть — парадный пиджак тяжелехонек. (Я примеривала, да не по мне кольчужка-то...)

Зная, что Мария Ивановна была на войне не только санинструктором, но и связисткой, поинтересовалась:

— Награды великие, солдатские — за участие в боях... Воевали на передовой?

Толокольникова только руками развела — видно, в изумлении от моей непонятливости, но всё же ответила на вопрос пространно-обстоятельно:

— Мои бои были не с винтовкой в руках, а в обнимку с аппаратом правительственной связи. Я служила с 1942 года в 13-й дивизии Родимцева, была направлена туда после окончания специальных курсов в Москве, так что

подготовка у меня была отличная. Воевала под командой Родимцева до самой Победы. Тяжело мне приходилось, ведь на фронт я попала совсем юной девушкой семнадцати лет.

Меня всегда Кнопкой звали: росточку во мне, сами видите, всего полтора метра. И в детстве так величали, и в юности, а на фронте первым так назвал меня комдив Александр Ильич Родимцев, когда я попросила его вытащить упущенное мной в колодец ведро.

Было это под Ростовом, в старинном селе Сватове, где «родимцевцы» приходили в себя после боев под Харьковом летом 42-го, после отступления...

Так вот, стояла я у колодезного сруба, ревела от страха перед старшиной: накажет ведь за ведро! Шел мимо генерал, а то, что это сам Родимцев, я тогда знать не знала. Подбежала, отдала честь и прямо-таки взмолилась:

— Товарищ генерал, помогите вытащить ведро, а то старшина заругает! Слезы лила горькие-горькие... Генерал засмеялся, спросил:

— Чья же ты такая, Кнопка? Надо же: старшины боишься больше, чем генерала!

Тут же приказал дневальному найти «кошку» и сам вытащил ведро, при этом приговаривал:

— Ну и бойкая же ты, Кнопка!

А я-то, поняв, что это Герой Советского Союза, герой Испании Родимцев, еще больше напугалась, но он успокоил:

— Хвалю за находчивость!

Что ж, на войне не раз сметка выручала. Ну а личная доблесть... Я просто-напросто служила. В первых боях за Сталинград в середине сентября 1942 года 1-й батальон нашего полка сражался в окружении — в самом центре города, у вокзала, отбивая атаки фашистов. И в один очень тяжелый, прямо гибельный, момент мне пришлось спасти аппарат правительственной связи. А надо вам сказать, что я не расставалась с отверткой — на самый крайний случай. И вот он наступил, и тогда я сняла с аппарата самую важную деталь — головку и под непрерывным огнем поползла из окружения к своим, на другую позицию. Боялась только одного: что не сохраню головку, что она вместе со мной попадет во вражьи руки. Последствия захвата противником аппарата правительственной связи были бы страшными. Но я выбралась, вышла, спасла себя и аппарат, за что и была награждена медалью «За отвагу». Потом получила орден Славы — за подобный случай в битве на Курской дуге. Вот такие они были, мои бои.

Однажды в Сталинграде, когда Мамаев курган во второй раз перешел в руки гитлеровцев, наших раненых не успели эвакуировать и я осталась с ними: кто-то из санинструкторов ведь должен был остаться. Хотя что я могла сделать, как защитить? Но осталась... Наступило затишье, на фоне которого я отчетливо слышала совсем близкие выстрелы: вражеские солдаты двигались в нашем направлении, на ходу расстреливая раненых красноармейцев. А потом и увидела: после выстрелов в упор немцы добивали людей штыками. Поняла: скоро — смерть...

Лежала, закрыв голову руками, и молилась. И откуда брались слова... ведь в церковь до войны редко ходила. Из сердца, наверное... Внезапно догадалась, как спастись. За блиндажом, в воронке, лежали наши убитые солдаты. «Простите, родимые», — прошептала я и из последних сил, приподнимая одно тело за другим, заползла на самое дно, затаилась под мертвыми, не переставая молить Бога о спасении.

Вот немцы подошли к воронке, остановились прямо надо мной — и вдруг замерли как бы в нерешительности... Сквозь темные просветы меж останками убитых я видела: один из гитлеровцев поднял винтовку штыком вниз, но ударить медлил. Наконец мотнул головой, и нехристи, лениво переговариваясь, повернули обратно.

Не знаю, сколько времени я пролежала в братской могиле... Когда выбралась, увидела внизу, под курганом, огромное скопление вражеской техники и солдат. Долго запоминала увиденное, пересчитывала танки и людей с одной лишь мыслью: «Скорее к своим...»

Добралась Мария Ивановна до советских позиций глубокой ночью, и буквально через час после того, как ее донесение было передано командованию, начался массированный артобстрел расположений немецких частей в районе Мамаева кургана.

— Вот мой сказ: с главной высотой России шутки плохи! — И Мария Ивановна победно улыбнулась.

— Говорят, солдаты всегда видят одни и те же сны — про войну.

— Это потому, что война — самое сильное, самое страшное человеческое впечатление... Для тех, кто воевал, война не окончится никогда.

— Вам она тоже снится?

— А как же!.. Воюю, воюю... Но особенно много снов вижу про Ялтинскую конференцию.

— Ялтинская конференция 1945 года?.. Вы там были?

— Именно так. Знаете ведь: в конференции участвовали Сталин, Рузвельт и Черчилль, при них были важные чины и советники. Помню Берию, Василевского, Левашова. А я находилась в числе обслуживающего персонала, занималась своим привычным делом — правительственной связью. Нас было сорок шесть связистов со всех фронтов, на конференцию отобрали самых лучших. А как же иначе: мы передавали тексты секретных директив в Вашингтон, Лондон и Москву, принимали ответные документы. Но главное — были совсем рядом с такими великими людьми! Это обязывало.

Я во все глаза глядела на сухонькую ладную старушку, которая была свидетельницей, да что там — участницей! — великого события. Ведь именно в феврале 1945-го в Крыму были определены и согласованы военные планы союзных держав и намечены принципы их послевоенной политики. Именно в Ялте были приняты решения о создании в Германии зон оккупации, о взыскании репараций, об образовании ООН... Исторические дни. И потом: юная Мария была лично знакома с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

А Мария Ивановна, помолодев на целую жизнь, вспоминала свои ежедневные встречи с лидерами трех мировых держав: в гостиницах Воронцовского дворца, в служебных помещениях, в конференц-зале, в ливадийских аллеях...

— Страшно, наверное, было что-нибудь не так сделать? Это ведь не ведро в колодезь упустить...

— Конечно, сердцу тесно делалось рядом с правителями мира. Но помогал Иосиф Виссарионович, он был справедливейшим человеком и ко мне по-доброму относился, дочкой называл.

Заходит как-то в аппаратную, я вскакиваю, начинаю докладывать, а он мне:

— Садись, дочка, садись!

И спрашивает:

— Кнопка — это твоя фамилия?

Я смутилась: уже и ему известно, что я Кнопка!

— Да нет, товарищ Сталин, это прозвище, еще с детства...

— Подходящее прозвище, особенно здесь, среди всяких разных международных кнопок, — и кивнул в сторону работающего оборудования: — Ты только не забывай, что самая главная кнопка — сталинская.

Улыбнулся и вышел, но я расхрабрилась, догнала его в коридоре и спросила:

— Иосиф Виссарионович, а как мы после войны жить будем?

Сталин сразу сделался серьезным, и я тут же пожалела о своем вопросе, но испугаться не успела, потому что он снова улыбнулся и ответил:

— Посмотрим.

Сохранился поразительный снимок: в гостиной Воронцовского дворца сидят Рузвельт, Черчилль, Сталин, на самом краешке фотопространства ютится Кнопка, а Рузвельт через весь кадр протягивает ей шоколадку.

Мария Ивановна пояснила:

— А это, знаете, нас сфотографировали в тот день, когда американский президент Рузвельт пригласил меня ехать в Америку, говорил, что удочерит. Переводчик даже в лице изменился, а меня смех разобрал, едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Зато сталинскому адъютанту, как и переводчику, было, видать, не до смеха: он близко-близко ко мне наклонился и приказал не соглашаться на Америку. Да я ведь об этом и не думала! Но надо было как-то ответить Рузвельту, и я храбро сказала:

— Если отпустит товарищ Сталин, поеду в Америку, но не насовсем, а в гости!

Рузвельт, наверное, не понял и снова предложил взять меня в дочки, на этот раз обратившись со своим удивительным намерением к Сталину.

Иосиф Виссарионович не рассердился, не засмеялся, неторопливо раскурил трубку и тогда уже произнес:

— Это ее личное дело.

Тут мне стало не до смеха, почему-то даже обидно сделалось, и я громко, совсем по-военному, отчеканила:

— Я никогда никуда не уеду со своей Родины!

Иосиф Виссарионович, видно, ждал именно такого ответа: усмехнулся и ласково похлопал меня по плечу.

Зато президент Рузвельт удивился, спросил:

— Как же вы будете жить на своей Родине? Россия ведь лежит в руинах!

Тут и английский премьер-министр Черчилль встрял в разговор:

— Россия не поднимется после такой войны и за пятьдесят лет!

А Сталин хитро-мудро глянул на них и проговорил:

— А вы приезжайте к нам через пять лет — посмотреть на русские руины. Буду ждать.

Те переглянулись — да и только.

Перед самым закрытием конференции случилась беда: Сталин приказал мне передать телеграмму на один из фронтов о том, что небольшой, но важный в стратегическом отношении населенный пункт занят противником, и я в точности исполнила приказ Верховного. Но при приеме сообщения была допущена непоправимая ошибка: слово «занят» принимающая телеграфистка расшифровала как «не занят», и перед началом войсковой операции первая разведгруппа полностью погибла.

Берия был вне себя, он требовал моего немедленного расстрела, и тогда я кинулась в ноги Сталину, буквальным образом упала перед ним на колени и что было сил закричала сквозь слезы:

— Запросите мою ленту, я не сделала ни единой ошибки!

Однако меня арестовали, посадили на гауптвахту, и следующие два часа, пока длилась проверка, я мысленно прощалась с жизнью... Всё же, как видите, жива до сих пор: в случившемся моей вины найдено не было. Текст я передала точно, слово в слово, зато обнаружилась незаметная глазу неисправность в передающем аппарате: западание пятого блока, сыгравшее такую трагическую роль на поле далекого от Ялты боя.

Конечно, обо мне хлопотали сослуживцы, и Сталин сказал Берии:

— Ты посадил Кнопку на «губу», ты и освобождай.

Да... Вспоминать про такое — и то не по себе, наверное. Но гроза пронеслась, а молодость сильна будущностью, и уже через день, готовясь к отъезду из Крыма, Кнопка обратилась к Иосифу Виссарионовичу с важной для нее просьбой. Увидела вождя, гуляющего вместе с Рузвельтом и Черчиллем по дворцовой аллее: американец и англичанин двигались потихоньку, а Сталин шел между ними совсем по-молодому, хотя был уже пожилым человеком.

Кнопка смело подошла, лихо козырнула:

— Разрешите обратиться, товарищ Верховный главнокомандующий!

— Разрешаю, Кнопка, обращайся. Как вы, господа, не против?

Они закивали головами: дескать, не против.

Как же, были бы они против самого Верховного! Кнопка чуть не рассмеялась.

Сталину тоже, видно, стало весело, он сказал с улыбкой:

— Видишь, боятся возражать. Я же говорил тебе, Кнопка: теперь в мире сталинская кнопка — самая главная! Ну, обращайся, мы слушаем тебя внимательно.

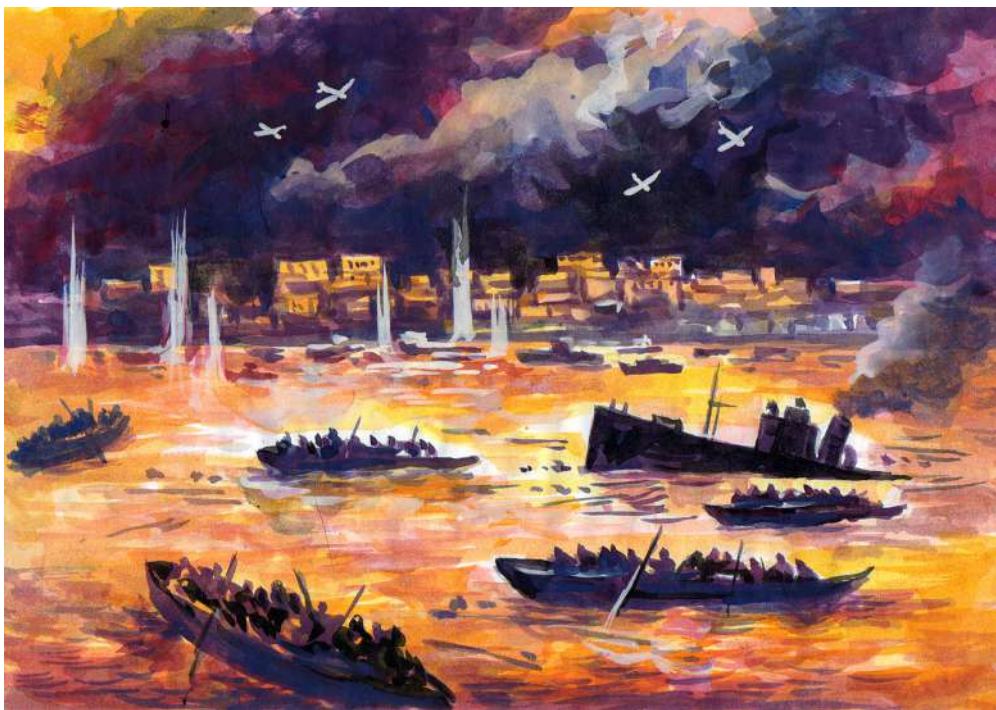
— Есть, товарищ Сталин! Прошу вас не направлять меня для продолжения службы в другую часть. Хочу вернуться в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию Героя Советского Союза Александра Ильича Родимцева!

— Хорошо, поедешь в свою часть, мы позвоним, куда надо, не сомневайся. Ну, будь здорова, Кнопка! — И Сталин степенно удалился со своими важными гостями.

После этого Кнопка видела великого вождя только один раз — в 1997 году в Москве, рядом с Кремлевской стеной, запечатленного в камне надмогильного обелиска. И была потрясена: лицо Сталина казалось живым! Ей даже послышался — не в памяти, а словно наяву — знакомый голос:

— Будь здорова, Кнопка!

В 1945-м, после Ялтинской конференции вернувшись в свою воинскую часть, Мария Ивановна Толокольниковна прошла с ней по последним военным дорогам до самой Победы. Гвардейцы Родимцева сражались на Висленском плацдарме, преследуя противника до Одера, вышли на Эльбу в районе Торгау, двинулись на Дрезден, взяли его и в мае вошли в Судетскую область. Затем — бои за Прагу. И — долгожданное возвращение на Родину, которую сталинская Кнопка поклялась никогда не покидать и где она мирно делит свой великий век с супругом Владимиром Константиновичем Шустовым. Пусть герои живут долго.

СТАЛИНГРАД. ПЕРЕПРАВА. Вадим Жуков

ВЕСНА В СТАЛИНГРАДЕ 1943 ГОДА. Михаил Пышта

ШТУРМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВОКЗАЛА. 1943. Семён Акулинцев

БОЙ ЗА УНИВЕРМАГ. Юрий Гальков

ПОБЕДНЫЙ ДЕНЬ. Геннадий Антюфеев

ДЕНЬ ПОБЕДЫ. Надежда Ошмарина

САЛЮТ ПОБЕДЫ. 1945 ГОД. Пётр Оссовский

ПОРТРЕТ ОТЦА. Владимир Горский

Никита САМОХИН

Взрослые дети

Поэма для детей и юношества

ГЛАВА I

По тьме карабкаясь несмело,
Востоком пламя завладело,
И взору степь открылась вновь.
Смакуя мёд последних снов,
На койке нежится юница,
И младший брат её ютится
Меж белой стенкой и сестрой.
Зимою хладной и сырой
Теперь одной уже согреты
Казачка Феня с братом Петей,
Лежат, невольники судьбы.
В час несвободы и борьбы
Познали отроки утрату,
Когда исчезла без возврата
Их мамка в пламени огня.
Воронка возле куреня —
Всё, что от матери осталось,

САМОХИН Никита Михайлович — поэт, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Слово — детям», собственный корреспондент «Литературной газеты» в Волгоградской области. Родился в 1979 году. Живет в Волгограде. Автор семи книг поэзии и прозы. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», дипломант Международной литературной премии имени Петра Ершова, лауреат Государственной премии Волгоградской области в номинации «Литература». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Российский колокол», «Наш современник», «Отчий край», «Огни Кузбасса» и др.

И лишь во снах теперь являлась
Своим кровинушкам она.
А годом раньше вся страна
Пред ликом тьмы под знамя встала
И, слыша сердцем лязг металла,
На фронт отправился отец.
Теперь давно уже вдовец,
Не знал он жинкиной судьбины,
Щитя горящие руины
На правом волжском берегу...

А хутор ёжится в снегу,
Вкусив бесчувствие метели,
И поднимается с постели
Младая поросль уже.
Восток успел себя дожечь,
И ярый день кусает степи
Всё ненасытней и свирепей,
Зиме ленивой вопреки.
И снова слышатся шаги
Заклятых ворогов за дверью,
А казачок с казачьей дочерью
С тревогой ждут беды опять.

Полицай

Открыли дверь! Довольно спать!
Еду выкладывай, хозяйка!

Немец

Катоше, курко, млеко, яйко.

Полицай

Давай, лентяйка, поживей!

Феня

Помилуй, дяденька Евтей,
Откуда здесь еде-то взяться?
У нас осталось только с братцем,
Наверно, с полмешка муки.

Полицай

Тогда возьми и напеки
Сейчас лепёшек власти новой,
А только будет всё готово,
В комендатуру шли мальчика.

Феня

Единственный костюм отца
Мы на муку и обменяли,
Лишь только с Петей осознали,
Что зиму нам не пережить.

Полицай

Молчи! И лучше поспеши
Сходить воды набрать из речки.

Кончай лежать уже на печке,
Работать, милая, пора.

Феня

Видать, не помнишь ты добра,
Евтей Ильич. Забыл, как пьяный
Заснул в снегу в одном кафтане
Ты позапрошлою зимой?
И как наш папка шёл домой
И спас тебя от смерти зряшной?

Полицай

Тебе, нахальная, не страшно
Сейчас такое говорить?
Что, надоело, может, жить?
Так я могу исправить это!
А твой отец, наверно, где-то
Погиб давно уже, и ты
Готовься к роли сироты,
И так одни полгода были...

Петя

Неправда! Папку не убили!
Зачем ты брешешь, полицай?

Полицай

Федосья, убери мальчика:
Не ровен час, лишишься брата.
Совсем извёл, щенок проклятый!
И начинай уже, пеки.

* * *

Сжимая крепко кулаки,
Глядит во след вражинам Петя,
А злое солнце гневно светит,
Глотая жадно скользкий дым.

Петя

Я принесу пойду воды.
Не плачь, сестрёнка, скоро наши
Погонят их назад и даже
К нам этот дядька полицай
Не будет шастать без конца.

Феня

Конечно, Петенька, конечно.
Но всё ж, какой он бессердечный:
Вчера был другом, стал врагом.
А ты теперь сиди молчком,
Когда придут фашисты снова.
Чтоб я не слышала ни слова:
Нам не помогут, мы одни.

* * *

Тюки казачкиной стряпни
Уже на лавке ждут покорно,
Когда молодой гонец проворный
Снесёт их клятому врагу.

Феня

Давай-ка, Петя, помогу,
Ведь не дотащишь сам.

Петя

Не надо.
И так трудилась до упаду.
Присядь-ка лучше, отдохни.

Феня

Так поспеши, не то они
Ещё сюда нагрянут сами,
Тогда уж точно ни слезами,
Ничем от пули не спастись.

Петя

Иду, сестрёнка, не грусти,
Я тут муки отсыпал трошки,
Так что и мы ещё лепёшки
Зимой этой поедим.
Кто знает, что там, впереди?
Глядишь, и наши будут скоро.

Феня

Неси уже. На разговоры
Нет больше времени. Потом.

* * *

В снегу по пояс ветхий дом
Стоит под месяцем трухлявым,
И полицай сидит лукавый
Опять пред взорами детей.

Полицай

По указанию властей
Я приходил с утра. Поймите:
Я не могу немецкой свите
Сказать, мол, нету здесь еды.
Найдут муку — и мне кранты!
Какая с этого вам польза?

Феня

И почему же ты так скользок,
Евтей Ильич, пришёл зачем?

Полицай

Не бойся, Феня, не объем,
Наоборот, принёс вам сладость.

Петя

Нам ничего теперь не надо,
Фашист проклятый, от тебя!

Полицай

Пойми же, мне сейчас грубя,
Не сыщешь ты спокойной доли.
Ну стал бы я служить им, что ли,
Коль в этом не было б нужды?
Никто, ни папка ваш, ни ты,
Не уврачует мою рану,
Никто родителем не станет
Несчастной Кларочке моей.

Феня

Но только мы, ты знаешь, с ней
Всегда товарищами были,
А мамку как похоронили,
И вовсе сделались близки.

Полицай

Я не об этом, казачки.
Не разделить со мной вам горя...
Да ладно, что уж там, ведь вскоре
Придёт конец делам моим —
Все вместе тут же и сгорим,
Когда «катюши» разом грянут.

Феня

Нас хоронить-то, часом, рано.
Да и «катюши», где они?

Полицай

Поверьте мне, остались дни —
И будут красные у Дона,
А мне теперь уже из дома,
Конечно, некуда идти.
И если что не так — прости.
Вы всё поймёте, хоть и дети.
И ты не дуйся тоже, Петя,
И на меня зла не держи.
Ведь мне зимы не пережить,
Увы, я знаю это точно.
А про отца — я не нарочно,
Он славный малый был всегда.
Ещё вернётся он сюда.
Ну, ладно, засиделся. Бүдя!
Нехай нас жизнь потом рассудит.
Прощайте, дети, мне пора.

Петя

Ты слышала его, сестра?
А вдруг и правда наши рядом?
Скажи, неужто ты не рада,
Что снова будет мир в степи?

Феня

Конечно, рада, Петя, спи.
Забыл, который час-то?

Петя

Поздний.

* * *

А в темноте безокой звёзды
Висят над хутором давно,
Как золотоцветное зерно,
Над степью брошенное кем-то,
И ждут, когда рудая лента
Восток обнимет поутру.

ГЛАВА 2

Дрожат раины на ветру —
Не знает степь зимой пощады.
И только сон даёт отраду
Ещё доверчивой душе,
Пускай отравленной уже
Утратой, ложью и враждою,
Но отгороженной мечтою
От мира чёрствого пока.
Душа ребёнка далека
От зла, возвращённого с годами,
Но лишь за хрупкими вратами,
Во сне скрывается она.
И вот сейчас, когда война
Спалила степь дыханьем смерти
И в этой дикой круговерти
Случилось жить душе такой,
Всё чаще в нише колдовской
Она подолгу пропадает,
Ведь только там душа летает
Вдали от горести земной.
Среди ветров, в жаре степной
Тишком живёт юница Клара
Пятнадцать лет в лачуге старой
Героя-прадеда, донца.
Родиться дочкой храбреца
Не суждено несчастной было,

Зато и волюшку, и силу
Природа матери дала.
Но материнского тепла
Лишил недавно ворог Клару,
В степи оставив ветрярой
На милость каменной судьбы.
А следом и с родной тропы
Сошёл её родитель печный
И флаг немедля поднял млечный,
Лишь враг порог переступил.
Так с той поры ни дождь в степи,
Ни ранней осени прохлада
Не вызывают больше лада
У хуторянки молодой.
А с ненасытной бедой
Она была уже знакома,
Когда к урочищу донскому
Не подошла ещё война.
Однажды словно пелена
Несчастной Клары взор устлала,
И вот, ни много и ни мало,
Два года свет не ведом ей.
Теперь внимание друзей
Да снов волшебное свиванье
Спасают деву от страданья,
Её защитниками став.
И ледяная темнота
С души уросливой сползает,
Покуда дочка полицая
В стремленье к свету не одна.

Клара

Когда придёт уже весна
И снова в сад вернутся птицы?
Мне по утрам всё чаще снится,
Как за окном поют они.

Феня

И я давно считаю дни,
Когда забьёт капель тревогу.

Петя

Ну, с каждым днём, хоть понемногу,
Но приближается тепло.

Феня

Всё так, но сердцу тяжело...
Нам твой отец сказал намедни,
Надеюсь, это же не сплетни,
Что скоро наши будут здесь?

Клара

Давно пора! Благая весть!
А я впервые это слышу.
О, как его я ненавижу,

Как раздражает с ним родство.
Ну хоть не видно мне его...

Феня

Да ладно, ладно, Клара, будет!
На свете разные все люди.
В конце концов, отец он твой
И, как-никак, ещё живой,
Тебя он любит — это правда.

Клара

Ну да, ну да, я очень рада.
А вам известно без меня,
Как, мамку летом хороня,
Я прокляла навек иуду
И, точно знаю, не забуду
Его предательств никогда.

Петя

Давайте, может, в города
Сыграем лучше, а, девчата?
Уступишь, Феня, место брату,
Сегодня я начну: Москва!

Феня

И в честь какого торжества
Ты раньше старших начал, Петя?

Клара

Мне что-то в тягость игры эти.

Феня

Ну, расскажи хотя бы нам,
О том, что видела во снах.

Петя

А про меня забыли, что ли?

Феня

Молчи.

Клара

Ну что ж, стою я в поле
Под взором пристальным луны.
Нет никакой вокруг войны,
Смиренна степь и молчалива.
Прохлада лунного прилива
Вползает медленно в меня,
Но я всё так же жду огня,
Что полыхнёт в небесном море
И в нём опять утонет вскоре,
Моей душе надежду дав.

Феня

Задача эта не проста —
Во сне дожидаться звездопада.

Клара

Я наяву была бы рада
Узреть такое, но, увы...
И вот, в объятия совы
Я почему-то попадаю.
Сова облезлая, худая
И где-то с метр высотой.
Мы с нею в комнате пустой,
Где окон нет, есть двери только.
Их целых десять!

Петя

Сколько-сколько?

Клара

И тут сова мне говорит:
— Возьми, любую отвори,
Покуда нет ещё преграды.
Что было старым — станет младо.
Но чей-то голос в голове
Бормочет мне:
— Не верь сове.
Тебе сюда являться рано,
А вот в лесу у великана
Гостить давно уже пора.
Спеши! Иначе до утра
Ты не найдёшь нигде родного.
Закрой глаза и в мире новом
Ты очутишься в тот же миг.
Но обязательно возьми
С собою яблоко гнилое...
И под напутствие незлое
Глаза зажмуриваю я,
Но леса нет, лишь поросля
Мне тычет в нос намокшим рылом.
Гнилое яблоко забыла —
Ответ пришёл невольно сам.
Затем пятнистая коза
Ко мне тихонечко подходит,
А я в каком-то огороде,
Средь грядок.

Петя

Вот ведь чудеса!

Клара

Но тут невинная коза
Вдруг превращается в старушку
И шепчет ласково на ушко
Мне непонятные слова.
Потом, по воле волшебства,
Я понимаю всё, должно быть,
И удаляюсь в поле, чтобы
Направить стадо коз в загон.

Но не успела далеко
Я отойти от огорода,
Смотрю: какой-то безбородый
Навстречу мчится мне козёл,
А вслед за ним и стадо всё
Бежит безропотно за первым.
Но даже тут не сдали нервы
От этой сцены у меня.
Опять зажмуриваюсь я.
И выставляю руку смело,
И, как старушка та хотела,
Козлу указываю путь.

Феня
Вот это да!

Петя
Какая жуть!

Феня
Да этот сон похлеще будет
Того, где, сидя на верблюде,
Ловила рыбу ты в котле.

Клара
Наверно. Только на козле
Ещё мой сон не завершился.
Когда загон битком набился,
Тут я вздохнула глубоко.
Смотрю: несёт мне молоко
Всё та же странная старушка,
А я заглядываю в кружку
И вижу тётю.

Петя
Вот те на!

Клара
Мне улыбается она
И говорит со мной спокойно:
— Когда проснётся кот помойный,
Его ты, Клара, не ругай,
Пускай поймает мотылька,
А там найдёшь, что делать после.
Затем меня отыщешь возле
Окаменелого моста.
Тебя родное неспроста
Искать направили сначала.
Коту старушка намурчала,
Чтоб он помог тебе в пути.
Ну а сейчас, прошу, прости:
Исчезнуть мне немедля надо.
Найдёшь кота, и звездопада
Ты обязательно дождись.
А молоко не пей, иди,
Ведь кот уже проснётся скоро.

Петя

Я никогда такого вздора
Не слышал прежде. Ну и ну!

Феня

Похоже, что во сне войну
Ты навсегда похоронила,
Всего, что здесь происходило,
Нет и в помине больше там.

Клара

Пожалуй, и моя мечта —
Во сне дожждаться звездопада,
Возможно, сбудется когда-то,
Чтоб мне желанье загадать.

Феня

Постой, выходит, что опять
Паденья звёзд ты не видала?

Клара

Ну, слушай дальше. Ем я сало.
Нет ни старушки, ни козла.
Я дома. Только зеркала
Висят загадочно повсюду.
Не помню да и врать не буду,
Как вышло очутиться там.
И вдруг помойного кота
В одном из тех зеркал я вижу,
Но подойти к нему поближе
Боюсь, не знаю почему.
И тут к огромному сому,
Что спит калачиком на койке,
Подходит этот кот спокойно
И лапкой трогает его.
А сом, как будто неживой,
Лежит не двигаясь, и всё тут.
Но вот уже доска почёта
Вдруг возникает предо мной.
Помойный кот и сом чудной
На фотографии в обнимку.
Скажу как есть: такого снимка
Я не забуду никогда.
Но вот внезапно темнота
Вокруг меня сгущаться стала.
Я выйти сразу попыталась,
Но дверь нащупать не смогла.
Себя не вижу, всюду мгла,
Не приложу ума, что делать.
И тут вокруг всё зашипело,
И снова сделалось светло,
А я уже держу весло,
С какой-то лодкой рядом стоя,
Вот только озеро пустое —
В нём нет ни капельки воды.

Зато по берегу цветы
Гуляют парами вальяжно,
А в небе реет змей бумажный
И мне сердито говорит:
— Звезда последняя сгорит,
Не загадаешь ты желанье,
Но всё же с тёткою свиданье
Настанет скоро, так что жди.
Гляжу и вижу: впереди,
Где дно сухое только было,
Уже почти всё затопило,
И мост откуда-то возник.
Но слышу голос вновь: «Проснись!
Ты далеко ушла сегодня».
Потом исчезло всё, и вот я
Уже очнулась ото сна.

Петя

А как же тётя, где она?

Клара

Не знаю, Петенька, не знаю
И голос этот вспоминаю
Уже я с самого утра.
Как будто каждый сон — игра,
И мною кто-то в них играет.
Но я, на это невзирая,
Всего достигну, что хочу.

Феня

Зажги-ка, Петенька, свечу.

Петя

Ого, смеркается. Досадно.

Клара

Там что, темнеет? Ну и ладно.
Незрячей-то ведь всё равно.
И так в глазах уже темно...
Постойте!

Петя

Что такое?

Клара

Тише!

Ну вот, теперь я точно слышу:
Вдали идёт какой-то бой.
Наверно, только мне, слепой,
Сейчас всё это и подвластно.

Феня

Да, я не слышу.

Петя

И прекрасно!

Уже на помощь к нам идут!

Феня

Был прав отец твой: скоро тут,
Похоже, станет жарко очень.

Петя

Быстрее бы уж, а то нет мочи
Врага проклятого терпеть.

Феня

Не обольщался бы ты, Петь.
Ещё не время веселиться.
А вот как папка возвратится,
Тогда и будем. Не спеши.

Клара

Сначала надо бы дожить
Нам до того, о чём мечтаем,
А эта радость холостая,
Но скоро битва будет здесь.
И у меня надежда есть,
Что с Дона немцев выпрут наши.
А полицей сегодня скажет,
Чего нам завтра ожидать.

Феня

Зачем ты так, ведь он тогда
Пути не выбрал против шерсти,
Чтоб защитить тебя от смерти:
Ты у него теперь одна.

Клара

Не подчинилась вся страна!
А он не просто служит фрицам,
Но мерзким мамкиным убийцам
Постыдно кланяется он.
И нынче только крепкий сон
Меня от злобы отвлекает.

Феня

Ну что за жизнь у нас такая!
Кто всё же выдумал войну...

Клара

Похоже, я сейчас усну,
А вы, друзья мои, ступайте
Да завтра снова забегайте,
Я с нетерпеньем буду ждать.

* * *

Явилась в хутор ночь опять.
Ждёт степь от холода защиты,
Но ветер, стылый и сердитый,
Тревожит изредка её.

А тихий гул ночных боёв
Уже доносится с востока,
И свет спасения далёкий
Всё ближе к мороку теперь.
Но крепко спит казачья дщерь
И брат её в гостях у дрёмы,
Покуда темень окоёма
Не рухнет в полымя зари.

ГЛАВА 3

Петя
Уже проснулась? Посмотри,
Какая там метель.

Феня
Да что ты!

Петя
И лупит, как из пулемёта.
Давненько не было такой.

Феня
До наших-то подать рукой,
Считай, они совсем уж рядом.
Метель не станет им преградой,
Как нас начнут освобождать?

Петя
Ты что волнуешься опять?
Прорвутся наши, снег им в помощь.
Кому же, как не им, знакомы
Капризы матушки-зимы.
Не бойся, Феня, скоро мы
Вернём свободу, это точно,
И будем хоть с утра, хоть ночью
Во двор без страха выходить.

Феня
Как знать, быть может, впереди
Нас ждут страшнее испытанья?

Петя
Оставь уже свои мечтанья.
Недолго дни считать теперь.
Закрой за мной, сестрёнка, дверь,
Я принесу водицы.

Феня
Ладно.

* * *

А нервный ветер беспощадно
 Швыряет оземь жалкий снег,
 И беспокойной пелене
 Предела нет и нет начала.
 Но ветру жадному всё мало:
 Он рвёт, бранится, и гудит,
 И всё сметает на пути
 Своём, извилистом и долгом.
 Меж тем сквозь вьюгу только-только
 Добрался Петя до воды.
 С колодцем рядышком кусты
 Смиренно горбятся под снегом,
 За ними старая телега
 Примёрзла к зарослям куги.
 — Послушай, хлопец, помоги, —
 Из камышей донёсся голос.
 И тут про ветер и про холод
 Мгновенно Петя и забыл.
 Глядит, а прямо у тропы,
 Средь камышей лежат солдаты,
 Их двое, держат автоматы,
 Одежда белая как снег.
 «Разведка. Ох, везёт же мне! —
 Восторженно подумал Петя. —
 Я оттого их не заметил,
 Когда к колодцу подходил».

Разведчик

Не приближайся, погоди.
 Да не смотри сюда, парнишка,
 И говори как можно тише,
 Чтоб нас не выдать.

Петя

Хорошо.

Разведчик

Ты делай то, зачем пришёл,
 Не привлекая к нам вниманья,
 А мы дадим тебе задание.
 Своим можешь-то, малец?

Петя

Ага.

Разведчик

Ну вот и молодец.
 Скажи-ка, хлопец, много фрицев
 Сегодня в хуторе гнездится?
 И что за техника у них?

Петя

Да вроде пушки тут одни —
 Артбатарей их и только.

А что до фрицев? Сколько, сколько...
Быть может, двести.

Разведчик
Хорошо.
Теперь отметь карандашом.
Смотри под куст, там — карта.

Петя
Вижу.

Разведчик
Ну, подойди ещё поближе.
Не мешкай, парень, поспеши
И не смотри на камыши,
Как будто нас и вовсе нету.
Запомни: нашего секрета
Никто не должен больше знать.

Петя
А долго ли осталось ждать?
Когда погонят немца, скоро?

Разведчик
На днях, малец, мы с этой сворой
Покончим, ты не кипятись.
А нам пора уже ползти.
Спасибо, хлопец, и до встречи.
Враг не всесилен и не вечен,
Мы сломим здесь ему хребет.

* * *

По запорошенной тропе
Домой идёт, ликуя, Петя,
И никого на этом свете
Нет пресчастливее его.
А ветер воет фронтовой,
И бьют в лицо ошмётки снега,
Но греет душу человека
Надежда хрупкая, как сон,
И словно десять ярких солнц
В его груди пылают ныне,
Не замечая мёртвой стыни
Уже на кипенном пути.

Феня
Ни шагу больше, погоди!
Там что-то странное творится...
Нам нужно срочно где-то скрыться!

Петя
Опять шукуют детвору?

Феня

Снуют по каждому двору.

Петя

Давай сховаемся у Клары,
Ведь к полицию-то в хибару
Никто не сунется, поди.

Феня

И правда, там пересидим.
А дальше?

Петя

Дальше будет ясно.

Феня

Пошли быстрее, здесь опасно
Нам на виду у всех стоять.

Петя

Давай, пора уже тикать.
Айда со мной по огородам:
Теперь по улице нет хода
Для нас с тобою всё равно...

Феня

Ну вот, пришли, стучи в окно.

Полицай

А вот и беглецы явились.
Куда же вы запропалились?
Я — в дом, а в доме никого.

Феня

Ну, просто брата своего
Я за водой с утра послала,
Да и сама потом гуляла.
А что стряслось-то, объясни?

Полицай

Как складно врут теперь они.
Сидите здесь уж, казачуры,
А мне пора в комендатуру,
Сегодня дел ещё полно...

Петя

А отчего ему смешно?

Клара

Пускай идёт своей дорогой.
Осталось ждать уже немного,
И посмеёмся мы тогда.

Петя

Да что случилось-то?

Клара
Беда.
Насколько знаю я, сначала
Коробка папирос пропала,
Ну, у кого-то из румын.

Петя
Подумаешь, при чём здесь мы?

Клара
Он говорит, что вроде кто-то
Из пацанят их свистнул.

Петя
Жмоты!

Клара
И вот они уже с утра
Детей хватают всех подряд,
А тот, кто сразу не сховался,
Конечно, в лапы к ним попался.

Феня
Ну что ж, осталось только ждать.

Петя
Дождёмся, Феня, — не беда.
Расскажешь, Клара, что приснилось?

Клара
О да, где только не носило
Опять меня в последнем сне...
Скачу я ночью на коне.
Сверчки орут повсюду. Лето.
И слышу: вроде плачет где-то
Ребёнок малый.

Петя
Вот те на!

Клара
Остановилась — тишина,
Сверчков и тех не слышно даже.
Ну что поделать, еду дальше,
Уже забрезжило вдали.
Смотрю: как будто нет земли,
И степь ночная стала морем,
А горизонт опять весь чёрен.
И вдруг по новой слышу плач.
Потом внезапно из седла
Я почему-то выпадаю
И, рухнув, ногу повреждаю.

Петя
Скажи, тебе не страшно спать?

Клара

Получше, чем впотьмах блукать.
Во сне хотя бы я всё вижу,
И мне тот мир гораздо ближе,
Чем явь постылая...

Петя

Прости.

Клара

Да, я согласна, не ахти
Последний сон, в сравненьи с прежним,
Но только оба безуспешны
Они на деле для меня.
Ну, ладно. Эта болтовня
И мне наскучила порядком.
Так что давайте-ка, ребятки,
До завтра лучше подождём.
А вы теперича вдвоём
Спокойно здесь и оставайтесь.
Чай пейте, в города играйте,
Покуда я передохну.

ГЛАВА 4

Забыло утро тишину
С собою взять в ночные степи,
И только грохот, стон и трепет
Теперь опять терзают их.
Кольцом сжимаются фронты
Вокруг непрошеного гостя,
И кровь стекает с шашки вострой
На снег изрезанный донской.

* * *

Петя

Похоже, наши — за рекой.
Сегодня-завтра точно будут.
Гляди-ка, дым какой повсюду.

Феня

Ага, как видно, дождались.

Петя

И вряд ли нынче патрули
По всем дворам шныряют снова.
Пошли до дома.

Феня

Я готова.
Зайдём попозже.

Клара
Хорошо.

Феня
Ой, ветер сильный!

Петя
Да, свежо.
Ну, ладно, тут идти два шага.

Феня
Смотри, в наш двор от буерака
Кровавый след ползёт...

Петя
Ого!

Феня
Присыпь немедленно его,
А я взгляну, куда ведёт он.

Петя
Конечно, Фенечка, в два счёта.

Феня
Давай быстрее уже, беги.

Петя
Я понял.

Офицер
Дочка, помоги.

У дома в белом полушубке
На ветхом стареньком приступке
Лежит недвижно человек.
Кровь на штанах и рукаве
Не запеклась ещё, сочится.

— Ну что застыла-то, девица,
Поможешь дядьке али нет?
Спиной придвинувшись к стене,
Едва дыша, он тихо вторит:
— Там, за рекой, у косогора
Наш разбомбили лазарет.
А я очнулся на заре
И вот сюда добрался чудом.
Теперь другого мне приюта
Уже, наверно, не найти.
Нет больше сил опять ползти:
Исходят кровью обе раны.
Я врач военный, как ни странно,
Смогу себя заштопать сам.

* * *

Петя

Похоже, целых три часа
Он как убитый спит.

Феня

Бедняга.
Сперва — река, потом — овраги
Да здесь вдобавок.

Петя

Ну и ну!

Феня

Ещё бы, как тут не уснуть.
Давай-ка так: сейчас мне Клара
Расскажет про свои кошмары,
А ты уж дома подежурь.
Да ладно, брови-то не хмурь.
Ей там одной несладко тоже.
А он проспит ещё, похоже,
Довольно долго здесь.

Петя

Ну да.

* * *

Клара

Ох, что же делать? Вот беда.
А если фрицы к вам нагрянут?
Чай, у него такие раны,
Что вряд ли сможет скрыться он.
И точно предопределён
Удел ваш будет с той минуты.

Феня

Донцам милее смерть, чем путы,
А мы готовы к ней давно.

Клара

Ну, ладно, ладно, всё равно
Исходу завтра быть, не позже,
И всем познать её, похоже,
Нам доведётся, не грусти.
А у меня же набрести
На звездопад не вышло ночью.
Сон как рукой сняло, но, впрочем,
Сегодня время есть ещё.
Возможно, будет прекращён
Поход мой, к призраку ведущий.
И день решающий грядущий
Найдёт всему свои места.

* * *

Феня
Что, спит по-прежнему?

Петя
Ну да.
А как там Клара?

Феня
Да как раньше,
Но в этот раз подружке нашей
Совсем, похоже, не спалось.

Петя
Ну что ж, вчера не повезло,
Зато сегодня дрыхнуть будет.
Наверно, даже шум орудий
Не помешает ей теперь.

Офицер
Воды...

Феня
Конечно, вот, попей.
Как звать тебя, скажи нам, доктор?
А то спросить забыли.

Офицер
Фёдор.
Давно я сплю-то?

Петя
Целый день.

Офицер
А немцы где?

Петя
Пока везде.
Ещё не выбили их наши.

Офицер
Ну, завтра точно их пропаже
Не огорчится здесь никто.

Феня
Быстрее бы уж! Да, Петя?

Петя
А то!

Офицер
Так, значит, Петя?

Феня
А я — Феня.

Офицер

Выходит, я своим спасеньем
Обязан Кириным мальчикам?

Феня

Ты знаешь нашего отца?

Офицер

Ну, если он — Кирилл Лукьяныч,
То знаю. Я таких буянов
Уж точно прежде не встречал:
Шесть ран его кровоточат,
А он хрипит, мол, мне в окопы
Опять пора, быстрее штопай!
Хватал меня аж за грудки!
С ним всё в порядке, казачки.
Герой Кирюха, что тут скажешь.
А кстати, где же мамка ваша?
Он и о ней мне говорил.

Петя

Убили мамку упыри,
Не уцелела под бомбёжкой.

Феня

Ты лучше, Фёдор, хоть немножко
Ещё про папку расскажи.

Офицер

За что же вам такая жизнь!
С чего судьбина так сурова...

* * *

Над рябью снежного покрова
Гуляет ветер, тает ночь.
Заре холодной суждено
Вот-вот явить погибель взору
И сжечь, подобно метеору,
От безысходности себя.

* * *

Петя

Который час уже бомбят!

Офицер

Теперь нам только ждать осталось.

Феня

Воды-то, глянь, совсем уж мало.
Сходил бы, Петя, ты.

Петя

Ага.

Феня

Дождёмся, Фёдор, а снега
Когда сползут опять весною,
Мы попрощаемся с войною.
Но будем помнить всё.

Петя

Беда!
Румыны тащатся сюда!
Во всех углах по новой шарят.

Феня

Тебя ведь в нашей-то хибаре
Не утаить.

Петя

А в конуре?
Едва ли станут во дворе
Они искать кого-то.

Феня

Точно!
Там домик маленький, непрочный,
Уже трясётся на ветру.

Офицер

Пойдёт. Авось, не заберут.

Петя

Одежда, к счастью, вся просохла.

Офицер

А где собака-то?

Феня

Подохла.
Уже два года как.

Петя

Давай!
Поможем Фёдору сперва.

* * *

Петя

Фух! Пронесло.

Феня

А я сначала
Ведь не на шутку испугалась.
Но поняла потом одно:

Пока на улице темно,
Не станут мерзляки-румыны
В сугробах лазить без причины,
А дом пускай обшарят весь.

Петя

Конечно, что найти им здесь...
Как мы их, Фёдор, а? Смотри-ка,
Уснул, похоже.

Феня

Горемыка.

Петя

Поди, расслабился в тепле.

Феня

Да, крепкий сон всего милей
Сейчас ему. Совсем уж вялый.

Петя

И сколько крови потерял он...

Феня

Теперь пусть дрыхнет хоть весь день.

Петя

А нам что делать нынче здесь?
Давай к подружке нашей сходим.
Румыны вон отстали вроде.
Пойдём, проведаем её.

* * *

Клара

О, как я рада, что вдвоём
Пришли сегодня вы, ребята.
Наверно, с самого заката
Спала я крепко до утра.

Петя

Естественно, ведь ты вчера,
Я слышал, даже не вздремнула.

Клара

Зато сейчас передохнула,
И есть что вам порассказать.

Феня

Неужто мамку повидать
Случилось в этот раз?

Клара

Ну, слушай.
Стою на улице я. Стужа.

Повсюду снег, прям как сейчас.
И, беспрерывно грохоча,
Колеблет степи канонада.
Но ощущаю, будто рядом
Ещё со мною кто-то.
Вот
Оборотилась — никого!
И даже зябко как-то стало.
Но тут на мысли вдруг поймала
Себя я: это всё во сне!
Потом гляжу: идёт ко мне
В рубахе белой вроде Петя.

Феня
В твоём сегодняшнем сюжете
Есть нечто жуткое.

Петя
Постой!

Клара
Я чую, что-то здесь не то.
Смотрю — и впрямь лицо другое.
Потом касается рукою
Моих волос он, но молчит.
И тут амбарные ключи
В своей руке я ощущаю,
А он мне говорит: «Прощаю».
И исчезает в тот же миг.

Петя
Вот это да! Такого мы
Ещё не слышали доселе.

Феня
Кошмар какой-то, в самом деле,
Аж до мурашек пробрало.

Клара
Ну, слушай. Вдруг заволкло
Туманом небо всё мгновенно,
И в тот же час ему на смену
Пришла внезапно пустота.
Метель упрямая и та
Исчезла, словно ветром сдуло.

Петя
А ты что?

Клара
Я-то? Я вздохнула
И жду мгновенья своего.
Что делать, коли ничего
Вокруг меня, по сути, нету.

Но тут моргнула я и где-то
Вдали завидела просвет.
Как будто бы какой-то ветер
Вновь горизонт пред взором создал,
А вслед за ним неспешно звёзды
На небо стали заползать.
Аж разбегаются глаза.
Одна другой, поверьте, краше.
И часть луны холодной даже
Я увидала в этом сне.
Но дело даже и не в ней,
Ведь я нашла всё, что искала!

Петя

Да ну!

Феня

Серьёзно? Как?

Клара

Сначала

Исчезла вовсе пустота.
А после первая звезда
За окоём стрелой пустилась,
Потом вторая угодила
Туда же, прям за ней вослед.
Ну как же тут не обомлеть
Мне от увиденного было?
Я словно камень и застыла,
Но и опомнилась в момент.

Феня

Небось, подобных перемен
Не ожидала ты так скоро?

Клара

Конечно, нет, не стану спорить,
Но в глубине души-то, да,
Надежда теплилась всегда.
И потому, наверно, сразу
Я, даже не моргнув и глазом,
Желанье загадать смогла.

Петя

А дальше?

Клара

Дальше тьма ушла —
Сиянию место уступила,
И мамка тотчас же явилась
В свеченье белом предо мной.
Но, к сожаленью, лишь одно
При встрече мне она сказала:
«Прости его» — и быстро стала,
Подобно звёздам, исчезать.

Её печальные глаза
Таковыми я и буду помнить,
Пока моей дороге тёмной
Не подойдёт уже конец.

Феня
А как же он, как твой отец?

Клара
А что отец? К его отраде,
Прощу иуду, мамки ради,
Исполню материн завет.
Жить надо дальше, хоть и свет
Во снах теперь со мною только,
Я в них уже не вижу толку,
А явь, какой бы ни была,
Лишь от людей в ней столько зла.

Феня
Ну, наконец-то всё свершилось!

Петя
Жаль только, встреча мало длилась,
Но даже этой нет цены.

Клара
Что так, то так.

Петя
А больше сны
Ты нам рассказывать не будешь?

Клара
Да смысла нет: такое чудо
Бывает в жизни только раз.

Феня
Ну, ладно, Клара, нам пора.
У нас же — раненый...

Петя
Бедняга.
Вчера во двор из буерака
Дополз, и мы его спасли.

Клара
Чего ж сидите-то?

Петя
Пошли!

Феня
Ой, что за грохот там, снаружи?

Клара
Да снова чей-то дом разрушен,
Видать, от нас недалеко.

Петя
Но это выяснить легко.
Пойдём на улицу, сестрёнка.

Феня
Пошли.

Петя
Ещё одна воронка!
Смотри: соседский дом горит!
Я погляжу, что там, внутри.
Вдруг кто-то жив ещё?

Феня
Не надо!
Постой! Не лезь в огонь! Куда ты!
Остановись, прошу тебя!

* * *

Сугробы гневно теребя,
Скребётся ветер снова в двери
Там, где во сне, как прежде, верят
И наяву поныне ждут...

2019

Евгений МАЛЮТА
Александр ТКАЧЕНКО

Волжский бастион полкового комиссара Шолохова

К 120-летию М. А. Шолохова

(Продолжение. Начало в № 1 за 2025 год)

Глава 2. ПАМЯТИ ПОЛКОВОГО КОМИССАРА, ВОИНА-ПИСАТЕЛЯ

Учитывая все обстоятельства пребывания М. А. Шолохова на Волге, мы пришли к заключению, что мемориальный музей в Николаевске должен быть посвящен исключительно воину-писателю, полковому комиссару, офицеру Красной армии. И первым экспонатом в музейной экспозиции должен стать портрет М. А. Шолохова в армейской форме, каким он и запомнился

МАЛЮТА Евгений Васильевич — писатель-документалист, краевед. Родился в 1945 году. Живет в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, работал в областной и центральной печати, корреспондентом ТАСС, на московском канале Центрального телевидения. Автор книги «Волжский утес Шолохова», один из авторов фундаментального труда «Шолоховская энциклопедия», автор историко-краеведческих книг о городе Николаевске, старинных волжских селах Николаевского района, а также двухтомника «Летопись Николаевского благочиния». Один из создателей мемориального Дома-музея М. А. Шолохова в Николаевске, член Волжского Шолоховского центра (Москва).

ТКАЧЕНКО Александр Иванович — кандидат политических наук, почетный член Волгоградской областной организации «Союз журналистов России», член редакционного совета журнала «Отчий край». Родился в 1956 году. Живет в городе Николаевске Волгоградской области. Член Санкт-Петербургского клуба моряков-подводников и ветеранов ВМФ. Участник тринадцати дальних походов на атомном ракетном подводном крейсере стратегического назначения. Глава Николаевского района Волгоградской области в 2000—2009 годах. Один из создателей мемориального Дома-музея М. А. Шолохова в Николаевске, член Волжского Шолоховского центра. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Имеет почетное звание «Лауреат премии Слипченко». Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022). Эксперт дискуссионного клуба «ЧеловекЪ».

волжанам. Нам представлялось необходимым показать таким образом преемственность, неразрывную связь поколений русских писателей-воинов — таких, как Лев Николаевич Толстой, Михаил Юрьевич Лермонтов, военный корреспондент «Русских ведомостей» во время Первой мировой войны Александр Серафимович Серафимович, Юрий Васильевич Бондарев и другие.

К счастью, мы были постоянными читателями столичной газеты «Завтра», издаваемой известным писателем Александром Андреевичем Прохановым. Его чудные, талантливые и острые статьи-передовицы в газете производили чуть ли не каждый раз резонанс в читательском мире. Их, как правило, сопровождали графические работы не менее талантливого мастера изобразительного искусства, заслуженного художника России Геннадия Васильевича Животова. Они все без исключения отвечали на злобу дня, чего сторонилось большинство столичных художников. Нам казалось, что именно такой искрометный мастер кисти, чувствующий эпоху, ее дыхание, как Г. В. Животов, сможет создать художественный портрет Михаила Шолохова. В ответ на наше предложение, прозвучавшее по телефону, он, не задумываясь, дал согласие написать портрет любимого им писателя. Вскоре Геннадий Животов посетил город Николаевск, а следом и станицу Вёшенскую вместе с одним из авторов этих строк. Здесь-то и состоялась встреча со старшей дочерью писателя Светланой Михайловной Шолоховой, которая рассказала много интересного из жизни отца в военное время, о пребывании его и семьи в волжских городах.

Поездка на Волгу и Дон в двадцатых числах апреля 2003 года произвела на художника незабываемое впечатление. Ведь до сих пор ему не приходилось там бывать. А первое впечатление, как правило, дорогого стоит.

Кстати, в отечественной живописи есть прижизненные портреты многих русских писателей, которые были написаны выдающимися мастерами. Шолохова не баловали вниманием живописцы-современники. Правда, в архиве Государственного музея-заповедника в станице Вёшенской сохранились с давних времен несколько полотен с изображением Михаила Александровича, но, как признавались сотрудники музея, выставлять их перед посетителями они не решаются. (К столетию со дня рождения писателя в фойе вёшенского музея появился прекрасный портрет М. А. Шолохова в полный рост кисти народного художника России Н. Колупаева.)

Созданию портрета Шолохова для николаевского музея предшествовали целые месяцы дискуссий с Геннадием Животовым. Очень важно было выбрать такую форму изображения портрета, такую стилистику живописи, которые отвечали бы духу времени, духу советской эпохи 30—40-х годов. Иначе искусственность художественного замысла, надуманность сюжета были бы для зрителей очевидными. Это могло бы привести к непоправимому — ложности отражения эпохи, а следовательно — и к неприятию портрета Шолохова как у зрителей, так и у ценителей живописи, у мастеров кисти.

Наконец-то решение было принято: писать портрет выразительными средствами и манерой письма, близкими к сталинской эпохе. Изобразительное искусство того времени еще недавно огульно подвергалось осмеянию и глумлению со стороны невежд, средств массовой информации, даже некоторыми специалистами. Но сейчас многие ценители искусства начинают давать высокую оценку работам известных советских мастеров 30—40-х годов, для которых так называемый метод социалистического реализма стал

фундаментальной частью их творчества. Вспомним хотя бы полотно с изображением И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, хорошо памятное нашим отцам и дедам. Ныне лучшие образцы официальной живописи сталинской эпохи признаются уникальными и бесподобными даже в мировом изобразительном искусстве.

Так вот, художник Геннадий Животов решил взять все самое фундаментальное от творчества советских мастеров 30—40-х годов. И прежде всего такую характерную черту их портретной живописи, как монументальность композиционной постановки. Это то, что касается формы самой работы.

В мастерской художника на проспекте Вавилова в Москве мы увидели множество прекрасных портретов, среди них — писателей Валентина Распутина, Юрия Бондарева, Александра Проханова, Владимира Бондаренко, Владимира Личутина. Но все эти портреты прижизненные, написанные непосредственно в ходе позирования. Совсем другое дело, когда приходится рисовать лик героя по сохранившимся фотографиям. В таком случае остается уповать на воображение художника, его умение изобразить на полотне образ, близкий к живому, легко узнаваемым. Но существуют еще особенности художественного вкуса, манера мастера кисти, которые придают оригинальность портрету. Тут автора подстерегают либо успех, попадание в самую точку, либо банальная неудача.

Г. В. Животов работал над эскизами упоенно, не прерываясь. Когда мы наконец увидели лик писателя на полотне, то поняли, что все наши ожидания оправдались. Нам такого и хотелось увидеть Шолохова: открытый, устремленный вдаль взгляд, в далеком уголке которого укрылась смешинка. В этом взгляде сквозят уверенность, стойкость и вместе с тем блеск, энергия, свойственные творческой натуре.

Другое важное достоинство художественного полотна, бросающееся в глаза, — антураж вокруг фигуры писателя. Он органично демонстрирует его масштабность, его вселенную.

В верхней части портрета Шолохова — Волга-матушка, символизирующая собой горизонт. Думается, художник таким образом сумел чутко уловить судьбоносную для нашей страны роль великой реки, вокруг которой происходили практически все известные исторические события в нашем Отечестве. На чуть заметной полоске правого берега проглядываются контуры города Камышина.

На нижней половине полотна мы видим славный Дон, на высоком берегу которого находится станица Вёшенская со старинным казачьим храмом Архистратига Михаила. Он хорошо сохранился и ныне является достопримечательностью районного центра — станицы Вёшенской.

Дон показан художником умиротворенной рекой. Покой его берегов ничто не нарушает. Поэтому вполне естественными кажутся картинки казачьего быта. Они, несомненно, обогатили содержание всего полотна. Справа можно различить рыбака, спускающегося по берегу к своей лодке. Чуть ниже мы видим молодую казачку с ведрами на коромысле и задиристого казака на коне, пытающегося привлечь к себе внимание станичной красавицы.

В самом низу портрета изображены группы конных казаков — героев «Тихого Дона», знакомых нам теперь по иллюстрациям скульптора и рисовальщика 30-х годов Сергея Королькова. Принцип художественного заимствования образов казаков здесь носит вполне оправданный характер:

во-первых, сам Шолохов считал Королькова лучшим иллюстратором романа «Тихий Дон» и высоко ценил в любом творчестве стремление объективно, правдиво отобразить окружающий мир; во-вторых, художник Геннадий Животов, используя корольковские образы, подтвердил свою преемственность в творчестве, свое согласие с таким пониманием и изображением колоритных типов обитателей казачьего Дона. Портрет от этого только выиграл: сюжетный коллаж заставляет зрителей задуматься над таким уникальным национальным явлением, как Шолохов.

В целом же картина Животова отражает точное место писателя во времени и пространстве. Это время Сталинградской битвы — грозное и судьбоносное для нашей великой страны СССР. На портрете этот год получил отображение аллегорическими средствами. Справа на картине мы видим надвигающуюся с запада зловещую черную тучу. Молния, подобно военному штыку, готова пронзить нашу землю, наши города и села, испепелить их. Тучи сгустились над станицей Вёшенской.

Но несокрушимая вера в победу в глазах писателя подкрепляется одним важным элементом сюжетного содержания картины: мы видим, как над Волгой медленно, но уверенно расправляет свои крылья могучий орел, который бесстрашно летит навстречу зловещей туче. Столкновение их — тучи и орла — неизбежно. Кто победит? Монументальная фигура писателя в военной форме на фоне Волги и Дона видится как олицетворение победы Красной армии в Сталинградской битве.

Удивительно, что сам автор портрета нанес на полотно образ орла совсем неожиданно, подсознательно, не думая о том, какую роль он сыграет в композиции картины. Но, собственно, в этом и заключается талант художника, его мастерство доводить замысел до логического конца. Это уже природный дар, инстинкт, умение мыслить образами.

На картине мы видим Шолохова в чине полковника. На плечах — погоны. В самом начале 1943 года во всех родах войск Красной армии были введены Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным погоны. Некоторые ветераны войны вспоминали, что сначала они появились на плечах тех, кто воевал в составе кавалерийских частей. В числе первых надел погоны и Михаил Шолохов, как подтвердила его старшая дочь Светлана Михайловна.

Заметим, что портрет Шолохова, как всякое художественное произведение, представляет собой собирательный образ героя. Перед нами Михаил Александрович в свои реальные 37 лет. Моложавый, подтянутый, стройный. На полотне он выглядит чистокровным казаком.

Сам Шолохов, как известно, не был выходцем из казачьей среды. Его отец принадлежал к купеческому сословию. Дед — тоже выходец из семьи купцов города Зарайска Рязанской губернии, а ныне Московской области. Известно, что донские казаки чурались торговли как профессионального рода деятельности. Поэтому она была отдана на откуп пришельцам. Среди них и оказались предки Михаила Александровича, переселившиеся из Зарайска на Донскую землю во второй трети XIX века.

Мать Шолохова по происхождению — украинка. Так что в «коренном» смысле писатель не казак. Но вся жизнь и деятельность его протекали в гуще казачьей среды, и мы вправе его называть коренным казаком. По крайней мере, так считают на Дону, где нет такого казака, который бы не принимал Шолохова за своего.

Писатель-фронтовик Михаил ШОЛОХОВ

в живописных работах Геннадия ЖИВОТОВА

Портрет М. А. Шолохова

Портрет семьи М. А. Шолохова.
1941 год

Встреча М. А. Шолохова с С. И. Олейником.
Июнь 1942 года

Из коллекции картин дома-музея М. А. Шолохова в Николаевске

Думается, что Геннадию Животову сопутствовала огромная творческая удача. Глядя на портрет, зритель может радоваться за музей, который стал обладателем незаурядного творения русского мастера, нашего современника, последователя традиционного реалистического искусства XIX—XX веков в нашей стране.

Именно этот портрет и стал, как планировалось, первым и достойным экспонатом шолоховского музея в Николаевске. 22 июля 2004 года состоялось его торжественное открытие в присутствии многочисленных жителей и гостей города Николаевска. Нефтяники свое слово сдержали. Они не только реконструировали здание музея, но и благоустроили территорию двора, огородили его и даже установили декоративное освещение.

Важно то, что это событие стало делом государственной важности в сфере культуры. В церемонии открытия музея приняли участие губернатор Волгоградской области Н. К. Максютя, генеральный директор ООО «ЛУКойл-Нижневожскнефть» Н. М. Николаев, первый заместитель главы областной администрации Ю. И. Сизов, заместитель главы администрации области по социальным вопросам Г. И. Хорошева, федеральный инспектор полномочного представителя президента по Южному федеральному округу В. И. Новиков, председатель областного комитета по культуре А. И. Величкин, глава Быковского района В. И. Олейников и другие.

Во время открытия мемориального Дома-музея М. А. Шолохова традиционную ленточку перерезали губернатор Волгоградской области Николай Кириллович Максютя, генеральный директор ООО «ЛУКойл-Нижневожскнефть» Николай Михайлович Николаев, глава Николаевского района Александр Иванович Ткаченко и уроженец города Николаевска московский журналист Евгений Васильевич Малюта.

Открытие музея проходило в присутствии сотен жителей Николаевска. Во время торжественной церемонии прозвучали выступления.

Александр Иванович Ткаченко, глава администрации Николаевского района:

Уважаемый Николай Кириллович, уважаемые гости, земляки! Сегодня на нашей николаевской, героической Сталинградской земле знаменательное событие и большой праздник — день открытия музея великого русского писателя Михаила Александровича Шолохова.

Когда-то наши предки мечтали о соединении Волги и Дона. И в конце концов они этого добились. Водная артерия работает и будет работать на мощь и процветание нашего государства. Но сегодня с открытием дома-музея на нашей николаевской земле происходит духовное соединение Волги и Дона. И в этом мы видим огромное символическое значение: наша область — героическая, легендарная, красивая — представляет собой одно нерушимое целое.

Этот большой праздник не мог состояться, если бы не самое непосредственное участие губернатора области Николая Кирилловича Максюты и генерального директора компании «ЛУКойл-Нижневожскнефть» Николая Михайловича Николаева. Благодаря их горячей поддержке усилий инициаторов создания музея, пониманию важности этого дела, мы сегодня имеем прекрасный подарок, который будет работать на процветание не только Николаевского района, но, я надеюсь, всей нашей Волгоградской области, отечественной культуры.

Уважаемые Николай Кириллович и Николай Михайлович, хочу выразить от всех николаевцев вам искреннюю благодарность. С этим музеем у нас появляется уверенность в том, что Волгоградская область будет и впредь в своем развитии твердо опираться на богатое культурное наследие, приумножать его. И тогда у нас всё будет замечательно.

Николай Кириллович Максютя, губернатор Волгоградской области:

Уважаемые николаевцы, уважаемые гости, земляки! После такой пламенной речи вашего главы администрации мне остается только сказать: спасибо большое вам за то, что вы терпеливо ждали открытия этого музея земляка нашего, казака Михаила Александровича Шолохова.

Уважаемые николаевцы, действительно, сегодня в преддверии большого праздника, большого юбилея — 100-летия со дня рождения Шолохова — открывается этот музей. Весь мир, вся Россия, все человечество знают Шолохова. Вы знаете, что идет волна памяти о нашем земляке по всей России, в самых дальних уголках. И вот мы решили с президентом компании «ЛУКОЙЛ» преподнести вам подарок — подписали соглашение о реставрации дома, где в Великую Отечественную войну писатель, будучи корреспондентом, навещал семью.

Этот исторический момент, надеюсь, дает вам полное право говорить о том, что Шолохов ваш земляк. Уважаемые мамы и бабушки, отцы и деды, расскажите своим детям, внукам, кто такой был Шолохов, как он любил свою малую и большую родину. И этот музей посещайте со своими детьми и внуками. Вы вспомните и Дон, и казаков, и Великую Отечественную войну. А самое главное, музейные работники (у вас есть еще прекрасный краеведческий музей) сделают все возможное, чтобы в памяти вашей сохранялись героические будни таких великих людей, как Шолохов, как полководец Жуков, великая битва под Сталинградом, имена тех героев, которые отдали жизнь Родине. Музейные работники — это те люди, которые в нашей памяти сохраняют то, что необходимо пронести через многие поколения, через всю жизнь на земле.

Культура — это действительно стержень развития нашего общества, она хранительница нашего славного прошлого. Поэтому этот музей должен стать образцовым учреждением культуры и просвещения у вас, в Николаевске. Глядя на этот дом-музей, вы невольно начнете облагораживать свои дома, свои усадьбы, равняться на рукотворную красоту.

Я благодарен всем вам за то, что вы сегодня пришли на это историческое событие. Желаю, чтобы этот музей вы сохранили на долгие-долгие годы и столетия. Примите в подарок фильм «Тихий Дон», чтобы дети, которые будут приходить сюда в музей, могли посмотреть, что сделал наш великий Шолохов.

Счастья и удачи вам!

Николай Михайлович Николаев, генеральный директор ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть»:

Уважаемые Николай Кириллович и Александр Иванович, дорогие николаевцы! Я рад поздравить вас с праздником, нашим праздником, можно сказать и так. Должен заметить, что он начался

не сегодня: еще в 2002 году, когда мы открыли первую нефть и начали ее активно добывать, у нас появилась возможность инвестировать в развитие вашего региона, его культуру. В 2002 году мы на эти цели затратили 90 миллионов рублей, спустя год — около 500 миллионов рублей. Это — новые рабочие места, новые налоговые поступления.

Уважаемые друзья, я искренне поздравляю вас с этим праздником. Пожелание одно: как можно больше нефти во благо Николаевского района. Хотел бы поблагодарить строителей, которые ударно потрудились на реставрации объекта. Замечательно, спасибо вам, ребята!

С праздником всех!

Евгений Васильевич Малюта, журналист, историк-краевед:

Уважаемые земляки, уважаемый Николай Кириллович, уважаемый Николай Михайлович! Наконец-то свершилось чудо, о котором мы мечтали долгие годы — годы, когда мы думали, что потеряем полностью память о великом нашем соотечественнике. Благодаря тому, что районная газета «Заволжье» взяла на себя смелость поднять вопрос об увековечении памяти пребывания на николаевской земле семьи Шолохова и самого Михаила Александровича, развернула кампанию на своих страницах, удалось нашу идею претворить в жизнь.

Эстафету газеты переняла наша известная в области большая компания «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть», которая взяла на себя высокое и патриотическое обязательство восстановить этот дом. Решение принял Николай Михайлович, и я очень благодарен ему за это, потому что сейчас, к сожалению, многие бизнесмены, руководители смотрят на культуру как-то сквозь пальцы, а порой не хотят ничего знать о ней.

Николай Михайлович совсем не литератор, но, видимо, имя Шолохова магическим образом подействовало на него, и он принял решение о том, что дом будет восстановлен. Здесь мы были в апреле нынешнего года, смотрели, как идет реконструкция. И тогда Николай Михайлович сказал, что в июле этот дом будет отреставрирован и сдан. Многие николаевцы видели, в каком он находился состоянии. А сегодня — надо подчеркнуть это особо — восстановленный дом является образцом слободской архитектуры конца XIX — начала XX века. Сегодня мы продолжаем святое дело восстановления архитектурного облика нашей слободы — города Николаевска. Благодаря усилиям руководства области и района в культурной жизни Николаевска происходит большое государственное событие, в полном соответствии с принятым указом президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина о том, чтобы регионы России встретили достойно 100-летие со дня рождения нашего великого соотечественника. Сегодня фактически открыт второй шолоховский дом-музей в России. Здесь, на берегах Волги, писатель нашел свою вторую малую родину. В годы войны николаевцы приютили его семью и самого писателя, были щедры, внимательны к ним. Не всем присутствующим здесь на митинге, наверное, известно, что во время авиакатастрофы в январе 1942 года Шолохов получил сильнейшую контузию. Случилось это во время посадки на аэродроме близ Куйбышева. И вот почти сразу после этого Шолохов приехал сюда. Он здесь лечился, восстанавливал свои силы. Здесь

же, в этом уже реставрированном доме-красавце, им был написан выдающийся рассказ «Наука ненависти», который всколыхнул всех читателей Советского Союза, подвигнул наш народ на более яростную борьбу с фашистами. Этот рассказ по существу символизировал переломный момент не только в отечественной литературе, но и в нашей истории. И то, что он здесь был создан, для николаевцев, всех нас, — примечательный исторический факт.

Сегодня в культурной жизни Николаевска происходит событие российского масштаба, поскольку связано оно с великим именем. Я надеюсь, что наш Дом-музей Шолохова станет светочем в жизни молодежи, в жизни всех николаевцев, известным местом, куда придут на поклон многие наши соотечественники.

Я желаю нашему дому-музею всего доброго, успехов!

Нина Михайловна Трофимова, учитель русского языка и литературы Николаевской средней школы № 3:

Мне хочется обратиться в первую очередь к детям, родителям, жителям нашего города от имени всех преподавателей района: идея свершилась. На николаевской земле мы сегодня открываем музей Шолохова. В создании его были заняты самые разные люди, и мне хочется передать им низкий поклон. К этому величайшему событию причастны не только те люди, о которых мы сейчас говорим, но и те, которых уже нет. Среди них известный советский шолоховед, наш земляк Виктор Васильевич Гура, царство ему небесное!

Что может быть дороже учителю-словеснику, чем образованные ученики?! Как хочется, чтобы сейчас наше поколение стало более нравственным, чтобы в душах наших детей проснулась христианская совесть. Создание музея будет способствовать тому, что культура нашего района, наших детей возрастет. В этом музее будут проходить шолоховские уроки, читательские конференции, встречи с писателями и поэтами, конкурсы, всевозможные литературные вечера. Дом-музей поможет нам понять, что такое любовь, преданность, вера, так, как это понимали герои произведений Шолохова. Я очень хочу и желаю всем приобщиться к тому, что будет в этом музее. Обращаюсь ко всем жителям нашего города и желаю того, чтобы музей никогда не пустовал, чтобы дети шли сюда. И запомнили этот день, особенно школьники. Желаю всего доброго нашему музею!

Александр Иванович Ткаченко, глава Николаевского района:

Уважаемые друзья! В наш адрес поступила телеграмма из станции Вёшенской. Разрешите прочесть ее. Кстати, в апреле в Николаевске во время реставрации дома присутствовал внук Михаила Шолохова, директор Государственного музея-заповедника в станице Вёшенской Александр Михайлович Шолохов. К сожалению, он по уважительной причине не смог прибыть сегодня к нам. Поэтому в наш адрес пришла телеграмма: «Поздравляем с открытием Дома-музея Михаила Александровича Шолохова. Выражаем горячую благодарность за уважение к памяти великого русского писателя. Мы ценим наше благотворное сотрудничество и огромную работу, которая была проведена администрацией области и района. Особые слова признательности компании «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть». Желаем неиссякаемой энергии, процветания и новых успехов»

в сохранении культурного наследия России. Семья Шолоховых и коллектив Государственного музея-заповедника Михаила Александровича Шолохова».

Эту телеграмму передаю в архив музея. Пусть там останется как память.

Глава Николаевского района А. И. Ткаченко вручил памятные благодарственные письма гостям, участвовавшим в создании шолоховского музея. А вскоре открытие музея получило юридическое оформление.

Администрация Николаевского района Волгоградской области
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 08.09.2004 года, № 602

Об открытии Дома-музея М. А. Шолохова

С целью увековечения памяти о пребывании на николаевской земле русского писателя XX века, лауреата Сталинской, Ленинской и Нобелевской премий, дважды Героя Социалистического Труда М. А. Шолохова и в связи с празднованием в мае 2005 года 100-летия со дня рождения, руководствуясь Законом РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Уставом Николаевского района, постановляю:

1. Открыть в г. Николаевске в реконструированном здании по ул. Ленина, д. 28, Дом-музей М. А. Шолохова с 1 августа 2004 года.

2. Утвердить прилагаемое Положение о Доме-музее М. А. Шолохова.

3. Утвердить штатное расписание Дома-музея М. А. Шолохова (приложение).

4. Директору Объединения муниципальных учреждений культуры Т. И. Трошиной представить в Территориальное управление по Николаевскому району Главного финансово-казначейского управления администрации Волгоградской области расчеты по содержанию Дома-музея М. А. Шолохова до 10.09.2004 года.

5. Территориальному управлению по Николаевскому району Главного финансово-казначейского управления администрации Волгоградской области предусмотреть финансирование Дома-музея М. А. Шолохова за счет дополнительно полученных доходов в процессе исполнения бюджета.

6. Контроль по исполнению настоящего постановления возложить на заместителя главы администрации района И. Н. Климова.

Глава администрации

А. И. Ткаченко

Этот документ — свидетельство важного события в истории как Николаевского района, так и всей Волгоградской области. Он открыл дорогу в культурной жизни нашей страны учреждению, призванному не только сохранить навечно память о великом соотечественнике на берегах Волги, но и активизировать защиту русской национальной культуры от антипатриотических враждебных сил, пропаганду шолоховского наследия, нацеленную на укрпление и развитие нашего Отечества. Юридический статус музея открывал широкие возможности для реализации поставленных нами целей и задач.

Что показало событие в Николаевске? А то, что, несмотря на яростные, прямо-таки агрессивные антишолоховские нападки, имя великого классика

отечественной литературы как было особо почитаемым в народных массах, так и остается. Оно наше национальное достояние, и никто не в состоянии его порушить. Оно бессмертно вместе с героями его произведений, которых писатель находил всюду: в огне пожарищ и бою, в окопах и блиндажах, на фронтовых дорогах и в тылу. Сколько одних незабываемых имен только в одном незаконченном романе писателя «Они сражались за Родину»! Их мужеству и героизму посвятил свой легендарный, выдающийся одноименный фильм наш кинокений Сергей Бондарчук.

Зададимся вопросом: на каких фронтовых дорогах мог повстречать героев своего романа Михаил Шолохов? Вспомним, что первые главы произведения были опубликованы в газете «Правда» 5—8 мая 1943 года. Следовательно, Михаил Александрович должен был иметь хоть какой-то базовый материал. Не придумывал же он всё экспромтом, сидя в окопе или в блиндаже на передовой? В первых главах говорится конкретно об отступлении группы красноармейцев одной воинской части в донских степях, то есть в сторону реки Дон, совсем близко от родных мест писателя. А это уже факт, от которого никуда не деться. Только вот по какой-то причине ему не придали никакого внимания даже сколько-нибудь известные исследователи. Не сказали они также ничего о том, что заставило М. А. Шолохова приступить к созданию романа. В прочитанных нами воспоминаниях тоже ничего не говорится об этом. Впрочем, в 90-х годах бывший комсомольский активист, автор «первого жизнеописания» М. А. Шолохова Валентин Осипов* априори таким образом объяснил грядущее появление шолоховского романа:

Шолохов понял, зачем приглашен, только к концу застолья. Наставления вождя прозвучали так:

— Идет война. Тяжелая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достоинно, как в «Тихом Доне»... Храбрые люди изображены — и Мелехов, и Подтёлков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день ваших именин мне хотелось пожелать вам крепкого здоровья на многие годы и нового талантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в «Тихом Доне», были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники страшной войны...

Вот как Сталин милует доверием.

Услышал эти воспоминания от Шолохова и стал размышлять — поразительно интересен расклад чувств и намерения:

— Сталин еще раз убедился, что без Шолохова не обойтись. Его для выполнения политического заказа избирает. И надо ли гадать, кого — одного — подразумевал под «гениальными» полководцами.

— Шолохов заканчивает «Науку ненависти». Это будет рассказ от имени простого труженика войны в звании лейтенанта. И ни слова о «гениальных» полководцах. А разве трудно агитации-пропаганды ради вписать в рассказ одну-две соответственные строчки? Кто бы осудил.

* Осипов В. Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд. М.: Либерия, 1995. С. 234—236.

Очень даже интересно, как можно думать и говорить за Сталина? Это что, такой оригинальный литературный обертон автора «первого жизнеописания»?

Ладно бы только это. Оказывается, Верховный главнокомандующий, пустив все дела побоку в тяжелые для страны дни, пригласил в Кремль на рюмку грузинского коньячка донскую знаменитость в день его рождения — и только для того, чтобы полковому комиссару объявить политический заказ — написать о текущей войне «всеохватный» роман, подобный «Тихому Дону», и непременно с изображением в нем его, всеми любимого, то бишь Сталина. Тут мнится, если вчитываться в строки В. Осипова, какая-то маниакальная паранойя вождя, на которой либеральные трубадуры в девяностых годах отплясывали вволю лезгинку на великом российском информационном пространстве. Задавшись целью рубить только правду-матку в документальной хронике без легенд, автор «жизнеописания» в каком-то безудержном словесном раже будто не заметил, что вопреки ей сам изрядно «закосил». Довольно потирая руки, Валентин Осипов лихо настроил: «„Науку ненависти“ выделяю... за отсутствие имени вождя». Да читал ли он рассказ? Стоило бы ему, ясновидящему, открыть газету «Правда» за 22 июня 1942 года или газету «Красная звезда» за 23 июня того же года, как сразу же ему в глаза бросился бы эпиграф под заголовком рассказа: «...Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души. Из первомайского приказа наркома обороны товарища Сталина». Так, мало того, с этим эпиграфом в том же 1942 году выходит в серии «Из фронтовой жизни» — трудно представить себе сегодня — миллионным (!) тиражом уже отдельная книжица «Наука ненависти», а в следующем году она опять-таки с эпиграфом издается в серии «Библиотека „Огонек“» (№ 35) тиражом 50 тысяч экземпляров. Как видим, Михаил Шолохов не просто упомянул имя вождя в тексте рассказа, а вынес его в эпиграф!

Из описания встречи писателя с И. В. Сталиным в книге «Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд» следует, что она состоялась чуть ли не в день рождения автора «Тихого Дона». То есть 24 мая 1942 года. Но так ли это?

Наконец в этой же книге «жизнеописания» Валентин Осипов от имени Сталина говорит о желании видеть «всеохватный» роман с изображением одного из «гениальных» полководцев.

Допустим, что нечто подобное сказал вождь. И что же тут аморального, разве он не мог высказать свое мнение?

Признаемся, мы бы с огромным интересом, даже трепетом получили бы на руки такой «всеохватный» роман, если бы его написал Михаил Шолохов. Если верить близким писателя, шолоховедам, то он действительно намеревался написать такую книгу. Работу над романом о Великой Отечественной войне М. А. Шолохов начал с глав совсем не первых по содержанию. Чем это объяснить?

Тут мы попытаемся найти ответ, точнее разгадку того, что заставило писателя приступить к роману. Как известно, Михаил Шолохов всегда старался опираться в своем творчестве на реальные события, документальные материалы, воспоминания современников.

Из хроники жизни писателя известно, что в начале июля 1942 года он прибыл в станицу Вёшенскую, когда поблизости от нее развернулись боевые

действия. Во время бомбежки вражеской авиации погибает мать. Похоронив ее, Михаил Александрович возвращается в Николаевск на Волге в середине июля. По мнению шолоховеда В. В. Гуры, писатель с семьей покинул город Николаевск 27 июля 1942 года, чтобы перебраться в райцентр Дарьинск Уральской области Казахской ССР — в место, где когда-то обитали яицкие казаки. Но никаких документальных свидетельств тому нет. Самому В. В. Гуре тогда было 17—18 лет, он только что закончил среднюю школу № 1 Николаевска и собрался поступать в институт. Был ли он в те дни в Николаевске?..

Когда мы в 2003 году взялись создавать шолоховский музей в родном нам волжском городке, то от жителей его буквально посыпались сообщения о том, что писатель в августе 1942 года посещал то райком партии, то райисполком, то поликлинику, то присутствовал на собраниях и т. д. Но самое-то главное: 26—28 июля в Николаевск стали прибывать части прославленной 13-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Александра Ильича Родимцева. О ее боевых действиях постоянно сообщали центральные газеты. Ее героический путь отступления от стен Киева в начале войны завершился на Дону в июле 1942 года. Потерявшую половину состава за время боев дивизию командование направило на отдых и пополнение в город Николаевск. Здесь красноармейцы, что называется, от души питались свежей волжской рыбой, набирались сил.

К Михаилу Шолохову, находившемуся в это время в Николаевске, шел прямо в руки богатейший «живой» материал. Сколько важного, интересного, неожиданного могли рассказать командиры, офицеры и рядовые, еще вчера отражавшие вражеские атаки за атаками! Рассказать уже в спокойной обстановке, тет-а-тет. Да и сама встреча с легендарным командиром генералом А. И. Родимцевым, чье имя звучало в СМИ еще с гражданской войны в Испании, дорогого стоила. Разве мог М. А. Шолохов покинуть Волгу в такой момент?!

В 2005 году в Москве одному из авторов этих строк довелось встретиться с ветераном 13-й гвардейской стрелковой дивизии И. Шляевым, который многие годы собирал материал о ней, ее сослуживцах и командирах. Аудиозапись беседы с ним мы отредактировали и после согласования с собеседником получили готовый текст в виде монолога. И теперь мы имеем возможность познакомить читателей с его содержанием, которое, несомненно, представит интерес для шолоховедов:

30 июня 1942 года немецко-фашистская армия двинулась в наступление по широкому фронту от Азовского моря до Курска. Стратегическая ее цель состояла в том, чтобы как можно быстрее выйти к Волге и захватить источники русской нефти на Кавказе и Каспии. Ввиду отсутствия резервов, дефицита боеприпасов, больших потерь в живой силе наши войска вынуждены были отходить, оказывая при этом ожесточенное сопротивление. Удары авиации и танковые атаки врага следовали беспрестанно. Особенно мощное давление гитлеровцы оказывали на самую организованную и мобильную 13-ю гвардейскую стрелковую ордена Ленина дивизию под командованием Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Родимцева. Эта дивизия прославилась в оборонительных боях в Киеве, под Харьковом и Курском. Нередко бывало, что она переходила в наступление, нанося огромные потери противнику. Слава гвардейцев Родимцева гремела по всему фронту. Но силы их таяли с каждым днем.

Под Осколком у дивизии вышли практически все резервы. Никакого пополнения не стало. Вся надежда гвардейцев оставалась только на самих себя. Но даже при массовом героизме солдат и офицеров сдерживать наступление врага оказалось невозможным. 4 июля 13-я гвардейская вместе с другими дивизиями Западного фронта начала отступление. Танковые колонны врага настигали наши части и клиньями их рассекали без особого труда на степных просторах. Одна из таких колонн немецко-фашистской 6-й армии вторглась в пределы 13-й гвардейской и сумела расчленив ее на три части. 42-й полк под командованием опытного командира полковника Елина стал отступать в сторону Дона и форсировал его выше двенадцати километров от Новой Калитвы. Он не стал задерживаться на левом берегу реки и достиг станицы Шумеевской примерно 9—10 июля. Точная дата так и осталась неустановленной.

Вторая часть рассеченной дивизии во главе с самим Родимцевым и штабом, в которую входил сильно потрепанный 34-й полк, двинулась в сторону Кантемировки, дальше — к Назаровской и 11 июля вышла к станице Боковской, почти против станицы Вёшенской, где жил прославленный русский советский писатель Михаил Шолохов. В этом месте находился мост, который постоянно подвергался бомбардировке с воздуха. Хотя он и был сильно поврежден, но переправа все-таки действовала. Так уж получилось, что 34-й полк оказался несколько выше — между станицами Казанской и Мигулинской. Однако здесь ему переправиться через Дон не удалось, и он стал спускаться вдоль правого берега, ища удобное место. Примерно в километрах шести от станицы Вёшенской, близ станицы Меркуловской, командиры 34-го полка отдали приказ форсировать Дон. Солдаты стали переправляться кто как мог: на бревнах, плотках, бочках. Удалось даже на плавсредства погрузить машины.

Операция проходила драматически. Дело в том, что многие солдаты плохо держались в воде, а некоторые вообще не умели плавать. Между переправлявшимися и теми, кто руководил переправой, разыгрались горячие споры и скандалы, чуть ли не дошедшие до рукопашной. Об этом мне рассказывал очевидец события шофер радиостанции Евсей Павлович Смирнов. Когда гвардейцы переправились через Дон, они остановились в небольшом лесу в районе хутора Ермаковского.

Третья часть дивизии в составе 39-го полка и 32-го артиллерийского полка прошла путь от Вейделевки до станицы Цимлянской. Двигаться пришлось и днем и ночью. Благо попадавшие на пути станицы и села помогали колхозными лошадьми, а иначе пришлось бы бросить всю артиллерию. За нее больше всего душа болела у офицеров и солдат. К вечеру 14 июля группа достигла Дона и переправилась на левый берег. При этом большую находчивость и настойчивость проявили командир 39-го полка Долгов и командир первого батальона Иван Иванович Исаков. Они помогали саперам наводить порядок во время переправы. От Дона группа отошла на восток несколько километров и уже было расположилась на отдых, как в это время фашистская авиация выбросила десант. Бывшие десантники — гвардейцы Родимцева — были готовы к такому повороту событий и сумели в коротком бою уничтожить всех вражеских парашютистов. После долгих дней мытарств и невероятных физических испытаний настроение в обоих полках приподнялось.

Когда 12 июля Родимцев со штабом и 34-м полком уже находились на левом берегу Дона, в штаб фронта поступило сообщение о том, что 13-я гвардейская дивизия осталась без знамени. Это грозило ей расформированием. На самом деле знамя никуда не девалось. Просто получилось так, что во время отступления знаменный взвод примкнул к 42-му полку. Тем не менее поступил приказ: Родимцеву передать гвардейцев дивизии 28-й армии, а самому вместе со всем управлением явиться в Сталинград в штаб фронта.

Назревали чрезвычайные обстоятельства: потеря знамени означала позорное расформирование всей дивизии или любого отдельно взятого полка. Сцена со знаменем удивительно точно и правдиво описана Шолоховым в его произведении «Они сражались за Родину». По заведенному исстари армейскому порядку отдача военно-полевому суду грозила как самому Родимцеву, так и его заместителю, а также комиссару.

Так бы, наверное, всё и случилось, если бы не влиятельный член военного совета Юго-Западного фронта Н. С. Хрущев, к которому, бывало, прислушивался и сам И. В. Сталин. Никита Сергеевич не стал пороть горячку, а разослал во все стороны фронта от Павловска до Цимлянской и еще ниже по Дону связных (или, как их тогда называли, — офицеров-делегатов). Они обладали гораздо большими полномочиями, чем впоследствии стали обладать офицеры связи. Они-то и узнали об уничтожении 39-м полком гитлеровского десанта в районе станицы Цимлянской. Затем офицеры-делегаты нашли и 42-й полк, который был рядом с частями 28-й армии. С этого всё и пошло. Как мне представляется, Хрущев принял все меры для того, чтобы собрать дивизию А. И. Родимцева, которая проявила беспримерное мужество и героизм во время обороны Киева.

Между тем события на фронте развивались так, как их описал Михаил Шолохов в главах романа «Они сражались за Родину»: кто-то из дивизии Родимцева во время отступления пытался перейти в другие части, а кто-то ни под каким предлогом не желал ее покидать. К чести командования 28-й армии, оно приложило все усилия к тому, чтобы собрать разрозненные воинские части и приостановить наступление врага.

15 или 16 июля дивизия восстанавливается в прежних правах, отменяется ранее изданный на нее приказ. Ее 39-й стрелковый и 32-й артиллерийский полки направляются в Сталинград. Среди ее воинов находился ставший впоследствии известным поэтом-песенником Е. А. Долматовский, который попал в 13-ю гвардейскую еще во время своей переправы через Днепр. А в дивизии был его дальний родственник и соплеменник — прокурор Школьник. Известно, что между евреями куда прочнее складываются личные отношения, чем это бывает у русских. В трудную минуту они поддерживали друг друга. В городе на Волге Родимцев встретился с Долматовским, ходил с ним смотреть представление в театре, был даже у директора в кабинете...

Автор этого монолога, воевавший в составе дивизии А. И. Родимцева, прошел с ней весь боевой путь от Сталинграда. Из его рассказа следует, что эпизоды в шолоховском романе совпадают с теми, что происходили в жизни гвардейцев дивизии. В частности, эпизод со знаменем в истории дивизии и в шолоховском романе. Под этой реликвией по установленной когда-то

традиции в воинских частях принимали присягу. Знамя — армейская святыня. Потерять его на фронте даже под давлением тяжелых обстоятельств исстари считалось в русской армии тягчайшим позором. В годы Великой Отечественной войны это автоматически влекло за собой расформирование любой части независимо от заслуг. Поэтому в армии существовал закон: голову сложи, но знамя сохрани, не сдай врагу.

Вот что написал в своих мемуарах прославленный военачальник А. И. Родимцев, когда его дивизии, отличившейся в боях, вручали 9 февраля 1942 года гвардейское знамя и по сложившейся традиции бойцы принимали присягу:

Самая значительная и радостная минута в моей жизни...

Древко гвардейского знамени в моей руке. Слышен мягкий и льющийся шорох шелка. Я опустился на колени и поцеловал край холодноватого полотнища.

Необычайной, совершенно нерушимой показалась мне тишина.

— Это боевое знамя, — сказал я, — завоевано кровью наших воинов. Оно зовет нас на новые подвиги во славу Родины. Под этим знаменем мы пойдем только вперед, на запад, и разгромим ненавистный всему трудовому человечеству фашизм!..*

А вот как ритуал присяги описан Михаилом Шолоховым в романе:

«В немой тишине слышно было сдержанно взволнованное дыхание бойцов и шорох песка под ногами полковника.

Остановившись, он оглядел лица бойцов одним забинтованным и сверкавшим, как кусок антрацита, черным глазом, неожиданно звучным голосом сказал:

— Солдаты! Родина и Сталин никогда не забудут ни подвигов ваших, ни страданий. Спасибо за то, что сохранили святыню полка — знамя. — Полковник волновался и не мог скрыть волнения: правую щеку его подергивал нервный тик. Выдержав короткую паузу, он заговорил снова:

— Этому знамени в тысяча девятьсот девятнадцатом году дважды отдавал воинскую честь наш великий Сталин, когда был на Южном фронте, где сражался полк с деникинскими бандами. Это знамя видел на Сиваше товарищ Фрунзе. Развернутым это знамя многократно видели в бою товарищи Ворошилов и Буденный...»**

Но вот, к слову сказать, в изданной в 1995 году книге «Они сражались за Родину. Рассказы», посвященной 50-летию Победы, обращение к красноармейцам полковника уже звучит иначе, не совсем по-шолоховски:

— Солдаты! Родина никогда не забудет ни подвигов ваших, ни страданий. Спасибо за то, что сохранили святыню полка — знамя. — Полковник волновался и не мог скрыть волнения: правую щеку его подергивал нервный тик. Выдержав короткую паузу, он заговорил снова: — С этим знаменем в 1919 году на Южном фронте сражался полк с деникинскими бандами. Это знамя видел на Сиваше товарищ

* Родимцев А. И. Твои, Отечество, сыны. Киев: Изд-во полит. лит-ры Украины, 1982. С. 245—246.

** Шолохов М. Они сражались за Родину. Главы из романа. М.: Молодая гвардия, 1959. С. 259—260.

Фрунзе. Развернутым это знамя многократно видели в бою товарищи Ворошилов и Буденный...»*

Зачем так произвольно понадобилось поправлять написанную Михаилом Шолоховым правду, остается только догадываться. Скорее всего, сделано для того, чтобы сказать, что никаким любимцем вождей писатель не был, что был он им неугоден, что не желал он никак прислуживаться. Но в этом как раз и есть вся неправда. Все вожди — от Сталина до Брежнева — высоко ценили гениальный талант Михаила Шолохова, его произведения. И подтверждение тому — присуждение ему Сталинской премии первой степени, избрание академиком АН СССР, присуждение Ленинской премии, дважды звания Героя Социалистического Труда, выдвижение на звание лауреата Нобелевской премии, неоднократное избрание депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, наконец, открытие памятников в ряде городов страны, присвоение площадям и улицам, кораблям и самолетам имени писателя. Для него в станице Вёшенской в 1948—1949 годах государство помогло построить великолепный двухэтажный дом, который даже по нынешним меркам выглядит дворцом. И он это заслужил, потому что его произведения стали для советского народа, для школьников и студентов настольными книгами, евангелиями, как произведения Александра Сергеевича Пушкина и Льва Николаевича Толстого. Очевидно, что и дом строился с расчетом, что когда-нибудь в нем будет непременно музей писателя.

Даже во времена с возвращением в РФ заокеанского вермонтского сидельца А. Солженицына и размашистой антишолоховской кампании президент страны В. В. Путин издал указ о праздновании 100-летия со дня рождения М. А. Шолохова. А николаевцы пошли всех дальше, они создали мемориальный музей. Почему такое произошло? Да просто потому, что в сознании нашего народа ничто не могло поколебать любовь и уважение к подлинно народному художнику, чьими произведениями зачитывалась и наша страна, и весь мир.

Волжане дорожат именем писателя не только потому, что он в годы войны жил среди них, но и создал вошедшие в военную классику произведения. Как нам представляется, известный роман «Они сражались за Родину» написан на основе подлинных фактов и событий из боевых действий прославленной 13-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Родимцева.

И тому есть убедительные подтверждения в самом произведении. В частности, в сцене, где старшина Поприщенко отчитал станкового пулеметчика Василия Хмыза за намерение не идти в тыл, а остаться на передовой. Старшина подчеркнуто официально заявил: «Только что видел майора — командира тридцать четвертого полка. Он приказал немедленно отправляться в хутор Таловский, там штаб нашей дивизии. Осмелился у него спросить: как же с нами будет? Он говорит: „Не беспокойся, старик, раз сохранили боевую святыню — знамя, значит, полк не расформируют, а быстренько пополнят людьми, комсостав подкинут, и опять двинем на фронт, на самый важный участок!“ — Старшина торжественно поднял указательный палец, повторил: — На самый важный, это как, понятно вам? Потому, говорит майор, что

* Шолохов М. Они сражались за Родину. Рассказы. М.: Либеря, 1995. С. 215—216.

дивизия наша кадровая, все виды видавшая и очень стойкая. А такая дивизия, хотя она и сильно потрепанная, без дела долго не застоится...»*

Напомним, в составе 13-й гвардейской дивизии А. И. Родимцева воевал тридцать четвертый полк, потерявший не одного командира в ходе оборонительных боев. На Юго-Западном фронте кадровой, видавшей все виды и самой стойкой по праву считалась 13-я гвардейская, стяжавшая себе славу еще во время обороны Киева, под Харьковом, а затем при отступлении в донских степях. Тридцать четвертый полк понес большие потери, но сражался с такой же яростью и стойкостью, с какой одинаково описаны его действия в романе-эпопее Михаила Шолохова и мемуарах Александра Родимцева.

Переправившись на левый берег Дона, 13-я гвардейская дивизия была отправлена в конце июля 1942 года приказом командования Красной армии в тыл, в Николаевский район Сталинградской области. То же самое говорится и в романе о дивизии полковника Марченко. Причем в точности совпадают последнее место ее нахождения (левобережье Дона) и время ухода в тыл (конец июля). Кстати, в дивизии Александра Родимцева начальником политотдела был Марченко. Не он ли послужил прообразом командира дивизии полковника Марченко, получившего ранение под Серафимовичем в предплечье и голову?

Далее, в романе старшина Поприщенко многозначительно говорит: после пополнения опять двинем на фронт, на самый важный участок. И еще раз повторил: на самый важный.

Значит, гвардейскую дивизию Александра Ильича Родимцева Верховное главнокомандование Красной армии специально отвело в резерв на пополнение, чтобы использовать ее в качестве ударной силы в Сталинградской битве, способной вместе с другими частями переломить ход судьбоносного сражения. Так и произошло.

В Николаевске у Михаила Александровича появилась возможность встретиться с гвардейцами, которые прошли по донским степям, через станции Вёшенскую, Мигулинскую и другие. Вот что по этому поводу писала николаевская районная газета «Заволжье» 17 ноября 2005 года:

1942 год. Война. В Николаевске на пополнении находится дивизия под командованием А. И. Родимцева. М. А. Шолохов с семьей тоже в Николаевске. Михаил Александрович часто бывал в кабинете первого секретаря райкома партии Т. В. Ушакова, присутствовал на приеме посетителей...

По военным вопросам и делам обращался к первому секретарю и молодой командующий дивизией А. И. Родимцев. В конце концов, оба — и Шолохов с семьей, и Родимцев с солдатами — лечились у одного и того же зубного доктора — З. А. Зиновьевой.

Из общения Трофима Васильевича Ушакова с Зинаидой Александровичей дочью ее, Зоя Дмитриевна, помнит, что разговоры эти часто касались Шолохова и Родимцева. И утверждает, что первая встреча этих исторических людей состоялась в кабинете секретаря райкома и познакомил их Т. В. Ушаков.

Очевидно, что такие встречи знаменитого писателя и военачальника проходили на протяжении всего августа 1942 года. Дивизия Александра

* Шолохов М. Они сражались за Родину. Рассказы. С. 202.

Родимцева пробыла в Николаевске с конца июля до 11 сентября 1942 года, когда была направлена в Сталинград в критический момент великой битвы на Волге. Об этом свидетельствует дневник боевых действий 13-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием А. И. Родимцева.

В своей книге «Николаевск» волгоградский писатель, журналист и издатель Михаил Поляков, работавший в 1960-х годах в николаевской районной газете «Заволжье», написал, что, по воспоминаниям Т. В. Ушакова, в сентябре 1942 года М. А. Шолохов с семьей проживал в Николаевске. Автор книги привел рассказ бывшего первого секретаря райкома ВКП(б) о выступлении Михаила Александровича на пленуме Николаевского райкома ВКП(б) 10 сентября 1942 года: «Слушая оратора, мы как бы забывали, что перед нами писатель. Мы видели в нем прежде всего коммуниста, политического деятеля. Многие из присутствующих на партактиве знали, что незадолго до этого от бомбежки у писателя погибла мать. Его взволнованный рассказ увлекал нас. Был он весь как-то необычайно собран, по-военному подтянут и весь подчинен одной мысли — мобилизации сил на отпор врагу. Шолохов был в военной форме, на петлицах — знаки отличия полкового комиссара»*.

Есть еще одно свидетельство. 31 мая 2005 года газета «Волгоградская правда» опубликовала корреспонденцию Юрия Касьянова «Фронтной редактор нашей газеты» об ответственном (главном) редакторе «Сталинградской правды» в годы войны Александре Гавриловиче Филиппове. В этой корреспонденции говорится: «Не раз бывал в гостях и Михаил Александрович Шолохов. Редактор, редакция неоднократно встречались с ним в Николаевске, где он тогда жил. Теперь там музей Шолохова»**.

В связи с массированными налетами вражеской авиации на Сталинград редакция областной газеты вынуждена была эвакуироваться в самом начале сентября 1942 года в Николаевск, где продолжила выпуск областной газеты. Следовательно, встречи с писателем могли проходить как в этот месяц, так и позже. Редакция пробыла в Николаевске до самого конца февраля 1943 года, а затем возвратилась в Сталинград.

И наконец, надо сказать о том, что 9 октября 1942 года М. А. Шолохов отправил телеграмму из Дарьинска (тогда — районный центр) Уральской области главному редактору газеты «Красная звезда» Д. И. Ортенбергу (псевдоним Вадимов): «Здоров. Прошу санкционировать совместную поездку Карповым Сталинградский фронт. Ответ телеграфьте. Крепко обнимаю. Шолохов»***.

Александр Яковлевич Карпов, хорошо знакомый писателю по совместной поездке на Западный фронт в конце августа 1941 года, работал ответственным секретарем — заместителем главного редактора газеты «Красная звезда».

Упомянутая телеграмма служит подтверждением тому, что М. А. Шолохов с семьей покинул Николаевск, по меньшей мере, во второй половине сентября 1942 года: служебный долг требовал от Михаила Александровича, как специального корреспондента «Красной звезды», немедленно поставить в известность руководство газеты о смене места жительства. Если бы

* Поляков М. Николаевск. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1978. С. 50.

** Касьянов Ю. Фронтной редактор нашей газеты // Волгоградская правда. 2005. 31 мая.

*** Шолохов М. А. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 232.

он переехал в Дарьинск 27 июля, как о том написал шолоховед В. В. Гура, то трудно представить себе, как мог специальный корреспондент, полковой комиссар М. А. Шолохов молчать два с половиной месяца после перемены места жительства. Такое молчание было невозможно в силу того, что верховная власть переезд семьи писателя держала под пристальным вниманием. Сталин мог позвонить главному редактору газеты «Красная звезда» в любой момент и спросить, где находится ее специальный корреспондент, полковой комиссар М. А. Шолохов.

Причиной переезда в казахстанский Дарьинск (18 км от областного центра города Уральска, бывшего Яицка) стали бомбежки Камышина и волжского речного пути гитлеровской авиацией. 20 сентября 1942 года ей удалось взорвать камышинскую нефтебазу на самом берегу Волги, которая хорошо просматривалась с воздуха. Одну из бомб фашистские летчики сбросили на Николаевск, и она взорвалась неподалеку от дома М. А. Шолохова на Советской улице — в городском парке, где образовалась огромная воронка от взрыва. Ранее потеряв мать в Вёшенской во время бомбардировки вражеской авиации, М. А. Шолохов не хотел испытывать еще и потерю своей семьи.

Но похоже, что в Дарьинске Уральской области Михаил Шолохов долго не задержался, а, по некоторым сведениям, отправился в район Сталинграда. После лечения в кремлевской больнице в декабре 1942 года писатель возвращается к семье в начале февраля 1943 года. На основе собранного материала в Николаевске, скорее всего, не начал, а продолжил работу над первыми главами романа «Они сражались за Родину».

Примечательно то, что главы шолоховского романа появились перед читателями гораздо раньше, чем увидели свет в 1974 году военные мемуары Александра Ильича Родимцева.

Возникает вопрос, почему в романе дивизия полковника Марченко не названа гвардейской, коль прообразом ее послужила дивизия генерала Родимцева? Дело в том, что дислокация гвардейской дивизии Александра Родимцева была строго засекречена Ставкой Главного верховного командования. Она находилась в резерве и готовилась специально на тот случай, если под Сталинградом сложится критическая для Красной армии ситуация. Для немецких оккупантов появление родимцевских гвардейцев в центре Сталинграда в середине сентября 1942 года было полной неожиданностью. Гитлеровцы узнали, с кем имеют дело. Поэтому на улицах волжского города разгорелись ожесточенные схватки.

В своих мемуарах прославленный военачальник А. И. Родимцев вспоминал: «В числе пополнения, которое прибыло в дивизию, были и „старички“. Они не могли спокойно усидеть в тылу, пришли на фронт добровольно. Рабочие, колхозники, партийные работники — все они становились отличными воинами и сражались до последнего дыхания»*.

Таким нам, читателям романа «Они сражались за Родину», и представил Михаил Шолохов своего героя «старичка» Звягинцева, колхозного комбайнера. Каким же образом попал тот в Красную армию? Это мы узнаём из рассказа самого Звягинцева: «Наша часть, в которую я сначала попал, формировалась на Волге в одном городке, там же стоял казачий кавалерийский

* Родимцев А. И. Твои, Отечество, сыны. С. 238.

запасный полк. И вот прибыло пополнение с Дона и из Ставропольской бывшей губернии. Казаков и ставропольцев определили к нам в пехоту: в саперы пошли казаки, в телефонисты, черт те куда только их не совали, а ремесленники из Ростова прибыли мобилизованные — их воткнули в кавалерию, штаны на них надели казачьи с красными лампасами, синие мундиры и так далее. И вот казаки топорами тюкают, мосты учатся ладить да вздыхают, на лошадей глядя, а ростовские — все они мастеровые люди до войны были: то столяры, то маляры, то разные и подобные тому переплетчики — возле лошадей вертятся, боятся к ним приступить, потому что лошадей в мирное время они, может, только во сне и видели. А лошадей в полк прислали с Сальских калмыцких степей — трехлеток, неуков, совсем, то есть, необъезженных. Понимаешь, что там было? И смех, и слезы! Бедные столяры-маляры начнут седлать иную необъезженную лошадь, соберутся вокруг нее несколько человек, а она, проклятая, визжит, бьет передом и задом, кусается, а то упадет наземь и катается по ней, как некоторые непутевые женщины, которые в обмороки падают... Это что порядок?»*

О каком городке говорил Звягинцев? Конечно же, о Николаевске Сталинградской области. Там действительно стоял казачий кавалерийский запасный полк, конюшни которого располагались в Займище — между Резницкой воложкой и Волгой. В Займище можно было попасть по деревянному мосту через воложку. По нему передвигались груженные телеги и даже грузовики, поэтому его часто приходилось ремонтировать. Займище было местом пойменным, лесистым, с множеством озер. Когда в середине октября 1941 года Михаил Шолохов перевез свою семью из станицы Вёшенской в Николаевск на Волге, он неоднократно бывал на рыбалке и охоте в Займище. Его туда возил на конной повозке Иван Вальковский — мальчишка четырнадцати лет, из ближнего села Очкуровка, чабан (по должности) колхоза «Труд». А позже, служба по призыву в Советской армии, ему посчастливилось попасть на 45-летие писателя, сидеть рядом с ним. Об этом сам Иван Дмитриевич Вальковский, работавший инструктором Николаевского райкома КПСС, в канун своего ухода из жизни рассказывал нам в сентябре 2003 года.

О встрече Михаила Шолохова с кавалеристами запасного полка в Николаевске говорила в уже упомянутой нами беседе в конце апреля 2003 года в станице Вёшенской старшая дочь писателя — Светлана Михайловна. Жительница Одессы, в 1939—1942 годах секретарь Николаевского райкома ВЛКСМ, Анастасия Гурбенко вспоминала о своих неоднократных встречах в Николаевске с секретарем комсомольской организации кавалерийского полка.

В Займище кавалеристы учились скакать на лошадях, рубить шашкой, стрелять — словом, проходили военную и специальную подготовку. Так что Михаил Шолохов мог воочию наблюдать их учения...

История отступления остатков полка в шолоховском романе полна героических страниц. Одна из них посвящена находчивости и отваге одного из главных героев — бронбойщика Лопехина — в минуты, когда над головой сама смерть нависла и ни о каком сопротивлении не было возможности помыслить. Четырнадцать вражеских самолетов неожиданно атаковали линию обороны на окраине села.

* Шолохов М. Они сражались за Родину. Рассказы. С. 105—106.

На втором заходе, — читаем мы в романе, — кипящая пулеметная струя, подняв пыльцу, начисто сбрила у переднего бруствера окопа низкий польнок, краем захватила и насыпь бруствера, но Лопахин не пошевелинулся.

— Нагнись! Пришьет он тебя, шалавый! — громко выкрикнул Сашка.

— Врешь, не успеет! — прохрипел Лопахин и, выждав момент, когда самолет только что выровнялся на выходе из пике, нажал спусковой крючок.

Самолет слегка клюнул носом, но сейчас же выправился и пошел на юг, покачиваясь, как подбитая птица, медленно и неуверенно набирая высоту. Около легкой плоскости его показался зловещий дымок*.

Факт, казалось бы, почти невероятный. В нем усомниться мог бы и фронтовик. Спрашивается, могло ли такое произойти или это красивая выдумка писателя?

Родимцев вспоминает в мемуарах:

Над боевыми порядками полка Елина появилось необычное авиационное соединение противника — сто самолетов... Грозная картина, но уже через несколько минут два вражеских бомбардировщика, охваченные огнем, спикировали и врезались в землю перед нашими окопами.

Как видно, немецкие летчики сразу поняли, что, когда в небе тесно, пуле и снаряду легче найти цель. Самолеты стали рассредоточиваться, но еще один из них загорелся и, разваливаясь в воздухе, рухнул за урочищем Должик...**

Упомянутый факт лишний раз свидетельствует о том, что Михаилу Шолохову претили фронтовые выдумки и фантазии, способные лишь принизить суть подлинного героизма красноармейцев. Он далек был от вестернизации боевых сражений, элементы которой стали проявляться во многих художественных произведениях и в кинематографе послевоенного времени. Зато высоко ценил прежде всего русскую военную смекалку, удачу и находчивость. Судя по всему, писатель старался узнавать о необычных фронтовых случаях из первых уст — от солдат и офицеров, прямых участников военных событий. В одном месте романа он упомянул такой любопытный факт, о котором мог узнать только от самого А. И. Родимцева. Но прежде заметим, что его дивизия была создана на базе воздушно-десантной бригады, сформированной исключительно из наиболее физически и морально подготовленных воинов. Она поэтому и оказалась одной из самых стойких и дерзких в Красной армии. Ею командовал Герой Советского Союза, получивший это высокое звание за исключительные военные подвиги и приобретенный большой опыт боевых действий во время гражданской войны в Испании. О его необыкновенных способностях, про которые ходили легенды, Михаил Шолохов посчитал уместным поведать в романе словами генерала Александра Стрельцова: «Даже те, кто помоложе, и те были на великолепном уровне, такие, как старший лейтенант Лященко Николай или лейтенант Родимцев Саша, — это, будь спокоен, завтрашние полководцы без скидки на бедность и происхождение.

* Шолохов М. Они сражались за Родину. Рассказы. С. 123.

** Родимцев А. И. Твои, Отечество, сыны. С. 296.

А вообще всем им — цены нет. Кстати, Родимцев, будучи командиром взвода, выбивал из пулемета на мишени свое имя и фамилию. Не хотел бы я побыть под огнем пулемета, за которым прилег Родимцев... А посмотреть — муху не обидит, милый, скромный парень, каких много на родной Руси»*.

Здесь Шолоховым засвидетельствована не просто легенда о человеке, а нечто большее, а именно — его социальное происхождение как выходца из гущи народа. Факт этот также очень важен в контексте романа. Ведь сам Александр Родимцев откуда был родом? Из деревни Шарлык Оренбургской губернии.

Художественное изображение событий в романе «Они сражались за Родину» имеет удивительно достоверную историческую основу. Даже в частностях настолько много совпадений с эпизодами в книге воспоминаний А. И. Родимцева, что кажется, сам Шолохов не только вместе со своими вымышленными персонажами, но и реальными героями сражений прошагал по фронтовым дорогам, вместе с ними сидел в окопе, отражая атаки вражеских танков и пехоты, пережил одни с ними чувства и горькие думы.

Роман «Они сражались за Родину» остался незавершенным. Задумывался он автором в трех книгах. Первая должна была рассказать об отступлении Красной армии до Волги, вторая в контексте последовательности исторических событий — представлять собой повествование о Сталинградском сражении, третья — о переходе Красной армии в наступление по всему фронту и разгроме врага. Очевидно, это так, если иметь в виду эпический размах первой незавершенной книги.

Что же помешало автору создать полноценное произведение о Великой Отечественной войне? Причин называлось и называется множество. И все они имели место. Тут и работа над второй книгой «Поднятой целины», и ухудшение физического состояния писателя, как следствие полученной тяжелой контузии во время авиакатастрофы в январе 1942 года, и неожиданные зигзаги в политике правящих кругов государства, и глумливая переоценка, дискредитация отечественной истории, и предчувствие катастрофы великой державы. Создание грандиозного художественного полотна требовало от писателя осмысления невиданной в истории человечества войны, сбора и изучения материалов, а на это необходимо было находить все больше и больше времени. Его же постоянно не хватало у писателя из-за отнимавшей много усилий общественной деятельности.

Шли годы. После смерти организатора Великой Победы И. В. Сталина в политической жизни страны стали происходить странности: кто был вчера еще героем и кумиром народа, тот стал считаться «хуже Гитлера», кто воспевал строительство социализма, тот начинал двурушничать, ерничать, чернить. Как чуткий и наблюдательный художник, Михаил Шолохов быстро уловил в природе советского общества вроде бы совсем далекие, но тревожные тектонические сдвиги. А это уже невольно заставляло думать, насколько результаты Великой Отечественной войны сделали необратимыми процессы общественного развития в стране. Ясного ответа он не находил, наоборот, его тревога нарастала по мере ухода из жизни поколений победителей, меченосцев Сталина. А это явно препятствовало работе над романом «Они сражались за Родину».

* Шолохов М. Они сражались за Родину. Рассказы. С. 45.

Как великий художник, Михаил Шолохов не мог обходить острые углы истории. Звучавшие как гром среди ясного неба хрущевские «разоблачения» культа личности, тема сталинских лагерей привлекли внимание автора романа, и со страниц его на какое-то мгновение повеяло «оттепелью» шестидесятых годов: «Он (Сталин. — *Е. М., А. Т.*), безусловно, крупнейшая после Ленина личность в нашей партии, и он же нанес этой партии такой тяжкий урон»*. Но, спохватившись, шолоховский герой вынужден был тут же поправиться: «Однако я — не мальчик и отличнейше понимаю, что предвзятость — плохой советчик. Во всяком случае, мне кажется, что он надолго останется неразгаданным не только для меня»**.

Вот это, как нам видится, надолго приостановило работу писателя, перешагнувшего уже пенсионный возраст, над эпопеей. Как оказалось, навсегда!

Шолохов ждал ответов от жизни, но она ему их не давала и порождала все большее число вопросов. А это будоражило в нем острое чувство тревоги. Особенно ходившее по рукам в Москве накануне XXIII съезда КПСС «Письмо двадцати пяти». Как известно, в годы своего правления Н. С. Хрущев развернул клеветническую кампанию против И. В. Сталина. Но вот хрущевская «оттепель», нанесшая колоссальный вред нашей стране и международному коммунистическому движению, осталась в прошлом. Потребовалось кардинально поменять внутривластительный курс страны. Накануне очередного съезда партии, 14 февраля 1966 года, влиятельная группа деятелей науки и культуры направила угрожающее письмо генсеку Л. И. Брежневу. В нем говорилось:

В последнее время в некоторых выступлениях и статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина.

Мы не знаем, насколько такие тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу.

Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющих думать, что осуждение культа личности было в чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не предана гласности.

Дело в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм в партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ это никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода — хотя бы и частичного — от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто.

* Шолохов М. Они сражались за Родину. Рассказы. С. 49.

** Там же. С. 52.

Любая попытка сделать это поведет только к замешательству, к разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, например, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроения в среде нашей молодежи. Как и вся советская общественность, мы обеспокоены за молодежь. Никакие разъяснения или статьи не заставят людей вновь поверить в Сталина; наоборот, они только создадут сумятицу и раздражение. Учитывая сложное экономическое и политическое положение нашей страны, идти на все это явно опасно. Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутривнутриполитический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении к его реабилитации безусловно создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада. С их стороны такой шаг был бы расценен прежде всего как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут.

Этот фактор исключительного значения, списывать его со счетов мы также не можем. В дни, когда нам, с одной стороны, грозят активизирующиеся американские империалисты, а с другой — руководители КПК, идти на риск разрыва или хотя бы осложнений с братскими партиями на Западе было бы предельно неразумно.

Чтобы не задерживать Вашего внимания, мы ограничиваемся одним лишь упоминанием о наиболее существенных аргументах, говорящих против какой-либо реабилитации Сталина, прежде всего, об опасности двух расколов. Мы не говорим уже о том, что любой отход от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы все достигнутые результаты.

Мы не могли не написать о том, что думаем. Совершенно ясно, что решение ЦК КПСС по этому вопросу не может рассматриваться как обычное решение, принимаемое по ходу работы. В том или ином случае оно будет иметь историческое значение для судеб нашей страны. Мы надеемся, что это будет учтено.

Акад. Л. А. Арцимович, лауреат Ленинской и Государственной премий; О. Н. Ефремов, главный режиссер театра «Современник»; акад. П. Л. Капица, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий; В. П. Катаев, член Союза писателей, лауреат Госпремии; П. Д. Корин, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии; акад. М. А. Леонтович, лауреат Ленинской премии; акад. И. М. Майский; В. П. Некрасов, член Союза писателей, лауреат Госпремии; Б. М. Неменский, член Союза художников, лауреат Госпремии; К. Г. Паустовский, член Союза писателей; Ю. И. Пименов, народный художник РСФСР, лауреат Госпремии; М. М. Плисецкая, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии; А. А. Попов, народный артист СССР, лауреат Госпремии; М. И. Ромм, народный артист СССР, лауреат Госпремии; С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), член Союза писателей, лауреат премий Воровского; акад. А. Д. Сахаров, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Госпремий; акад. С. Д. Сказкин; Б. А. Слуцкий, член Союза писателей; И. М. Смоктуновский, член Союза кинематографистов, лауреат Ленинской премии; акад. И. Е. Тамм, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Госпремий, лауреат Нобелевской премии;

В. Ф. Тендряков, член Союза писателей; М. М. Хуциев, заслуженный деятель искусств РСФСР; Г. А. Товстоногов, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Госпремий; С. А. Чуйков, народный художник СССР, лауреат Госпремий; К. И. Чуковский, член Союза писателей, лауреат Ленинской премии.*

Как утверждают историки, письмо это подготовил и собрал подписи под ним писатель С. Н. Ростовский, он же — Эрнст Генри, он же — Леонид (Лейб) Абрамович Хентов, сын витебского спичечного фабриканта до революции, в прошлом сотрудник НКВД, коминтерновец. Помогал ему собирать подписи некий Марлен Кораллов, который получил их, в частности, от Олега Ефремова, Марлена Хуциева, Георгия Товстоногова, Майи Плисецкой, Павла Корина. Подписи известных физиков собирал сам Генри. Но вот что впоследствии вспоминал Андрей Сахаров: «Сейчас я предполагаю, что инициатива нашего письма принадлежала не только Э. Генри, но и его влиятельным друзьям (где — в партийном аппарате, или в КГБ, или еще где-то — я не знаю)». Весьма красноречивое признание. Стало быть, писатель С. Н. Ростовский выполнял чье-то поручение?..

«Письмо двадцати пяти» мгновенно разлетелось по рукам элитной верхушки советской интеллигенции. 25 марта того же 1966 года еще тринадцать деятелей науки и культуры также отправили письмо в Президиум ЦК под названием «Письмо тринадцати», выразив свою поддержку авторам письма от 14 февраля. Вот его текст:

В Президиум ЦК КПСС

Уважаемые товарищи!

Нам стало известно о письме 25 видных деятелей советской науки, литературы и искусства, высказывающихся против происходящих в последнее время попыток частичной или косвенной реабилитации Сталина.

Считаем своим долгом сказать, что мы разделяем точку зрения, выраженную в этом письме.

Мы также убеждены, что реабилитация Сталина в какой бы то ни было форме явилась бы бедствием для нашей страны и для всего дела коммунизма. XX и XXII съезды партии навсегда вошли в историю — не только нашу, но и мировую — как съезды, безоговорочно осудившие чуждый духу коммунизма культ личности. Политическая и моральная сила нашего народа выявилась в той принципиальной решительности, с какой это было сделано. Не случайно решения съездов нашли такую горячую поддержку у советских людей и были одобрены абсолютным большинством компартий мира. Идти назад, отменить хотя бы часть сказанного и постановленного, перерешить вопрос хотя бы наполовину, с оговорами, это нанесло бы тяжелый удар по авторитету КПСС и у нас, и за рубежом. Ничего не выиграв, мы бы многое потеряли.

Те из нас, кто по поручению партии и правительства поддерживают контакты с зарубежными сторонниками мира и Советского Со-

* АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 74—76. Приложение — копия. Машинопись. Источник: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 2: Февраль 1956 — начало 80-х годов. Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. М.: МФД, 2003. С. 486—488. Документ № 10.

юза, знают по опыту, какое огромное значение имеет вопрос о культе личности для всех наших друзей за рубежом. Сделать шаг назад к Сталину значило бы разоружить нас при дальнейшем проведении этой работы.

Как и 25 деятелей интеллигенции, подписавших письмо от 14 февраля, мы надеемся, что пересмотра решений XX и XXII съездов по вопросу о культе личности не произойдет.

1. Действительный член Академии медицинских наук, лауреат Ленинской и Государственных премий П. Здравовский.

2. Действительный член АМН СССР В. Жданов.

3. Старый большевик-историк И. Никифоров, член партии с 1904 года.

4. Писатель, лауреат Ленинской премии С. Смирнов.

5. И. Эренбург, писатель

6. Игорь Ильинский (народный артист СССР).

7. В. Дудинцев, писатель.

8. А. Колмогоров, академик.

9. Б. Астауров (член-корреспондент АН СССР).

10. А. Алиханов (академик).

11. И. Кнунянц (академик).

12. Г. Чухрай (заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Ленинской премии, кинорежиссер).

13. Ваню Мурадели*.

Оба письма, не содержавшие ни фактов, ни документальных свидетельств, откровенно носили демагогический, антисоветский характер.

На состоявшемся вскоре XXIII съезде КПСС прозвучало на всю страну выступление Михаила Александровича Шолохова. Писатель вынужден был вновь, как четверть века назад, в первые дни нашествия гитлеровской Германии, напомнить советской общественности о том, что где бы ни находился советский человек, он должен выступать как советский патриот, что писатель — прежде всего сын великой Родины, выразитель революционно-гуманистических идеалов партии, народа, советского человека. Михаил Шолохов, пожалуй, единственный из советских художников, кто увидел уже наметившееся сползание страны к пропасти. Не случайно нет его подписи ни в одном, ни в другом письме. Более того, на съезде партии он фактически осудил позицию подписантов-антисталинистов, обратившись прямо к авторитету стража Отечества — армии:

Мы все — члены одной огромной семьи. Как же мы можем реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: «В семье не без урода». Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем обольгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку!

Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается взять их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась.

* АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 86—88. Подлинник. Машинопись. Источник: Реабилитация: как это было. С. 491—492. Документ № 13.

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев.

Слишком дорогой ценой досталось всем нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее.

Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из их подразделений появились предатели? Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм — это отнюдь не сдюнтятство*.

Этими словами Михаил Шолохов как рентгеном просветил зародившуюся раковую опухоль в организме советского общества. Фактически он наступил на хвост гадины, представлявшей угрозу для существования СССР. То есть писатель своим выступлением на высшем форуме страны дал откровенно понять, что если дело с антисоветским инакомыслием и антисталинизмом будет и дальше прикрываться демагогией о гуманизме, социализме с человеческим лицом, то тогда разменной монетой станет сама страна. Михаил Александрович как в воду глядел. Спустя двенадцать лет, 14 марта 1978 года в письме Л. И. Брежневу он уже откровенно высказался о том, что в стране созрел фактически антисоветский заговор, и враги ее начали крестовый поход против русской национальной культуры, против социализма и его завоеваний, потому как, по их понятиям, у социализма будто бы нет будущности. Поскольку письмо русского советского классика в то время не было предано гласности, да и в постсоветское время всё делалось, чтобы о его содержании знал как можно меньший круг общественности, мы решили дать шолоховское обращение к генсеку в полном объеме:

Дорогой Леонид Ильич!

Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство социалистической культуры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству. Не только пропагандируется идея духовного вырождения нации, но и усиливаются попытки создать для этого благоприятные условия.

И все это делается ради того, чтобы, во-первых, доказать, что социализм в нашей стране — это якобы социализм с «нечеловеческим лицом», созданный варварами и для варваров, и, во-вторых, что этот социализм не имеет будущности, так как его гибель predeterminedena национальной неполноценностью русского народа — ведущей силы Советского государства.

Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко прак-

* Шолохов М. А. Речь на XXIII съезде КПСС // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2002. Т. 9. С. 51—52.

тикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру, противопоставление русского социалистическому. Симптоматично в этом смысле появление на советском экране фильма А. Митты «Как царь Петр арапа женил», в котором открыто унижается достоинство русской нации, оплевываются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными. Чрезвычайно трудно, а часто невозможно устроить выставку русского художника патриотического направления, работающего в традициях русской реалистической школы. В то же время одна за одной организуются массовые выставки так называемого авангарда, который не имеет ничего общего с традициями русской культуры, с ее патриотическим пафосом. Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников. Реставрация памятников русской архитектуры ведется крайне медленно и очень часто с сознательным искажением их изначального облика.

В свете всего сказанного становится очевидной необходимость еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства. Безотлагательным вопросом является создание журнала, посвященного проблемам национальной русской культуры («Русская культура»). Подобные журналы издаются во всех союзных республиках, кроме РСФСР.

Надо рассмотреть вопрос о создании музея русского быта. Для более широкого и детального рассмотрения всего комплекса вопросов русской культуры следовало бы, как представляется, создать авторитетную комиссию, состоящую из видных деятелей русской культуры, писателей, художников, архитекторов, поэтов, представителей Министерства культуры Российской Федерации, ученых-историков, филологов, философов, экономистов, социологов, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет.

Дорогой Леонид Ильич! Вы многое сделали для разработки конкретного плана подъема экономики нечерноземной зоны Российской Федерации, то есть тех районов, которые составляют изначальное историческое ядро России. Приятно отметить, что этот план встретил всеобщее одобрение и в настоящее время успешно претворяется в жизнь.

Деятели русской культуры, весь советский народ были бы Вам бесконечно благодарны за конструктивные усилия, направленные на защиту и дальнейшее развитие великого духовного богатства русского народа, являющегося великим завоеванием социализма, всего человечества.

С глубоким уважением, Михаил Шолохов

Пусть читатель сам рассудит, насколько точен и прав оказался писатель в своих высказанных в письме опасениях относительно будущности нашей великой страны — СССР. Причем всё сказанное им не какой-то прогноз,

предсказание, а есть уже де-факто совершаемое внутренними врагами дело, направленное на уничтожение не только общественно-социального строя, но и исторической большой России. Шолоховское письмо генсеку дает вновь основание говорить, почему писатель не завершил работу над романом «Они сражались за Родину». Не только проблемы со здоровьем дали знать, но и осознание допущенной в романе под влиянием хрущевской «оттепели» ошибочной позиции в отношении так называемых сталинских репрессий. Суть, таким образом, письма к генсеку — не иначе как реинкарнация, то бишь повторное воплощение, сути событий 30-х годов, оценок советским руководством того времени блуждающего мировоззрения иудушек — последователей Льва Троцкого. Как оказалось, не извелись они тогда и дали о себе знать вновь в 1960—1970-х годах. О чем и свидетельствует шолоховское письмо. Оно требует глубокого изучения и анализа, поскольку за прошедшие десятилетия всплыли очевидные уже факты и подтверждения. Но это отдельная тема.

Продолжение следует

Елизавета ИВАННИКОВА

«Мы выросли под вишнями цветущими...»

* * *

Они расписались весной на Рейхстаге,
Чуть камень стены подостыл,
Он сразу ушёл в направлении Праги,
Она — в распахнувшийся тыл,

Меж ними лежали равнины и горы,
Их взрость разводили бои,
Но щёлкали всюду уже не затворы,
А мирной судьбы соловьи.

И, путь выбирая теперь не окольный,
Прямой — от села до села,
Такой журавлиный, родной треугольник
Солдатская почта несла.

ИВАННИКОВА Елизавета Викторовна — поэт, прозаик, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РФ. Родилась в 1949 году. Живет в Волгограде. Окончила Волгоградский государственный педагогический институт, Ленинградскую академию художеств и аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького. Возглавляет клуб творческой интеллигенции «Парнас». Автор семнадцати книг стихов и прозы. Лауреат Имперской премии Союза писателей России, Всероссийской литературной премии «Сталинград», Государственных премий Волгоградской области и премии городского Волгограда.

И где-то в ликующем шорохе клина
Письмо проскиталось весь год,
И фото, и надпись «Привет из Берлина»
Поверх Бранденбургских ворот.

Тому бы письму ещё виться и виться,
Метаться вперёд и назад,
Но жизнь подсказала ему опуститься
Туда, где чернел Сталинград.

И как-то в шкафу, в залежавшемся хламе,
Где с детства пахучая мгла,
Нашла я письмо к той неведомой маме,
Что папе присниться смогла,

И фото, и листик из школьной тетради,
Что свёл их тогда меж руин.
Они расписались весной в Сталинграде,
А почерк их помнил Берлин.

Вишнёвый сад

Мы выросли под вишнями цветущими
В заштопанной домашней тишине,
Где райскими ухоженными кущами
Воздывалась память о войне.

Садовый стол с тетрадкой ученической
И с чувствами, каких не передашь...
И тот ещё — обкусанный, химический,
С нетерпеливой слюной карандаш.

Вся бытность опоясана Вселенною
И от любой беды защищена
Вишнёвым цветом, памятью нетленною
Засыпана последняя война.

Но если память снова вырубается?
Отбушевала майская метель,
И над землёй остывшей наливаются
Венозная вишнёвая капель?!

Звонница

Души внезапно дрогнут струны,
Когда раскрыты створки лет,
Медалей маленькие луны
Победы отражают свет.

Из бездны шкафа, из забвенья,
Костюм парадный извлечён,
И вот от жизни дуновенья
Идёт гвардейский перезвон.

«МЫ ВЫРОСЛИ ПОД ВИШНЯМИ ЦВЕТУЩИМИ...»

В послевоенном Сталинграде
Тот звон мне слышался окрест,
Он на торжественном параде
Военный заглушал оркестр!

Кто знал духовные законы?!
Как знамя, павшее из рук,
Те затухающие звоны
Подхватит колокольный звук!

Любите Родину, любите!
Пусть вечный крошится гранит,
Всю поднебесную обитель
Святая звонница хранит...

СВЯЗНОЙ

И. И. Свидрову

Простой и улыбчивый с виду,
Суровую латку вины
Носил в своей памяти Свидров —
Солдат отгоревшей войны.

С налитого славой экрана,
С полей отвоеванных стран
Война его всё окликала,
И он отзывался: «Иван...»

И долго среди длинного списка,
Иные застав времена,
Была на груди обелиска
Фамилия Свидров видна.

Стеснялся он выпавшей роли,
Меж «вечно живыми» теснясь,
Совсем как не сдавшийся «Ролик»,
Поддерживать с битвою связь.

И нынче представить непросто,
Что в омутной яме огня
Жил верою Людников остров
В пришествие Судного дня.

Сам Людников выжил неожиданно...
А встретятся в праздник друзья,
— Мы оба с тобою Иваны, —
Посмотрят друг другу в глаза.

Пока дух Победы весенней
Не выжиг в стране суховей,
С охалкою мокрой сирени
Спешит он к могиле своей.

Весь в отзвуках взрывов неслышных,
С лежащей на сердце виной,
Меж миром живых и погибших
Последний геройский связной...

ГОГОЛЬ

Хищною птицей в небе кружит
Огненный вихрь Сталинграда,
Бронзовый Гоголь в воронке лежит
От боевого снаряда.

Ухом приникшим горною высь
Слышит в вселенском гуле,
В знобкую бронзу его впились,
Словно пиявки, пули.

Взору застывшему даль видна
Та, что мы проглядели,
Грязная шляется там война
В гоголевской шинели.

Станет врагом донской тишины
Тишь украинской ночи,
В трансе мистическом у страны
Окаменеют очи.

Будут на русского брата пенять,
Все постаменты руша,
Завтра кому-то придёт опять
Надобность в мёртвых душах.

Редкая птица Днепр облетит,
Едкой заросший тиной.
Завтра мы Родину будем делить
С гоголевской Украиной...

ТОПОЛЬ

Кого не сватала Европа,
В освободители маня?!
Но вырос в Сталинграде тополь,
Боец на линии огня.

Он вырос с той же силой духа,
С которой каждый павший свят!
Седины — тополиным пухом...
А он по-прежнему солдат!

За ним Москва и Севастополь,
И в самой гуще мирных дней
Несёт военный комплекс «Тополь»
Всю славу наших тополей!

Два брата

Под яблоней, тянущей майские ветки,
Два брата сидят, как в цветущей беседке.
И, вновь голосами пугая весну,
Они зарываются криком в войну.
И воздуха им не хватает уже,
Но каждый стоит на своем рубеже.
Вот снова Победа пришла в свой черёд,
Для них же война всё идёт и идёт.
Она им годов отпустила с пяток,
С кем Запад воюет, с кем Дальний Восток?
От края до края распахнутый путь,
Им словно гармошки меха растянуть.

Где песни пропитаны горечью всей,
Меха осыпаются пылью траншей.
Два брата войну не обгонят никак,
И память сжимается в твёрдый кулак.
И разные видят окопные сны,
Как будто бы две прошагали войны.

И как бы их спор не довёл до греха,
И рвутся у старой гармошки меха.
Вот вечер бутылку убрал со стола.
Так чья же Победа важнее была?
...Героев своих величает страна,
А правда — с окопного видится дна!

Знамя

Мне знамя помнится одно,
Тогда большое было в малом,
Плескалось в небе полотно
И моё детство пленало.

Миры расставив по местам,
Я лестницу держала крепко:
К небесным прибывал вратам
Отец мозолистое древко.

Шёл Первомай — пропитан весь
Победным гулом реактивным,
Со смехом прыская с небес
Щекочущим коротким ливнем.

Сейчас иные времена,
Но это было, было, было!
Твоё дыхание, страна,
В воздушных шариках парило.

Садами пенилось тепло,
Сорило песни и улыбки,
Оно, счастливое, текло
Мороженым по пальцам липким...

В карманах выжившей страны
Всегда чего-то не хватало.
Мечты — искали вышины,
Большое — умещалось в малом.

Общий вагон

Верхнюю полку делю незаметно
С впущенным в раму открытую ветром,
С лесом, бегущим навстречу вагонам,
С облаком белым на небе бездонном.

Бантик на волю спорхнул из косички,
Пусть украшает он гнёздышко птички,
Едем в гнездо родовое Сурёна,
Где разрасталась семейная крона.

Вижу, внизу, с незастеленной полки:
Дедушка в вечной своей гимнастёрке
Чай распивает с весёлым соседом,
Дюжину лет отсчитав от Победы,

В гости везёт меня, словно награду,
Из восстановленных стен Сталинграда.
Просит меня по-домашнему: «Дочка,
Ну-ка, пойді попроси кипяточку!»

Кружку сквозь лето несущу отпускное,
Окна раскрыты в объёме земное.
Ветер советские песни полощет
В общем вагоне с памятью общей.

Солдатские сны

Солдат из сна выходит налегке,
Не отщипнув от памяти ни крошки,
Ни от небес, не тонущих в реке,
Ни от следов с нехоженой дорожки.

Задраен люк, захлопнуты слова,
Прощение, прощание, обиды,
Войной свои предъявлены права,
Она иные вытесала глыбы.

Солдатский сон — он тёмный и глубокий,
Свечением своим глубоководным,
Он короток, как воздуха глоток,
Познав апокалипсиса волны.

«МЫ ВЫРОСЛИ ПОД ВИШНЯМИ ЦВЕТУЩИМИ...»

Проснись, солдат! Ревнителям утех
Нужна душа, не знавшая подвоха,
И ты один — страдающий за всех,
Когда всю готовится голгофа.

Ватники

Снежный груз стерильной ваты
На солдатский взвод
Сбросил с неба виновато
Старый Новый год.

Значит, был кому-то нужен
Этот Божий дар,
Если вывернут наружу
Русский календарь.

Видно всем с изнанки рваной,
Чем душа живёт,
Потому-то и кровавый
Вытираем пот.

Но, пока тот снег не тает,
Тянутся бои,
Божьей ватой залатаем
Ватники свои.

Пушкиногорье

Сойти с террасы по ступеням...
И, словно щебетаньем птиц,
Заслушаться живучим пеньем
Одушевлённых половиц.
И позже, в мятный час заката,
В осеннюю проникнуть сень,
Где тёплым пушкинским халатом
Вчерашний запахнулся день.

Поэзия живёт в усадьбе,
И для неё преграды нет,
То экипаж готовит к свадьбе,
То к поединку пистолет.
С листвой, шуршащей на опушке,
Обветренную музу ждёт,
Из няниной щербатой кружки
Настоянную вечность пьёт...

И вдруг поймёшь — зачем всё это
Поэту грешному дано:
Поэзия — источник света,
С вершины освещает дно.

Отсюда ей далёко видно,
Когда найдёт покой земной,
Она не так уж беззащитна
За монастырскую стеной.

Война идёт за слово наше!
Разбойный всюду слышен свист,
И высотой своей бесстрашен
Пушкиногорский обелиск!
Как был бесстрашен бой вчерашний,
Застывший в славе вековой,
Как тот, что грезится всё чаще
Под обречённых бесов вой!

* * *

И было лето золотое...
И, отряхнув песок с колен,
Нас унесло волной застоя
Навстречу ветру перемен.

Да кто же знал тогда и ведал,
Откуда ветер этот дул,
В чужих мечтах под властью пледа
Из глубины диванных дум?..

И как без радостных излишков,
Сквозь сорность поросли пустой
Взростала армия мальчишек,
Защита памяти святой?

Посланцы огненного роя!
Вас время выберет спеша,
И в сны небесного покроя
Вот-вот оденется душа.

Что не должно случиться вскоре,
Уже случается сейчас:
Цветёт затоптанный цикорий
Близ синевы раскрытых глаз.

В траве извечного покоя,
Ещё щекочущей висок,
Застыло лето золотое,
Иного времени песок...

Николай ЛИСТОПАДОВ

Что-то есть...

Баба Шура жила в своей крытой камышом хатке с земляным полом на самом краю хутора. Для кого-то это был настоящий край света, глухой угол, Богом забытый. Сама же она, а это главное, так не считала, хозяйничая, как умела, на своем дворе или же в огороде. Была она старуха высокая, грузная, можно даже сказать, неуклюжая, с грубыми чертами лица. Родившись в конце девятнадцатого века в отдаленном казачьем хуторе, она так и жила в веке двадцатом неграмотной, хотя и прошла ликбез. Даже и расписаться толком не умела, выводя вместо подписи что-то вроде волнистой линии. Но темной старухой она не была. Всегда прислушивалась к тому, что происходит в большом мире. Радио в ее доме не выключалось. Особенно любила она слушать телетайку — новости с телетайпной ленты. Как водится, сочувствовала вьетнамцам, ругала американцев за агрессию. А как радовалась, когда услышала, что премьер-министром Цейлона стала женщина, Сиримава Бандаранаике!..

При встречах с хуторянами допытывалась:

— Слыхали про Бандарьянку-то? Теперь она главная в правительстве на этом, как его... На Цейлоне. Женщина! Впервые в мире!

ЛИСТОПАДОВ Николай Александрович — дипломат и писатель. Доктор исторических наук, востоковед, бирманист, автор книг о Востоке. Родился в 1956 году в казачьем хуторе Подпешенском Серафимовичского района Волгоградской области. Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, Дипломатическую академию МИД России. С 1983 года состоял на дипломатической службе. Работал дипломатом в российском посольстве в Бирме (Мьянме), Непале и Индии. С 2016 по 2023 год занимал должность чрезвычайного и полномочного посла РФ в Мьянме. С рассказами публиковался в журналах «Москва», «Свет столицы», «Вокруг света», «Отчий край», в «Литературной газете» и др. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2024).

И столько гордости было в словах хуторской старухи, что казалось: эта самая Бандаранаике если не ее родственница, то уж точно близкая подруга.

Порассуждав о стремительном взлете к вершинам власти непостижимо далекой от нее цейлонки, баба Шура отправлялась на леваду полоть картошку. Как обычно, за ней увязывался внук Коля, не родной, а от племянника. Детей у старухи не было, хотя замуж она выходила, даже не один, а два раза. Мужья давным-давно покинули этот мир. Единственным светом в окошке для бабы Шуры стал маленький Колька. Любила она его самозабвенно, выполняла, как волшебная палочка, почти любую его просьбу. Но это была не слепая, портящая любовь, а в чем-то взыскательная. Баба Шура не держала как на привязи возле себя Колю, а повторяла:

— У тебя должны быть друзья. Без друзей никак нельзя. Вот и пословица такая есть: не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Сто рублей для старухи не просто сумма, а целое состояние. В какое же смятение она пришла, святая душа, когда ее любимое радио передало шутку какого-то хохмача: не имей сто рублей, а имей двести. Баба Шура просто растерялась и не знала, что и сказать на это. Хуже всего, что и Колька находился тут же. Благо ему хватило чуткости сделать вид, что он ничего такого не услышал. Мало ли что говорят... После этого случая баба Шура, кажется, меньше стала доверять радио.

В тот вечер Коля застал бабу Шуру какой-то торжественной. Лицо ее светилось. Она доставала наряды из стоявшего в чулане сундука: черную юбку, белую кофту, плюшевый жакет, цветастую шаль.

— Баба, ты куда? — удивленно спросил мальчик.

— Петра пойду глядеть, — последовал ответ.

— Какого Петра? — еще больше удивился Коля.

— Не какого, а Великого, — со значением сказала старуха, надевая на шишковатые ступни новые брезентовые тапки-чирики, тоже праздничные, украшенные цветочками из цветной резины.

— Ты же в школу уже ходишь, а про царя Петра не знаешь, — укорила баба Шура любимого внука.

— А, про царя, — обрадовался Коля, — про царя я знаю. Так ты в кино, что ли, идешь? — догадался мальчик.

— А то куда же, — примирительно буркнула старуха. — Петр Первый, он много чего для Расеи сделал. Нашему брату, простому народу, ход дал. Вон, Алексашка Меншиков пирожками торговал, а Петр его в помощники себе определил за смьшленость.

Взяв костыль, баба Шура двинулась в клуб, отложив на время бесконечные домашние дела. Было в облике шагающей по песку старухи что-то величественное. Высокая, массивная — она сама чем-то напоминала Петра. Завидев нарядную бабку Шуру, все в хуторе знали: ну, пошла старая на Петра. Это уже никого не удивляло. Подобная картина повторялась из года в год. Фильм «Петр Первый» в клубе раз-то в год точно крутили. И баба Шура не пропустила ни одного сеанса. Она шла в клуб и в летний зной, и в зимнюю стужу. Не могли ее остановить ни покос, ни рытье картошки. Петр Первый — это святое. Царь-реформатор в исполнении могучего Николая Симонова буквально приворожил старуху.

Она и сама в своем неказистом вдовьем хозяйстве пыталась быть реформатором. Избушка бабы Шуры стояла над озером, за которым простиралось болото, твань, если сказать по-казачьему. Так бабуля отвоевала у твани место для огорода, по всем правилам мелиоративной науки. Не иначе как решила последовать примеру своего любимого царя Петра, построившего на болотах Питер. Вокруг места повозвышенной она прокопала канаву, сделав тем самым дренаж. Помимо всего прочего пришлось заняться и корчевкой, вырубить несколько деревьев. Пни были сожжены. Зола не пропала, пошла на удобрение. Вместе с пнями сгорели и обитавшие в болоте змеи. Змеиную кожу долго потом носил ветер. В болото любили забираться коровы, чтобы полакомиться сочной зеленью. Пришлось поэтому обнести осушенное место высокой оградой из веток. А как же добираться до огорода? Давай баба Шура мостить гать, бросать в грязь ветки и сучки. Так получилась тропка. Много трудов ушло, зато огород вышел на славу. Плодородная свежая земля, влаги в достатке. И картошка хорошая уродилась, и овощи: помидоры, капуста, огурцы, морковь. Полив требовался только в самую жару, в середине июля. За водой далеко ходить не надо было. Прямо в конце огорода баба Шура выкопала колодец, быстро наполнявшийся болотистой водой. В ведра то и дело попадались краснопузые лягушата. Глядя на прыгающих лягушек, старуха не преминула рассказать Кольке, который, конечно же, помогал поливать огород, байку о том, как раньше, в старину, в горшки с молоком бросали лягушек.

— Это для того делали, чтобы молоко было холодным. Лягушки-то холодные, вот они и остужают молоко, — объясняла старуха.

Коле бабкин рассказ казался сказкой, ну вроде сказки о царевне-лягушке. Только много позже узнал он, что действительно существовал такой обычай. Правда, выходило, что дело совсем не в холоднокровии земноводных. Просто лягушки всё время двигались, ныряли, тем самым не давая молоку свернуться.

Подростший Коля сам справлялся с поливом огорода на болоте. Ему нравилось пробираться туда через топь, как на остров, наблюдать за охотившимся на лягушек желтоголовым ужом, слушать кукушку. Звонкое «ку-ку» раздавалось из лесной чащобы. Мальчик сразу же спрашивал:

— Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить осталось?

Иногда приходилось считать так долго, что и со счета собьешься. Впрочем, Коля не расстраивался, когда кукование было очень коротким. Тогда он говорил с легкой душой:

— Это не считается, не считается.

И ждал следующего выступления вещей птицы.

Пока баба Шура расширяла свое хозяйство, люди потихоньку покидали родной хутор. Сманивали их огни больших и маленьких городов. Старуха очень боялась, что и семья племянника вместе с ненаглядным Колей покинет насиженные места. И тут в ее голове созрел план. Баба Шура решила привязать родню к хутору, построив ей хороший дом. Года два откладывала она рублики от скромной пенсии, от продажи козьего пуха и картошки. Когда накопилась изрядная по хуторским масштабам сумма, объявила племяннику: будем строиться. Тот, поразмыслив, согласился. Кому не хочется пожить в собственном добротном доме! Работа закипела. Баба Шура самолично

ездила выбирать дубовые бревна на строительство. Строили, можно сказать, всем хутором. Дом получился большим, красивым. Позавидовал сосед и принялся сам за строительство. Повеселел хутор, приободрился. Кое-кто из решивших было уехать призадумался: «Люди строятся. Поживу-ка и я тут». А баба Шура удержала родню, пусть и на время.

Не оставалось в старухином хозяйстве без нововведений и птицеводство. Однажды в сарае у бабы Шуры появились пестрые птенцы. Это она решила разводить цесарок. Эксперимент оказался неудачным. Птицы подросли, порадовали своим оперением в крапинку и гортанным клеткотом да и разлетелись в разные стороны. В суп ничего не попало. Потерпев неудачу с цесарками, баба Шура преуспела в разведении индеек. Теперь по двору важно разгуливал огромный индюк. Одна беда — напыщенную птицу боялся Коля. К дому любимой бабушки он подходил с опаской, издали крича: «Баба, баба!» Выйдя из хаты на призывный клич, та недовольно ворчала:

— Не бойся! Что он тебе сделает? Возьми хворостину да отгони. Ты же мужчина, казак. — И давала внуку прут.

Осмелевший в присутствии бабушки Колька решительно наступал на индюка, заставляя того ретироваться. С тех пор он не боялся важную птицу. Это только с виду индюк грозен, а на самом-то деле труслив.

Добившись кое-каких успехов в птицеводстве, баба Шура решила переключить свое внимание на садоводство. Давно ей хотелось стать обладательницей большого сада. Когда-то хутор славился своими садами и виноградниками. Потом всё это как-то захирело. Всё-таки в степи неподалеку от хутора кое у кого из хуторян сохранились сады, в основном вишневые. И как только баба Шура прослышала, что Клавдия Шишлина продает свой сад, сразу же побежала к ней. Пришлось даже подзанять деньжонок, чтобы купить сад. Зато теперь баба Шура была при вишневом саде, как какая-нибудь помещица Раневская. Да куда там Раневской! Та-то ведь прожила свой сад, а баба Шура, наоборот, приобрела, а ведь было ей уже за семьдесят.

Сад находился не близко от дома, за полтора-два километра. Первым делом баба Шура огородила свое приобретение. Потом вырубил сушняк, выкосила траву, сволокла в кучу мусор. И все, как всегда, одна. Ну Коля, конечно, в меру своих силенок помогал. Да вертелась под ногами потешная дворняжка с веселой кличкой Штучка. Как-то баба Шура обрадовала внука:

— Смотри, какая у нас штучка есть, — и показала маленького лохматого щенка.

Так и прилипло к собачонке это прозвище, как нельзя кстати подходящее ей, невероятно жизнерадостной, с вечно высунутым языком. Медлительная баба Шура и верткая Штучка составляли весьма колоритную пару. Одно слово, хуторская дама с собачкой.

К концу апреля вишневый сад стоял в бело-розовой кипени. Летом засверкал рубином сочных ягод. Уж и поела в тот год баба Шура вишенки! За всю жизнь столько не съела. Да и родных и соседей щедро наделила: ешьте, вишня своя. Была в саду и калина, высокое, сильное деревце. Ее кисти рдели на ветвях, наливались соком до самых заморозков. Но и морозец не смог избавить калину от горечи. Коля только возьмет красную ягоду в рот, чуть

ЧТО-ТО ЕСТЬ...

надкусит, как сразу же и выплевывает — горько. А баба Шура ничего, пожует беззубым ртом, скажет: «Пользительная ягода!» — и продолжит обихаживать свой сад: то веточку какую подвяжет, то землю взрыхлит под молодыми вишенками, то обкосит траву вокруг яблони.

Все поголовно хуторские старухи крепко держались христианской православной веры. Атеизм им был нипочем. Как же без Бога? В каждой хате в переднем углу обязательно висели иконы, обычно Богородица с младенцем Христом и, конечно, Николай Угодник, самый почитаемый святой. Коля, глядя на икону с ликом Николая, так и думал, что это есть сам Бог. У бабы же Шуры и с Богом отношения складывались наособинку. Иногда она любила повольнодумничать, покритиковать виденных ею в далекой молодости священников, которые чем-то не угодили. Но полностью отринуть Бога она не могла. В ее хате икона, перешедшая от матери, занимала почетное место. Время от времени баба Шура любила повторять:

— Нет, что-то есть.

И опять, убежденно:

— Нет, не может такого быть, чтобы ничего не было. Что-то, какая-то сила там, в вышине, есть!

Порассуждав так, успокоившись, баба Шура принималась за неизбывные дела. Хотя она и стремилась к новому, уклад ее жизни был самый что ни на есть традиционный. Стряпала она в печке. Особенно хорошими выходили хлебы, выпеченные на капустных листьях. За один присест Коля мог умять целую краюху, напитанную свежим капустным духом. У старухи была даже деревянная ступа, конечно, не для того, чтобы в ней летать. В ступе она тяжелым металлическим пестиком толкла на кашу просо.

Коле нравилось наблюдать, как баба Шура гладила свои кофты-юбки. Утюга было два. Один, чтобы нагреть, надо было ставить на раскаленную печку, а во второй — насыпать багровые, пышущие жаром угли. Утюг с углями напоминал какое-то огнедышащее существо, время от времени плевавшее искрами. Мальчику хотелось, чтобы искры вылетали как можно чаще. Бабушка желала прямо противоположного: искорки могли прожечь ткань, если их моментально не стряхнуть. Свои побелевшие от времени волосы баба Шура мыла, как она говорила, щелоком, дождевой водой, прокипяченной с золой.

Плывать в озере Коля учился не на покупном резиновом круге, а на самодельном, из кубышек. Баба Шура постаралась. Кубышки — это что-то вроде тыкв или кабачков вытянутой, грушевидной формы. Высушенные, они очень легкие. Стоит связать вместе пару кубышек — и спасательное средство готово. Куда надежнее резиновых кругов держит на плаву. Кубышку так просто не проколешь.

Дверь в хату бабы Шуры была обита каким-то рыжеватым сукном. Даже маленький Коля заметил его непохожесть на хуторские вещи. Старуха объяснила:

— Это румынское одеяло. В войну через наш хутор гнали пленных румын. Холода стояли страшные. Обмороженные румыны были еще и голодные. Голод сильнее холода. Вот один пленный и отдал мне одеяло за кусок хлеба. Ну мы и за так пленных подкармливали, хоть и сами досыта не ели. Жалко их было. Дашь какому вареную картошку, так он ее прямо с кожурой и проглотит. Накрываться одеялкой той я гребовала. Так и пошла она на дверь.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

ЧТО-ТО ЕСТЬ...

Наверное, это была единственная импортная вещь в доме бабы Шуры, а пленные румыны — единственные виденные ею иностранцы. Вообще, она редко-редко выбиралась за хуторские пределы. У нее никогда не было паспорта. Баба Шура говорила:

— У нас же ведь местность непачпортивная.

В один прекрасный день она пришла к племяннику сосредоточенная. Ясно было, что намеревается сообщить нечто важное.

— Хочу, чтобы Колька съездил в Москву, — объявила старуха.

Ударение в названии столицы она делала на первом слоге. И звучало это как-то по-старинному.

— Как же он поедет? Один, что ли? Да и где денег взять? — спросила Зинаида, жена племянника.

— Ты с ним поедешь. Денег я дам, — отрезала баба Шура.

Очень уж ей хотелось, чтобы Коля повидал мир. А Зинаида не слишком стремилась в столицу. Хлопотно. Всё-таки согласилась: «Хоть накуплю в Москве вещей добрых на всю семью!» Так Колька побывал благодаря причудам бабушки Шуры в Москве. На этом она не угомонилась. Через год опять дала денег: «Езжай, Коленька, в Ленинград, город Петра, самый красивый на свете». Потом долго расспрашивала и о Медном всаднике, и о Петропавловской крепости. Посмеялась потешной скамейке в Петродворце. Сядет человек на нее, а на спину ему льется вода.

— Таковую забаву только царь Петр придумать мог, — заключила старуха.

А рассказ о прогулке на теплоходе по Финскому заливу неожиданно прервала:

— Слушай, Колька, закончишь школу и езжай учиться в Ленинград на корабеля. Будешь строить корабли! Это ж такая красота!

И это говорила старуха, которая кроме барж на Дону никаких судов сроду не видела. Не иначе как совет этот она дала под впечатлением фильма «Петр Первый», где много о кораблях сказано и показано. А может, и фильм «Большая семья» о судостроителях ее впечатлил. Увы, не стал Коля корабелом. Не хватило ему безоглядного романтизма своей хуторской бабки. Но совет ее запал ему в душу. Занимаясь какими-нибудь скучными делами, восклицает он про себя: «Эх, жаль, не стал я корабелом!..»

Совсем постарела баба Шура, еле ноги таскает, но не сдается, не опускает руки. Решила она разбить около своего двора сад, на этот раз яблоневый. Шумливая соседка Махора ее отговаривала:

— Сдался он тебе, этот сад, тетка Шура. Тебе скоро на попово гумно отправляться, а ты — сад...

— Ну, я помру, людям яблони достанутся, — со спокойной уверенностью ответила старуха.

— Людям! Каким там людям? — не унималась Махора. — Скоро на хуторе и людей-то не останется.

Но бабу Шуру разве собьешь. Уж что задумала, то непременно сделает. Скоро зашелестели рядом с ее хатой нежные яблоневые листочки. Баба Шура щедро поливала молодые деревца, нося воду из неблизкого колодца. Все яблоньки принялись, пошли в рост, хотя почва была скудная, песчаная. Старуха не могла нарадоваться на дело рук своих. Последняя оказалась это радость в ее жизни.

Вскоре она умерла, не дождавшись плодов молодого сада. И никто не дождался. Оставленные без присмотра яблоньки через несколько лет засохли. И вишневый сад заглох, одичал. Да и людей в округе не осталось. Одни уехали. Другие поумирали. Отвоеванный бабой Шурой у болота огород поглотила трясина. Даже кукушка куда-то улетела. Кому ей теперь отсчитывать года? В клубе больше не показывают Петра Первого. Да и вообще ничего не показывают. Самого клуба нет, и зрителей на хуторе почти не осталось. И племянник недолго пожил в новом доме, перебрался-таки с семьей в райцентр. Но дом стоит, и люди в нем еще живут. И Николай нет-нет да вспомнит о садах бабы Шуры и о когда-то бывшем на болоте огороде. И подумает про себя, будто споря с кем-то, может быть, с самим собой: «Пусть и сады, и огород исчезли, будто их никогда и не было, но что-то ведь осталось, и вообще, права была старуха: что-то там, в вышине, есть. Определенно есть. И не зря баба Шура сажала сады, не зря».

Наталья ПРОКУРОВА

Солдат Победы

Мой дядя, папин брат Михаил Матвеевич Евсеев, был человеком неординарным. Он прекрасно пел, хорошо рисовал, и, кроме всего прочего, у дяди Миши был великолепный каллиграфический почерк. В его семье и сегодня хранится прекрасно оформленный им альбом, посвященный полководческому таланту Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Любимой песней моего дяди был «Марш советских танкистов», особенно задорно и вдохновенно из уст его звучали слова: «Броня крепка, и танки наши быстры...», которые в общем-то и стали девизом всей его жизни.

Внешне дядя Миша был красавец, и чудесной была его улыбка — какая-то ослепительная, открытая, доброжелательная. Когда после возвращения с фронта он проходил по родной деревне, статный, в хорошо подогнанной форме, подтянутый, а на груди его сияли медали, вся деревня любовалась им. Это рассказывала мне моя мама, которая работала учителем в местной школе. И при этом она говорила: «Михаил шел по улице такой красивый, ну, прямо как туз бубновый!» Почему-то в ее рассказах постоянно присутствовало это сравнение.

Дядя Миша был очень аккуратным человеком и всегда крайне щепетилен к своей одежде, к своему внешнему виду. И хотя эту черту характера моя бабушка Софья сумела привить всем своим детям, дядю Мишу она выделяла

ПРОКУРОВА Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, поэт, публицист и общественный деятель. Родилась в 1951 году. Живет в Волгограде. Автор книг о Сталинграде и о русских писателях, в том числе монографии «Подвиг Сталинграда в жизни и литературе». Публиковалась в журналах «Отчий край», «Русский язык в школе», «Литература в школе» и др.

здесь особо и называла его «аккуратистом», правда, иногда даже сердито. Так было, когда однажды он разбудил свою дочь, десятилетнюю Тонечку, и заставил помыть обувь, не вымытую ею с вечера. А бабушке было очень жаль внучку.

Человек широкой и доброй души, дядя Миша был самым нежным из сыновей по отношению к матери, моей бабушке, а также любящим мужем и отцом: достойно воспитал своих дочерей — Тонечку и Ниночку, внуков — Ромочку, Юлечку и Олечку. Его любви и тепла хватало и на нас, его племянников — дочерей тети Поли: Галочки и Танечки; детей тети Нины: Валерика и Танечки; сына дяди Вити — Володечки, нас с братом (и для всех у него были только такие имена!). Когда моего брата Сашу призвали в армию, в ноябре 1967 года, и он несколько дней находился на сборном призывном пункте Краснооктябрьского района, где условия содержания призывников были не очень хорошие, дядя Миша почти каждый день навещал Сашу. А однажды, незадолго до отправки в часть, отпросил его, привез домой, просушил всю его одежду, хорошо накормил, собрал продукты в дорогу и к назначенному времени вернул его на призывной пункт.

Дочери дяди Миши, Антонина Михайловна и Нина Михайловна, работали воспитателями в детском саду и дарили своим воспитанникам любовь, заботу и доброту, которую они получили в своей семье. Внук Роман — полковник, служит Отечеству. Внучки Оля и Юля трудятся на ниве народного хозяйства.

Я была крестницей моего дяди, и отношение дяди Миши ко мне, не в обиду будет сказано моим братьям и сестрам, было несколько особое. Он часто заходил ко мне в гости (благо, что в последнее время мы жили в одном дворе) и нередко спрашивал: «Наташечка, у тебя есть холодные щи?» (почему-то он их любил). Я угощала его, потом мы пили с ним чай, и он рассказывал мне о себе, о войне...

Однажды крестный поведал мне о том, как во время войны они, танкисты, шли на танках через Молдавию и остановились на постой в одном из дворов. Гостеприимный хозяин угощал солдат фруктами, виноградом, но, видимо, симпатичный парень глянулся хозяину больше всех. «Мишенька, — говорил он ему, — возвращайся к нам после войны, я наготовлю вина, и мы устроим вам с Настей (это была его единственная и любимая дочь, черноглазая красавица) такую свадьбу, каких не видывал свет». Вероятно, красивая Настенька чем-то все-таки «зацепила» душу моего дяди — теперь, много лет спустя, вспомнив о ней, он вдруг запел куплет из «Морской песенки», которую когда-то исполнял советский кумир Марк Бернес: «Нет, не по мне краса в чужом окошечке. В чужих портах бродил я много дней. Но не оставил там души ни крошечки. Она для Насти, Настеньки моей. Она для милой Настеньки моей...»

Однако, как говорится, у каждого человека своя судьба. Вернувшись в родные края, мой крестный встретил свою любовь, женился и 53 года, до конца своих дней прожил со своей возлюбленной Домной Васильевной (но все мы, в том числе и дядя Миша, звали ее для удобства тетей Олей и Олей), воспитывал детей, внуков.

...Родился мой дядя, Михаил Матвеевич Евсеев, 12 июля 1923 года в хуторе Зрянин Сталинградской области, в крестьянской семье. В голодном 1933 году умер его отец, Матвей Ермилович Евсеев, и после его смерти большая семья Евсеевых переехала на жительство в Сталинград.

Старший брат Михаила Сергей (мой отец) устраивается учеником токаря на завод «Баррикады», а Михаил в 1939 году, в 16 лет поступает на учебу в школу ФЗУ Сталинградского тракторного завода для приобретения специальности «слесарь-водитель гусеничных машин». Школу он заканчивает в 1940 году и приступает к работе на заводе в сборочном цеху № 1.

В начале Великой Отечественной войны, в июне 1941 года Михаил решает вместе с другом идти на фронт. Но ему еще нет восемнадцати лет, поэтому военком отправляет его назад, на завод, со словами: «Ступай делать танки!»

В июле 1941 года Михаилу исполняется восемнадцать, а в марте 1942 года он уже выезжает на танке Т-34 из ворот родного завода для погрузки в воинский эшелон и убытия на фронт в составе подразделений одного из танковых корпусов.

Младшая сестра братьев Евсеевых, Нина Матвеевна, вспоминала: «Брат Сергей уже с 1939 года находился на военной службе в Монголии, а Миша работал на тракторном и все время пропадал на заводе, поэтому мы мало что знали о нем. Но наш дом находился у железнодорожного полотна, и когда эшелон, в котором брат отправлялся на фронт, проходил мимо нашего двора, Миша бросил во двор записку, в которую был завернут камень для утяжеления веса, — так наш заботливый и любящий сын и брат изыскал возможность сообщить семье о своем убытии на фронт»*.

Каждый солдат Великой Отечественной войны воевал за Родину, за свой народ, за свою семью. Рядовой Евсеев Михаил мстил врагу за оставшихся на полях сражений товарищей, за разрушенный до основания родной город и свой дом, за младшую сестренку Машу, погибшую в один из дней тотальной бомбардировки Сталинграда немецкой авиацией. Бомба упала рядом с убежищем, и взрывной волной огромной силы сдавило всех находившихся в нем людей.

В январе 1945 года командование корпуса направляет Михаила на учебу в Сызранское танковое училище. Во время учебы в Сызранском училище моей бабушке Софье, матери большого семейства Евсеевых, от командования училища пришло благодарственное письмо за подписью командира училища генерал-майора Ф. Г. Ступака: «В боях против немецко-фашистских захватчиков Евсеев Михаил Матвеевич показал себя как мужественный и храбрый воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Он показал беспредельную преданность делу партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА. Теперь, находясь в Сызранском танковом училище, Ваш сын является отличником боевой и политической подготовки. Спасибо Вам, что Вы воспитали Родине такого хорошего сына». Так отзывалось командование училища о курсанте Евсееве Михаиле Матвеевиче.

Мой отец, Сергей Матвеевич Евсеев, навестил брата, возвращаясь со срочной службы из Монголии. На памятном снимке той поры запечатлены два брата, два защитника Отечества, и папиной рукой сделана надпись: «В память встречи после семилетней разлуки с 1938 по 1945 год. Сфотографировались в Сызрани 8 декабря 1945 года, во время моего пребывания у Миши проездом с МНР»**.

* Из личной беседы.

** Об этой встрече братьев я рассказала в журнале «Отчий край» № 2 (86) за 2015 год в статье «По законам добра и чести», с. 139—144.

К сожалению, впоследствии случилось непредвиденное: в апреле 1947 года старший сержант М. М. Евсеев, так и не став офицером (был комиссован из армии по состоянию здоровья), возвращается в родной город и в родной сборочный цех № 1 Сталинградского тракторного завода, но теперь уже он участвует в производстве тракторов, а не танков.

Пятьдесят четыре года трудился Михаил Матвеевич на родном заводе слесарем-сборщиком в одном сборочном цеху на главном конвейере. Вместе с дядей Мишей на заводе добросовестно трудилась его супруга Домна Васильевна.

Бывший в то время директор завода Валентин Александрович Семенов относился к Михаилу Матвеевичу с большим уважением и всегда отмечал его заслуги перед Отечеством и заводом. Когда заводу в 1989 году выделили в центре города две квартиры в элитном доме с видом на Волгу по адресу: улица имени Маршала В. И. Чуйкова, 37, одну трехкомнатную благоустроенную квартиру В. А. Семенов справедливо отдал ветерану завода Михаилу Матвеевичу Евсееву.

После войны дядя Миша восстанавливал город из руин, по призыву партии ездил поднимать целину, избирался в Совет народных депутатов, возглавлял на заводе совет ветеранов войны и труда, был постоянным гостем в школах Волгограда. 54 года жизни отдал мой дядя, Михаил Матвеевич Евсеев, родному заводу и был его великим патриотом.

До 55-летия Победы, за которую его поколение заплатило чудовищно высокую цену, он не дожил всего несколько дней и умер 25 апреля 2000 года.

За участие в Великой Отечественной войне Евсеев Михаил Матвеевич был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За освоение целинных земель», медалью Жукова, кроме этого, семью юбилейными медалями и медалью «Ветеран труда».

Николай МАЗАНОВ

Объединяющая память

Святой день

Всё в нашей жизни может быть:
Грусть и печаль, лихие беды,
Но никогда нам не забыть
Святой, великий День Победы.
Даёт нам память право жить,
Преодолеть любые беды,
И значит, будем жизнь любить,
Покамест с нами День Победы.

Пока не поздно

В памятный день не тревожат пусть раны.
Время, пожалуйста, не торопись.
Если в строю, вы в строю, ветераны,
Значит, ещё продолжается жизнь.

В памятный день вновь цветы на граните,
Мирного неба распахнута высь.
Только, пожалуйста, долго живите,
Всех с Днём Победы, спасибо за жизнь!

МАЗАНОВ Николай Николаевич (1945—2017) — поэт, общественный деятель, член Союза писателей России. Родился в Сталинграде. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт. Работу преподавателя, научного сотрудника совмещал с общественной и писательской деятельностью. С середины шестидесятих годов публиковался в многотиражных районных, городских и областных газетах. Плохо видел с детства, в 1985 году полностью потерял зрение, смысл жизни нашел в творческом созидании. Автор двадцати трех поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» (2009), Государственной премии Волгоградской области в номинации «Литература» (2014). Стихи Н. Н. Мазанова представлены для публикации в журнале его вдовой Л. С. Мазановой.

Чувство благодарности

Над памятью не властно даже время.
Пусть трудно жить, жизнь правильно идёт:
Приходят и уходят поколенья,
А чувство благодарности живёт.

Как хорошо, что это чувство свято,
Что в честь ушедших наших и живых
И в двадцать первом веке сорок пятый
Победоносный май живёт в сердцах людских.

Май Сталинграда

Победа, знаем, трудно добывалась,
И май победный, он пришёл потом,
А по большому счёту начиналось
Всё здесь, на Волге, где теперь живём.

Мы все гордимся Сталинградской битвой,
И гордость эта пусть в веках живёт,
И память благодарная молитвой
Над нами, над Россией пусть плывёт.

Объединяющая память

Аллея строгих тополей,
Гранит и бронза, мрамор, камень
И сталинградских февралей
Незатухающая память.

У жизни свой, иной виток,
Другие радости и боли,
Но есть лазоревый цветок
На нашем, на Солдатском поле.

И надо нам взглянуть назад,
Ведь память — это наша сила...
И есть в России Волгоград,
И будет вечная Россия.

Нужны нам строгость тополей,
Гранит и бронза, мрамор, камень
И сталинградских февралей
Объединяющая память.

Из родословной

Мать с голодухи помирала.
Да разве только у меня
Отцов и дедов забирала
Вторая, Первая война?

Да разве мало было горя
И как же можно всё забыть,
Ведь слез и боли было море,
Так как же мир нам не любить?

Сказать об этом должен снова,
Ведь сердце неспроста болит...
Давно под городом Терновом
Мой дед в «германскую» убит.

Другого деда я совсем не знаю,
Отец мой беспризорным был —
О времени далёком вспоминая,
Он говорить помногу не любил.

И был он ранен в Сталинграде,
В любимом городе моём...
Воспринимаю как награду:
Он воевал, а мы живём.

* * *

Награды, письма, похоронки —
Из прошлого печальнейший привет,
И чей-то плач протяжный, громкий,
Салюта праздничного свет.

Друзья мои, снимите шляпы —
Над памятью не властвуют года,
Пусть праздничных салютов залпы
Единственными будут навсегда.

Фашистов здесь мой город встретил,
И здесь он их остановил,
А в памятном суровом сорок третьем
Врагов проклятых здесь разбил.

Чтоб не был мир ни в пепле, ни в золе,
Друзья мои, родные волгоградцы,
Должны, обязаны мы драться
За мир и счастье на Земле.

Люблю мой город я порой весенней,
Когда врывается Победа в дом
И в каждом доме грусть с весельем
Соседают за праздничным столом.

Всё время

В суматохе повседневных дел
Думаем о хлебе мы насущном,
Но а кто из нас бы не хотел,
Чтобы становилась жизнь всё лучше?

Жизнь обязана такую быть —
Мы приходим в этот мир для счастья.
Только об одном бы не забыть
(Потому и думаем всё чаще):

Как же быстро эта жизнь идёт!
Чтоб людьми всё время оставаться,
Нужно помнить сорок третий год
И февраль — великий, сталинградский.

И шагать по жизни, по годам
С памятью о том, что победили
Здесь, на Волге те, кто счастье нам,
Счастье жизни щедро подарили.

Имена

На гранитных и мраморных плитах,
Синевою и солнцем залитых,
Пусть хранятся на все времена
Имена, имена, имена.

Буквы ровные, буквы кривые —
Генералы и рядовые,
Дети, женщины и старики —
Пересохшее русло реки.

И на западе, и на востоке
Вырезала не только война
Пересохшие жизни истоки —
На надгробных камнях имена.

Чтобы в будущем не сокрушаться,
Чтобы миру и нам продолжаться,
Сохранить наша память должна
Имена, имена, имена.

* * *

Приходит памятная дата —
Победы нашей торжество.
И снова бывшие солдаты
Шагают мирно и светло.

ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Они идут друг с другом рядом:
И рядовой, и командир.
И самая высокая награда
Для всех одна — желанный мир,

Который тяжело добывали
В жестоких битвах той войны.
И все они, конечно, ждали
Простой, обычной тишины.

Шагают бывшие солдаты.
А сколько не вернувшихся с войны,
Кто не дождался этой даты
И не услышал тишины...

Девятое мая

Снова степь разродилась тюльпанами,
Снова нас закружила весна.
Не уходит никак из памяти
Трижды проклятая война.

И хоть мы, на войну не успевшие,
По рассказам знаем о ней,
Всё равно, уже поседевшие,
Мы в ответе за судьбы людей.

И поэтому ночью звёздную
В беспокойные наши сны
Всё приходят сражения грозные
Трижды проклятой войны.

Не уходит никак из памяти,
Да мы этого и не хотим,
А покрытую степь тюльпанами
Для детей и для всех сохраним.

Вы, живые, и вы, погибшие,
Мир и счастье вы дали стране,
Низко кланяюсь вам, победившие
В трижды проклятой войне.

Музыка мая

Годы мало что меняют:
Снова музыка слышна,
И салюты расцветают,
Как тюльпаны, как весна.

И грустится, и поётся
Пожилым и молодым —
День Победы остаётся
Нашим праздником святым.

Снова май, и солнце греет,
И звучит оркестров медь.
Память, память не стареет
И не может постареть.

Время быстрое несётся,
Годы тают, словно дым, —
День Победы остаётся
Нашим праздником святым.

Неизменно дарят птицы
Песню павшим и живым,
Вот и нам не измениться —
Изменяться не хотим.

Время быстрое несётся,
Словно вешняя вода.
Праздник с нами остаётся —
День Победы навсегда.

Майские цветы

Вновь звон медалей, орденов,
И залпы праздничных салютов,
И благодарных много слов —
Всё справедливо абсолютно.

А значит, праздников других,
Как этот праздник, нет, не сыщешь,
Вот только меньше их, святых,
Из поколенья победивших.

Всё дальше, дальше те года,
Но всё как было изначально,
И в этот праздник, как всегда,
Светло на сердце и печально.

Слова и помыслы чисты,
И в память о годах не близких
Ложатся майские цветы
К подножью вечных обелисков.

Пристрастие к формулам

Не верю я в раскаянье врага,
Не верю так же, как в измену друга,
Мне нравится чеканная строка,
Как формула, как завершенность круга...

Но жизнь бывает к формулам строга,
Опровергает беспощадно, грубо...
И всё-таки в раскаянье врага
Не верю так же, как в измену друга.

Долг

Не прибавляет время сил,
И ничего оно не лечит,
Всё меньше тех, кого любил:
Иных уж нет, а кто далече.

Нет, не прошу в свой трудный час,
Исполнить это каждый должен —
На остающихся, на нас
Святой долг памяти возложен.

Материнское горе

Её душа такую весть не примет,
И через год, и через много лет
Она всё будет говорить о сыне:
Не может мать поверить — сына нет.

Она ведь любит так же, как любила,
Он для неё прекрасней всех живых...
Так дай же, Бог, хотя бы Ты ей силы —
Ей надо жить на свете за двоих.

Надежда

Сложилось так, тому свои причины,
Не проявил отвагу, героизм,
Но хочется, чтоб мальчишки-мужчины
Ценою жизни не спасали жизнь.

Чтоб грудью этот мир не защищали,
И никогда нигде ни на одну
Чтоб женщины мужчин не провожали
На страшную, на подлую войну.

А человек устраивает бойни
И глупо, и упрямо, вновь и вновь.
Как страшно жизнь растрчивать на войны,
Когда её так мало на любовь.

Но всё воюют мальчишки-мужчины...
А если мир замешан на крови,
Не остаётся, кажется, причины
Напоминать негромко о любви.

Так неужели той же самой болью
Отмечен будет двадцать первый век?
И всё-таки, надеюсь, что любовью
Спасётся мир, и жизнь, и человек.

* * *

Наша жизнь коротка, а планета мала
В необъятных просторах Вселенной,
И нельзя допустить, чтоб она умерла,
Заразившись чумою военной.

Пусть над нами курлычат всегда журавли
В безмятежном и солнечном небе.
Пусть живая душа плодородной земли
Никогда не тоскует о хлебе.

Наша жизнь коротка, а планета мала.
Что оставим своим мы потомкам?..
Так давайте же добрые делать дела,
Чтобы не было горько потом нам.

* * *

Мне сказали: «Не надо писать о войне»,
Попросили: «Не надо писать о войне»,
Прокричали: «Не надо писать о войне»,
Ведь она же ушла, как растаявший дым!

Если я перестану писать о войне,
Если ты перестанешь писать о войне,
Если он перестанет писать о войне,
Значит, вместе мы память и мир предадим.

Нина ГЕЙДА

Витькина колыбель

1

— Блюди себя там, — строго напутствовал Семен Легонько, провожая дочь на войну.

— Их вона сколько! — окидывая взглядом кишаций, воющих, исходящий в истошном людском крике и разудалых, рваных аккордах истерзанной гармошки перрон.

— К зиме возвернешься, свадьбу гулять будем. И чтоб ворота дегтем нам не мазали, чтоб не краснеть батьке с матерью! — не унимался Семен.

— Да что уж ты, отец, нашел о чем... — глотала слезы Дарья. — Надюшка, доченька, береги себя, не простывай. Я носочки тебе теплые положила, не забудь в вагоне-то.

— Носочки!.. — ерничал Семен. — Да на кой они ей, эти носочки! Надолго ли той войны? К зиме, говорю, дома будет! Ишь ты, супостат, надумал на нас войной идти. Вот уж мы его! Вот уж Буденный да Ворошилов...

Семен не договорил. Одинокая слеза скатилась по щеке.

— Тьфу ты! Гадость какая-то в глаз попала. Да будет тебе реветь, старая, отпусти Надежду, вишь, их кличут.

Провожающие долго глядели вслед уходящему поезду. Вот уже рассеялся дымок, исчез болтающийся хвост состава, а они все стояли и стояли,

ГЕЙДА Нина Михайловна – поэт, прозаик, общественный деятель. Родилась в 1946 году. Живет в городе Николаевске Волгоградской области. Автор пяти книг стихов. В соавторстве с николаевским музыкантом и композитором И. В. Ширшовым ею написан гимн города «Николаевский вальс». Со сборником прозы «Нинкины горизонты» и детскими сказками стала победителем литературного конкурса прозы для детей «АВТОРизация» Волгоградской областной детской библиотеки. Печаталась в журнале «Отчий край», альманахе «Лазоревый цвет», газетах «Сельская жизнь», «Балашовская правда», «День за днем», «Заволжье», «Компас».

напряженно вглядываясь туда, в далекую даль, поглотившую до боли любимых людей. Перрон покрыла жуткая, тягучая тишина, которую рвал на острые клочья тоненький, жалобный плач младенца.

2

И потянулись дни... Дни ожидания, надежд, отчаяния. Давно облетела листва, отбарабанили нудные дожди, грянули морозы.

Огонь зажигали поздно — сэкономили керосин. При слабом свете семи-линейки перечитывали Надины письма. Затрепанные, затертые треугольники приходили редко. Перечитав несколько раз, старики, как святыню, клали их на видное место, под образа, в красном углу.

«Скоро, скоро, мать, Надежда возвратится. Главное — ждать», — успокаивал Семен жену. Он не сказал ей, что давеча в контору приезжал нарочный из райцентра, привез неутешительные вести и объявил сбор помощи фронту, кто чем может.

3

— Слышь-ка, отец, Лизка Шмелина вернулась. Дитеночка ждет, — раскрасневшаяся от мороза, в сбившемся набок шерстяном платке, Дарья металась по светелке, зачем-то подержала Надины письма, одернула занавеску.

— Бабы-то у колодца так срамотили Лизку, так срамотили! Иванчиха даже коромыслом на нее замахнулась. А Лизка всё молчит да отворачивается.

— Тьфу, зараза! Забрюхатела. Но уж наша-то Надька ни-ни! Она девка строгая.

Этим вечером долго не могли заснуть. Гнетущая тишина черной змеей выползла изо всех уголков их немудрящего жилища и давила, давила, превращаясь в немислимую тоску.

— Не спишь, Дарья?

— Да чегой-то сон не идет. А ты чего енто бодрствуешь?

— Дык вот ежели был бы у нас кто сейчас... Али Надежда, али еще кто.

— Да кто же еще, кто?

— А вот хотя бы ребяенок ее. Вот кто, — выдохнул старик и молодецва-то сел.

— Господи, Сема, откуда ему взяться, ребенку?

— А вдруг Надежда тоже с дитем объявится?

— Так ты же сам говорил...

— Сам! Сам! — резко прервал жену Семен. И жалобно добавил: — Внука хочется. Дитяtko маленькое, несмышленное. Опыт ему свой передам. На рыбалку ходить приучу.

— Сема, да нешто младенцев на рыбалку тягают? Его надо выпестовать, в люльке его первая рыбалка.

ВИТЬКИНА КОЛЫБЕЛЬ

— И то верно. А где люлька Надькина? Тьфу, старый дурень! Я ж ее на чердаке подвесил. Завтра сниму, почию, подштопаю. Готовиться надо.

Дарья молчала. Улыбка преобразила ее лицо. Тоска уходила. Пригрелся мягенький комочек в руках.

«Баю-баюшки-баю», — качала она младенца, а он глядел на нее недетским взглядом.

«Да чего ж ты так на бабушку смотришь? Ты еще дитя, ты мой маленький, сердечко мое», — ласкала Дарья тепленький комочек.

Тук-тук... тук-тук... Дарья открыла глаза. Семен прилаживал к потолку колыбельку.

— Долго спишь, бабушка, я уже внуку колыбельку прибил.

— Так Надя на сносях будет! Какая тебе колыбелька!

— А вдруг уже с дитем на руках? Куда его? На твою койку, что ли? Ага! Чтоб кот царапнул. Ребеночек-то молочный, от него молочком пахнет.

— Сем, давай козу у соседей купим. Молочко козье, оно, знаешь, какое полезное! — Дарья вдруг представила, как доит козу, а Витюшка (она твердо решила, что внучка назовут Витюшкой), и вот этот ее Витюшка стоит с кружечкой и ждет. Сейчас бабушка процедит молочко, и он будет пить свеженькое... с хлебушком.

— Козу надо брать. Да по лету, пожалуй, бабка, засуши ягоды для мальчика. Еще лепешек из паслена наделай. Ему для роста надо много сладкого есть. — Немного помолчав, Семен добавил: — Дарья, там картохи-то у нас ведра три будет? Хватит до нового урожая, ежели по две штуки через день съедать. А ведро надо с оказией в райцентр отправить, поменять на сахар.

— И то верно, — согласилась Дарья, доставая из сундука холщовые простынки, заготовленные когда-то в приданое Надежде. С большой любовью она застилала колыбельку. Витькину колыбельку. Маленькую подушечку украсила наволочкой с вышивкой, по краям колыбельки приладила кружева собственного вязания.

— Ну вот, Витюша, твоя постелька готова, — удовлетворенно глядя на нарядную колыбельку, сказала Дарья.

— А что, бабка, Виктор у нас будет?

— Виктор, Виктор. А как же еще? Колек да Васек вона сколько на деревне. У нас будет Витюшка.

4

Тянулась тяжелая, холодная и голодная зима сорок третьего года. Всё чаще и чаще то там, то здесь раздавался истошный бабий вопль. Односельчане знали: пришла похоронка. Тяжело повздыхав, шарили по сундукам, кухонным полкам, доставали из потаенного места то кусок сала, то отрубные лепешки, то пареную тыкву из печи, а то и пяток яиц. Всё это несли туда, где билась в истерике жена убиенного. В центр стола ставилась бутылка с мутной жидкостью — самогоном. Местные умельцы приспособились варить его из солодового корня.

На днях поминали Петра Звягина. Ах, как жалела его Дарья! Высокий, статный, а главное — совсем молодой, даже семьей не успел обзавестись.

5

Вскоре подвернулась оказия. Бывший фронтовик, безногий Федор ехал в райцентр выправить там какие-то бумаги в райкоме, с ним увязалась местная вдова Тоська Лобанова.

— Тпру-у-у! — осадил коня Федор у калитки стариков, грохоча деревяшкой, приделанной вместо ноги, постучал кнутом в оконце: — Дядька Семен! Чего кликал? Выходи.

Скрипнула дверь, показался дед с ведром картошки.

— Федь, поменяй на рынке на сахар. Пару грудков проси, не меньше. Да грудки чтобы были побольше.

— Сладкой жизни захотели! — крикнула с возка Тоська. — Хорошо живете.

— Да не нам это, мальцу сахарок требуется, — выглянула из-за спины мужа Дарья.

— Ты че, тетя Даш, часом не на сносях ли! — залилась смехом Тоська. — Ой, мамочки родные, спасите меня, со смеху умру!

— Вот охальница! — в сердцах крикнула Дарья. — Это не нам, а внуку собираем, Витюшке!

— Какому внуку? — не унималась Тоська. — Ежели только я вам подкину. Ей-ей подкину, вот с Федором прокачусь до райцентра и подкину. Он у нас один на всех баб... ха-ха-ха!

— Тебе его женка так подкинет, своих не соберешь! Срамница! — Семен сердито хлопнул дверью.

— Но! Пошла, родимая, — Федор стегнул по крупу лошади вожжой. — Тось, зачем ты так? Пусть тешатся. Авось и взаправду счастье привалит. Только вот в толк не возьму, Надежду-то почему забрали на фронт? Одна у них, а они-то уже в летах.

— Надька добровольно на фронт ушла. Каждый день в военкомат бегала, батьке с матерью сказала, что на бухгалтера учится, а сама курсы радисток проходила.

Серые глаза Тоськи вдруг стали грустными и тоскующими. Глядя в безбрежную даль, куда-то туда, за горизонт, прошептала: «Петра Звягина искать пошла. Любит она его».

6

По всему селу раззвонила Тоська о причуде стариков. Кто смеялся, кто сочувственно качал головой, а кто-то, молча выслушав, смахивал предательскую влагу со щеки. «Пусть тешатся», — решили сельчане.

А в доме Легонько поселились надежда и радость ожидания. Ночи перестали быть отчаянно тоскливыми, дни проходили в предчувствии чего-то нового, светлого, радостного.

— Ишь ты, пострел, деда не слушаться! Вот я уже по попе тебе нашлепаю! — рассердился дед, строгая хворостину, удочку для Витьки.

— Чего это ты? — удивленно вскинула брови Дарья.

— Дак ведь соберется с другими мальцами на дальнее озеро. Не пущу! Ей-ей отшлепаю! — кипятился Семен. — Там омуты страшные.

ВИТЬКИНА КОЛЫБЕЛЬ

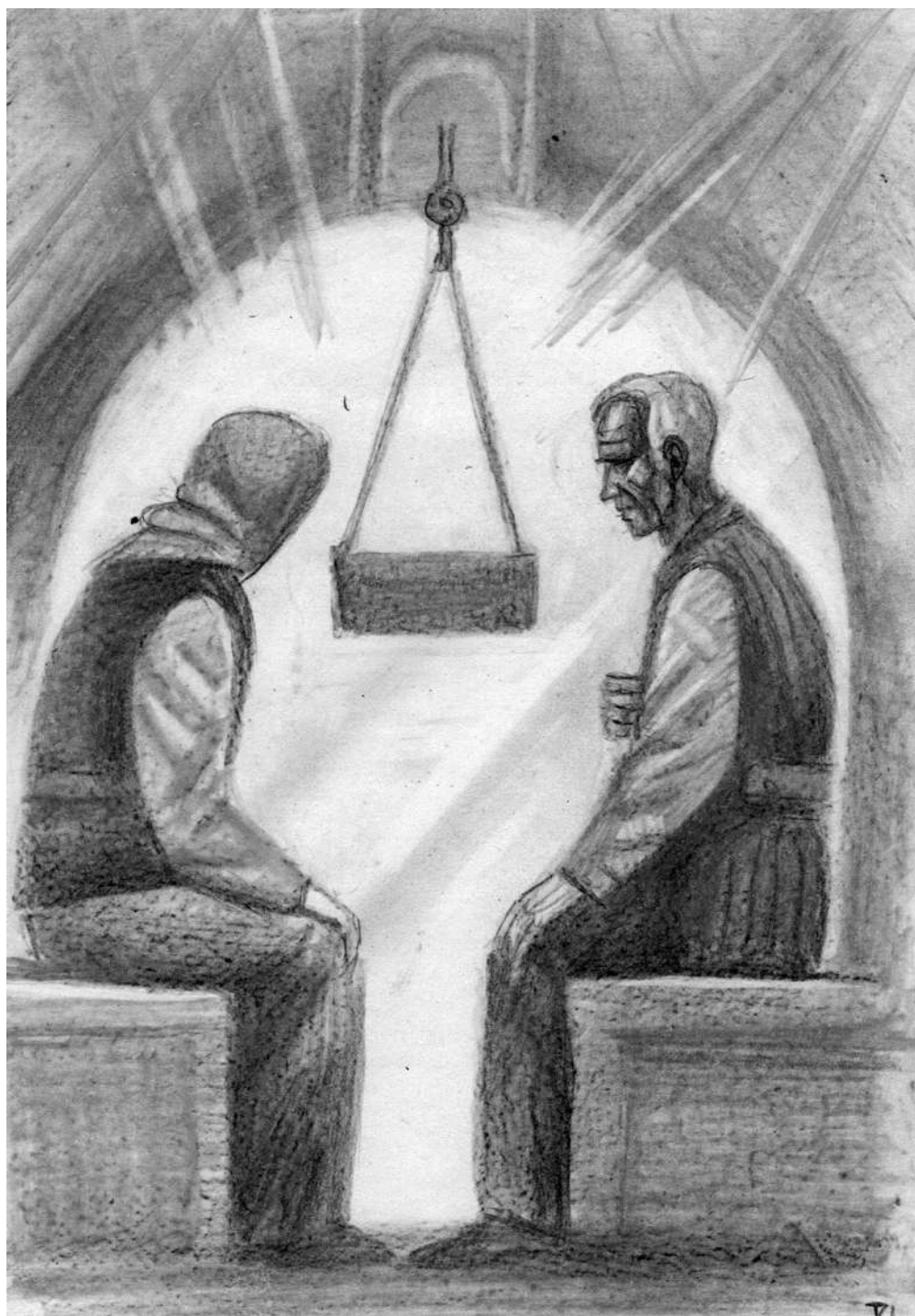

Рисунок Вадима ЖУКОВА

— Че болтаешь, старый, кто его туда поведет? Я же от себя не отпущу. Ты лучше спроси у Миколы: он валенки еще валяет? Всё приготовила, а валеночки забыла.

— И салазки надо смастерить. Каждый день по морозу, по снежку... у-у-у!

Блеклый луч солнца коснулся глаз старика, и в них заплясали, закружились радужные искорки.

Внук был уже явью для стариков. Он незримо присутствовал здесь, в их маленькой избенке. Для него уготовано всё: и любовь, и забота, и большие надежды на то, как он вырастет и станет самым умным, самым красивым, самым работящим и добрым. И когда-нибудь у него появятся свои ребятишки, много-много, а дед с бабкой, уже упокоенные, будут с радостью смотреть на них с небес. Род Легонько не прервется. Только бы Надежда не подвела. Но как ей сказать об этом?

7

Утром, как всегда, поднялись чуть свет. На ощупь вскипятили самовар, заварили в чайнике струганую сушеную морковь, достали с полки приготовленные с вечера две тяжелые, дубовые на вкус лепешки — смесь отрубей, сухой лебеды и кореньев. Позавтракали. Перекрестившись, Дарья подала листок бумаги, с трудом выпрошенный у учительницы, и газету на случай, если не хватит бумаги. Достала из комода огрызок карандаша и решительно сказала: «Пиши! Воля родителей — Божья воля». Подумав, покрутив ус, Семен написал: «Здравствуй, наша дочь Надежда Семеновна! Пишут тебе твои батько с матерью Семен Матвеевич и Дарья Степановна Легонько. Во первых строках своего письма спешим сообщить тебе, что передают поклоны Марусяка Иванникова, бабка Криушина, Клавдия-продащица...» Далее шли поклоны и пожелания доброго здоровья от всех сельчан. Считавший себя стратегом, поклон от Лизки Шмелиной он передал самым последним, причем тонко добавил: «И растет у Лизки девчонка, такая смышленая, на радость Лизкиным батьке с матерью». Здесь малость приврал, так как вся деревня говорила, что батько никак не может простить Лизку за то, что она в подоле принесла с фронта дитя.

«У нас всего в достатке, — писал Семен. — Тыкву девать некуда, буряк еще есть, даже пшено водится. Хотели купить козочку дойную, да всех коз перевели в деревне на мясо, но ты не сумлевайся, ежели что, молочком мы обеспечим. Подыщем в райцентре козу».

Облокотившись на край стола, безграмотная Дарья внимательно следила, как супругник, послунявив во рту карандаш, принимался выводить чудные знаки на бумаге.

— Ты уж пропиши, чтобы не простывала, — назойливо просила она.

— Тьфу ты! Сколько раз просил: не мешай! Опять с мысли сбила! Вот ведь вертелось в голове, как ей сказать, чтобы не пужалась домой с дитем идти. Так нет! Надо ж было тебе влезть!

— Господи, Сема, на грех своими же руками родное чадо толкаем. Ведь без венца, без записи... Господи! Грех-то какой!

— Грех, говоришь? А не грех жизнь пустой прожить? Где ты их теперича возьмешь, которые под венец поведут али в ентую контору, которая их окрутит? Поглянь, сколько хлопцев в одном только нашем селе перебило? Нет уж, мать, как порешили, так пусть и будет. Грешнее уйти с земли и не оставить плоти и крови своей. Пока жив, в обиду ни Надежду, ни мальчика не дам! Не позволю, как в Лизку, камнями швырять!

Решительно помусолив карандаш, Семен в конце письма приписал: «А ежели что, встретим с радостью, место в избе найдется всем».

На большее смелости не хватило. Да и лист бумаги заканчивался. Слова прощания приходилось дописывать на клочке газеты, где с трудом уместились добрые пожелания и поклоны всем служивым, здравия всем и чтоб били врага в цель.

8

Бурная весна 45-го года. Под яркими лучами солнца быстро отяжелели снега, болтливые ручейки весело вырывались из-под грязных бугров и устремились в низины. На обтаявших пригорках, обласканные теплом, закачались головки подснежников.

По деревне все упорнее ходили слухи, что наши войска вступили на землю противника и бьют его там. Скорее! Скорее!!! Пусть будет радость всем людям, пусть будут долгожданные встречи, пусть войдет в родительский дом Наденька. Дарья всё чаще подходила к колыбельке, представляла, как она будет подниматься ночами к младенцу. Наденька ведь намаялась на той проклятущей войне. Пусть поспит. Надо только ждать, ждать терпеливо, с надеждой. Надо молиться.

Этой ночью она молилась. Дождалась, когда Семен захрапит на своей лежанке за печкой, тихонько поднялась, у иконостаса перекрестилась:

— Господи, ежели еси на небеси, да будет воля Твоя, да святится имя Твое...

В оконце тихонько стучала ветка сирени. Совсем скоро вспыхнут ее гроздья ярким цветом, одарят землю ароматом, запоют соловьи. Будто и не было горя на земле.

...Вот таким апрельским днем, сразу же после Пасхи явились в дом сваты, Дашку сватать. Как давно это было! Жила она на хлебах у родного дядьки Митрофана, от роду шести лет оставшись круглой сиротой. Дядька был добрый, редко хлестал хворостиной, а вот женка его невзлюбила приемную сиротку. Бесконечные подзатыльники и попреки валились то и дело. Дите ихнее капризничает — Дашка виновата — не ублажила, свинья корыто перевернула — опять она внакладе — не уследила. К шестнадцати годам, не смотря на вечные побои и плохой харч, обернулась Дарья первой красавицей на деревне. Глаза голубые, будто в них небо утонуло, брови тонкие, как нарисованные, светлая тугая коса ниже пояса. Глянулась она Семке Легонько на рождественских игрищах, дрогнуло его сердце. Сам-то он был невзрачный, конопатый да рыжий. Да кто ж ее спрашивать будет — стал люб али нет?

«Иди замуж, хватит на шее сидеть», — отрезала тетка. Да и Семка после сватовства тихо проговорил: «Жалеть тебя буду».

«Господи, да что ж это всякое в голову лезет? — испуганно прошептала Дарья, осенив себя крестным знамением. — Молиться надо, молиться».

— И оставь нам долги наши, как мы оставляем должникам нашим...

Семен не обманул. Он крепко жалел свою красавицу жену. Да и она вроде бы смирилась, потянулась к нему. Свекры попались хорошие. Расторопная, покорная Дарья пришлась ко двору большой семье Легонько, где кроме Семена было еще три брата и пять сестер.

— Господи, прости им прегрешения, пошли царствие небесное дядьке Митрофану Егоровичу и тетке Акулине Никитичне, свекру моему Матвею Игнатьевичу и свекрови Агриппине Тихоновне и всем усопшим сродникам.

Крупная слеза быстро скатилась по сморщенной щеке Дарьи, вспомнился первенец Гришатка и его погодок Антипушка. Обоих младенцев смерть лютая унесла, в один год по осени похоронили. Тогда Дарья будто в уме помутилась: есть не хотела, спать перестала, всё на погост бегала, билась в истерике у двух крошечных холмиков.

— Упокой, Господи, невинных младенцев Григория и Антипа, одари их любовью своей, безгрешные были.

А вот она-то, грешница, даже руки на себя наложить помышляла.

Долго Бог не давал ей дитя понести. Семен стал покрикивать: «Опять пустая?! Доколь ты мне душу рвать будешь?»

Пьяным делом поколачивать стал, а иной раз укатит на ярмарку один, а потом ей люди сказывают: с городской кралей по ярмарке ходит, платки ей покупает.

Кинулась Дарья к свекрови, выплакала ей всё, а та в утешение: «Не ты первая, не ты последняя. Терпи. Вот понесешь дитя, всё уладится».

— Еще раз, Господи, прошу Тебя за свекровь мою Агриппину Тихоновну, согрей ее теплом своим, одари светом небесным. Правильный совет она мне дала, ее советом и надеждами жила я, грешница великая.

А совет свекрови был таким: надо идти на дальние хутора к знахарке — Осычихе, та уже многим помогла. Пошла Дарья к Осычихе. «Переполох у тебя, девонька, выливать надо», — определила та.

— Господи, прости меня грешную. Надо было в церковь идти, у ног Святой Матери просить, а я к Осычихе подалась. Да и кто ее знает, какая у нее правда, у этой ворожеи... так ведь всё делалось с молитвой при свечах и иконах. Значит, правильная. Упокой душу рабе Твоей Осычихе, прости ей ее грехи.

Выливали переполох на воду, опустив в нее воск со свеч, которые горели всю ночь у иконы Богородицы, велела Осычиха эту воду пить и живот смачивать. Отвары из марьиного корня, иван-чая и боярыньки наговаривала она Дарье, травы все собирались в ночь полнолуния. В такую же ночь расстилала Дарья на изумрудной траве белую холстину, а поутру выходила нагая из дому и оборачивала той холстиной, пропитанной росой, свое горячее тело. Да только ничего не помогало.

Через десять с лишним лет, когда надежды на появление дитя в доме растаяли и приутихла боль потери сыновей, затяжелела бабонька. Первое время даже Семену в этом боялась признаться: а вдруг сглазит?

И только когда округлился живот, заблестели светом глаза, тихая мимолетная улыбка всё чаще стала озарять расцветшее, будто налитое внешним соком лицо, понял Семен: на сносях Дарья.

А как беречь-то ее стал! На сенокосе грабельки поменьше давал, вилы полегче и все, бывало, норовит ей подсунуть кусочек сальца с прожилкой мясной, картошечку порассыпчатее или пеночку с топленого молока.

Девочка родилась здоровенькая. «Наша надежда на старость», — сказал Семен и нарек ее Надеждой.

Дарья опустила на колени:

— Пресвятая Богородица, Ты подарила мне радость великую, Ты дала мне счастье материнское, вечная я должница Твоя, — Дарья подняла глаза и... обомлела: Господи! Великой скорбью и болью смотрели на нее глаза Богородицы. Что это?! Что?! Почему она, Дарья, так часто молящаяся у святых икон, никогда не замечала, не понимала того, что источали глаза Святой Матери...

Тело словно пронзил железный прут, губы затряслись, слова молитвы становились всё громче и громче, переходя на крик:

— Мать Святая, Вседержительница, Покровительница наша, Ты... вида-ла казнь Чада, Тобою рожденного, за нас, грешных, жизнь отдавшего. Не допусти, не позволь мне узнать гибель своего дитя, возврати Наденьку, дай ей младенца, дай сил дожидаться.

В какой-то миг Дарья почувствовала себя близкой, неразделимой, почти единой с Божьей Матерью, прижимавшей к груди младенца Христа. Безысходность и скорбь овладели ею.

— Боже, что это?!

Скрипнула лежанка.

— Мать, ты чего? — Семен проворно подбежал к жене.

— Сил нет, Сема, плохие думы овладевают, глянь, сколько убитых, увечных, обездоленных в одном только нашем селе. Хоть увечная, хоть с дитем, только бы возвратилась.

Неописуемая ярость исказила ее лицо. Семен испугался.

— Да чтоб ему, ентому, как его... — Дарья никак не могла запомнить ненавистное ей имя. Оно ассоциировалось с чем-то темным, вонючим и скользким. — Да чтоб ему, ентому Гнидлеру, вовек родной матери не увидеть, чтоб детей своих не знал, чтоб утонул в слезах человеческих, как только земля его носит?! — с небывалым неистовством зашлась она в истошном крике. В голове мелькало: «Не я... не я... Бог должен судить». И не могла. Перед глазами встали малыши убиенного Степана Мезина. Мал-мала меньше. За что? За что?

— Ой, — схватилась за грудь.

— Ты вот что, приляг маленько. Светло уж на улице. Приляг. Может, самоварчик заправить? — суетился Семен. Помог ей добраться да кровати, заботливо прикрыл лоскутным одеялом, присел на краешек: — Спи, Дарьюшка, отдыхай. Умаялась ты, я рядышком посижу, я постерегу тебя. Вона чегой-то ты бледная, а руки-то холодные какие! Дай разотру.

За все прожитые вместе годы он не говорил жене столько теплых и ласковых слов.

Дарья словно провалилась в вязкое, липкое забытьё. Это был полусон, скорее всего бред во сне.

Она бежит вдоль большой реки, которая уходит куда-то, в багряно-красный закат. И облака... Светлые, легкие, как пушинка. Причудливые облака.

Вот они выстроились лебединым клином и летят... летят... туда... в этот багровый закат. А вот огромная снежная гора и куча маленьких ребятишек. Катятся с нее и исчезают... исчезают. Как их много! Дарья зовет: «Виктор!

Виктор!» — «И-я-а-а», — отзывается ребятня. «Виктор!» — «И-я-а-а!» Затем гора превращается в большую колыбель. Белоснежную, воздушную... «Видимо, мягко в ней», — думает Дарья.

«Мама!» Кто это ее окликнул?

Она оборачивается и видит Надю. Надя идет прямо по реке, туда, в багровый закат, над которым висит колыбелька. «Наденька!» — Дарья рванулась к дочери, но не смогла сдвинуться с места. Больно зацепилась грудью за корявый куст, и кровь ручьем хлынула в реку, окрасила ее, а Наденька всё идет и идет, ступая солдатскими сапогами по этой кровавой дороге. Только сейчас Дарья увидела, что Надя прижимает к гимнастерке младенца.

— Доченька! Ты куда?

Надя молча поворачивает лицо в сторону Дарьи. Какие синие у нее глаза! И сколько в них скорби, обреченности, любви...

— Кого ты несешь, доченька?

— Это Витюшка, мама.

— Дай мне его, Надя, дай, куда ты его несешь?

— В колыбель, мама. В колыбель...

Иван НЕЧИПОРУК

«Ангелы где-то рядом...»

Пусть

Пусть река искрится
Просинью весны...
Пусть тебе приснится,
Будто нет войны.

Рыжею куницей
Промелькнёт рассвет...
Пусть тебе приснится,
Будто смерти нет.

Пусть звенит синица
Над сосной седой...
Пусть тебе приснится,
Будто я живой.

НЕЧИПОРУК Иван Иванович — поэт и прозаик, учредитель донбасского литературно-художественного журнала «Пять стихий», заместитель председателя Межрегионального союза писателей (Луганск), член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Родился в 1975 году. Окончил Горловский государственный педагогический институт иностранных языков и филологический факультет Славянского государственного педагогического университета. В прошлом — шахтер с двадцатилетним стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортера и ведущего литературной рубрики. Живет в Горловке (ДНР).

Ангелы рядом

Когда прилетают снаряды,
ангелы где-то рядом,
Ангелы вместе с нами
испытывают наш страх.
В этих свинцовых играх
боль не унять, не спрятать,
И не унять тревожных
слов на больных устах.

Каждой тревожной ночью
ангелы видят воочью,
Как разрывает судьбы
неукротимый огонь...
Каждую ночь снаряды
воют сквозь тьму по-волчьи,
Вихрем несёт сквозь время
всадника бледный конь.

* * *

*Нас убьют за то,
Что мы гуляли по трамвайным рельсам.*
Я. Дягилева

Читать стихи у памятника Пушкину —
Сродни прогулкам по трамвайным рельсам.
И в городе, где русский мир придушенный,
Попробуй только, вздумай, вознамерься.

Идея нации с замашками обвальщика
Всегда витает где-то очень рядом.
И своры криворотых лютых мальчиков
Уже пасутся, в нас стреляя взглядом.

Но по бульвару, по-сентябрьски тусклому,
Идём открыто, гнёт отбросив тяжкий,
Мы бьёмся с ветром силой слова русского,
Пока не встретятся нам чёрные фуражки.

* * *

Вновь тени войны колобродят
По комьям разбитой земли.
И к слову о падшести родин
Ужасные вести приходят
Под гул канонады вдали.

В крови утопают посёлки,
И пульс превращается в дрожь.
Тут рвутся сквозь время осколки,
И множит «Фейсбук» кривотолки.
И ранит циничная ложь...

Пуля

*Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной...*

Н. Гумилёв

Застыла боль бетонной сваей.
Пришла беда, когда не ждут.
Посеяв свет — я пожинаю
Твою безумную вражду.

Не понимая, как всё плохо,
Я был в сомнениях не смел.
И как, скажи, Мариенгофа
В тебе совсем не разглядел?

А дружба, как макулатура,
В утиль за грош сдана тобой...
Лети сквозь тьму, как пуля-дура
Над вспененной седой Двиной.

Ночь преображенья

В эту ночь второго Спаса
Каждый холм — Святой Фавор!
Террикон вдоль пыльной трассы
Смотрит в небеса в упор.

В небе месяц, словно жёрнов
В тёмно-звёздной синеве.
А с вершины рукотворной
К небу льётся чистый свет.

Комендантский час пустынен...
Чёрных улиц монолит
К свету тянется, к вершине
Силой ангельских молитв.

Октябри

Под светом утренней зари
Душа моя кровит.
Я впитываю октябри,
Чужие и свои.

И давит гнёт тоски сильней,
Мгновеньями шурша.
На улицах разбитых дней
Грустит моя душа.
И осень в багрянице снов
Не жухнет, а цветёт.
А в сердце вечная любовь
Зовёт меня вперёд.

* * *

Елене Н.

За невзрачным окном растекается осень,
Небо плачет навзрыд и стучится в стекло.
Мы опять не у дел, мы у неба не просим
Ничего, наше время тоски истекло.

И мы выйдем во двор, несмотря на погоду,
По кленовому насту пройдем сквозь туман,
Там, где сквер холодами тревоги обглодан,
Там, где тонут во мгле первозданной дома.

Этот смутный октябрь пожалел позолоты,
И зелёной почти опадает листва...
Только нам всё равно: позабыв про заботы,
Мы сквозь дымку бредём, собирая слова.

* * *

Я вдыхаю эту осень,
Это пряное амбре —
Запах тополей и сосен
В задымлённом октябре.

В небе кое-где зарницы
И разрывов дальних гул.
Ветер под ноги ложится,
Подвывая на бегу.

А пути мои не гладки,
Звёзды канули во мрак,
И шагаю по брусчатке
Под истошный лай собак.

Хмурый небосвод нелётный
Накрывает город тьмой.
И под грохот миномётный
Я в ночи спешу домой.

* * *

Донбасские дороги и просторы,
А в небе то ли ветер, то ли плач.
Мелькают терриконовые горы,
И кланяются до земли опоры
На линиях электропередач.

Изрытый мир, бетонные палаты
И мытари на перекрёстках трасс.
И убегают вдаль копры и хаты,
Рыдает дождь в предчувствии расплаты,
И тает за окном родной Донбасс.

* * *

*Мы всюду. Мы нигде. Идём,
И зимний ветер нам навстречу.*

Александр Блок

Я всюду! Я нигде! Завис меж двух миров,
И осень — ангел тьмы идёт за мной по следу.
Мне кажется, что я психически здоров,
Но почему-то жизнь порой подобна бреду,
Где всё в одном котле: и радости, и беды,
Где я утратил вес, друзей и отчий кров.

Я всюду! Я нигде! Звезда моя коптит,
И время ставит мне сплошные многоточья.
Притягивает зло моя душа-магнит,
И сердце по ночам досадой кровоточит.
Поник я, как тростник, но разум верить хочет,
Что для чего-то Бог ещё меня хранит.

Первый снег

Первый снег! Он был и не был
Над Глубокою моею.
Посмурневши, смотрит небо,
Как свершает ветер требы
Среди тощих дымарей.

В контурах домов разбитых
Снег оставил робкий след...
Обречённо и сердито
Дверь сквозь век стучит копытом
Под веригами примет.

Что ни вечер — артдуэли,
Смерть опять пускает яд.
Снег под утро вновь расстрелян,
И в осколках от шрапнели
Клёны, скрючившись, стоят.

Преддекабрьское

А за кордоном — снежная страна,
Реалии ноябрьских откровений.
Мой путь через посты и сумрак бранный,
Где страх — как набежавшая волна
На грани у растерзанной вселенной.

Где всё спокойным кажется на вид,
Но дребезжит рассудок чайным блюдцем.
Снежинки в окна призрачные бьются,
Там ёлка прошлогодняя стоит —
Всё ждёт, когда хозяева вернуться.

* * *

Не прощай, но просто до свиданья!
Наши тени пусть проглотит ночь,
И разделят нас не расстоянья.
Размышлений поздние терзанья
Не способны нам уже помочь.

И да будет всё по воле Божьей,
Только он нас может вразумить:
Не питаться сплетнями и ложью
И упрёками друг друга не тревожить,
Оставаясь чуточку людьми.

Вьюжное

Здесь времени неукротимый бег
По улицам и выгнутым проспектам
Вгрызается в вальсирующий снег,
Просыпанный из облачных прорех,
И говорит на вьюжных диалектах.

Скрипят, искрясь, деревья из стекла,
И разбиваются природные устои.
Горит любовь, а вьюга принесла
Надежды, что ослабнут путы зла
И вспыхнет вера яркою звездой.

Виталий РУЧКИН

Мёртвые сраму не имут

Солнце клонилось к закату. Его косые лучи, с трудом пробившись через густые столбы дыма, взметнувшиеся над охваченным огнем городом, рельефно обозначили верхушки обгоревших деревьев. Траурной колонной они выстроились вдоль дороги, сплошь усеянной битым кирпичом, кусками бетона и черепицы, припорошенными сверху хлопьями серого пепла и слюем иссиня-черной сажи. На мгновение задержавшись на макушках полубугленых тополей, лучи медленно опускались вниз, плавно скользя по их безжизненным веткам, потом перепрыгнули на остовы разрушенных почти до самого фундамента зданий, отыскивая там еще не до конца закопченные осколки стекол и начиная игриво сверкать солнечными зайчиками. Вволю порезвившись на битом стекле, они лениво обшаривали изуродованную оспой воронок и каменными завалами сталинградскую землю, неторопливо высвечивая безжизненный ландшафт, и наконец стали пытливо заглядывать в зияющие проемы подвалов разбитых домов.

Вечерний луч, нырнув в узкое оконце, скользнул по покрытому пороховой копотью лицу лейтенанта, устало откинувшегося к кирпичной стенке полуподвального помещения. В его сумраке обозначились силуэты еще нескольких бойцов. Угасающий луч прошелся и по их закопченным лицам и вскоре растворился в мраке полуподвала. Все сидели молча, прислонившись к его

РУЧКИН Виталий Анатольевич — прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1953 году. Живет в Волгограде. Участник Нагорно-Карабахского конфликта, полковник в отставке. Профессор кафедры судебной экспертизы Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, академик Российской академии естествознания, заслуженный деятель науки РФ. Имеет свыше двухсот пятидесяти научных работ в ведущих отечественных и зарубежных журналах, а также иных изданиях. Автор книг: «Огонь родного очага», «На алтарь Победы», «Есть в огромной России город...», «Верность», «Сталинград навсегда». Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово» и литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2022).

еще сохранявшим прохладу стенам, прикрыв воспаленные от гари, копоти и дыма глаза. Наверху слышались шорохи, шум шагов, обрывки фраз переговаривающихся между собой. Семеро сидевших в полуподвале разом открыли глаза, оторвали от стен головы, стали напряженно вслушиваться. Сверху все стихло, установилась тишина. Бойцы вновь застыли в прежних расслабленных позах, еще плотнее прижимаясь спинами и головами к прохладным стенам. Спустя несколько минут слышались храп, сонное бормотание, потом все на какое-то время поутихло, воцарились редкие мгновенья тишины.

— Пора менять, — нарушил благодный покой лейтенант. — Очередная смена, наверх!

Он запрокинул голову, устремляя взгляд на потолочное перекрытие.

— Не рановато, лейтенант? — последовало в ответ. — Может быть, еще...

— Нет! — голосом, не терпящим возражения, оборвал говорившего лейтенант.

Четверо бойцов, тяжело вздыхая, медленно поднялись и гуськом потянулись к лазу, ведущему из полуподвала на первый этаж здания. Второй был практически полностью снесен во время бомбежки.

Остатки взвода лейтенанта Кравцова и прибывшие к ним бойцы уже неделю удерживали это здание. Сплошная линия обороны на этом участке отсутствовала. Шла вторая половина сентября, и немцы в ряде мест вышли к Волге. Уцелевшие защитники Сталинграда, находясь, по сути, в окружении, оказывали здесь врагу лишь очаговое сопротивление. Не сумев с ходу захватить этот длинный кирпичный двухэтажный дом, фашисты обошли его и значительно продвинулись к Волге. В течение трех последних суток противник предпринял ряд настойчивых попыток овладеть домом, но все его атаки удалось отбить. Во взводе Кравцова на сегодня оставалось семь человек из прежнего состава и еще пятеро бойцов из других подразделений, державших оборону на этом направлении и позавчера ночью присоединившихся к ним.

Ночью немцы не предпринимали наступательных действий. В этот промежуток времени взводный организовал трехсменное дежурство: один с ручным пулеметом Дегтярева, трое — с ППШ. На случай возможной ночной атаки фашистов для усиления огневой мощи прихватывали еще три трофейных «шмайсера». Остальное вооружение взвода — карабины. Патроны к оружию были на исходе. Лейтенант ввел жесткий режим экономии боеприпасов. Огонь вести из автоматического оружия предписывалось короткими очередями, из карабинов — только по четко выраженным целям.

Больше всего защитников дома беспокоило другое: практически полное отсутствие у них воды. У самых выносливых и бережливых в алюминиевых флягах оставалось по несколько глотков, у большей же части они были пустыми. Всех изматывала жажда, она становилась невыносимой, преследовала днем и ночью, даже во сне. Засыпая, все видели один и тот же сон: жадными глотками, с короткими перерывами они пьют и пьют холодную, необыкновенно вкусную воду и никак не могут насытиться ею. Обрадованные сонными иллюзиями, люди просыпались, с трудом облизав сухим шершавым языком потрескавшиеся губы, начинали еще острее осознавать отчаянность своего положения. Позавчера в полночь отправляли одного бойца к Волге за водой, но он так и не вернулся.

Отбив последнюю за сегодня атаку немцев, лейтенант Кравцов собрал своих подчиненных.

— Без воды мы долго не продержимся, — начал без всяких предисловий. — Как назло, еще эта жара добавляет... — Он раздраженно кивнул в сторону небесной канцелярии, тяжело вздохнул, хватая воздух широко раскрытым пересохшим ртом. — В общем, надо определиться с очередным посыльным за водой... Пока спрашиваю желающих...

Наступила короткая пауза.

— Товарищ лейтенант, я пойду, — красноармеец Шестаков по школьной привычке поднял руку над головой.

Взводный, окинув его внимательным взглядом, продолжал о чем-то сосредоточенно думать. Чувствовалось, что в нем идет какая-то внутренняя борьба.

— Лейтенант, мальчишка в одиночку не потянет, — подал голос красноармеец Охрименко, один из тех, кто пару дней назад прибил к взводу. — Раз реши вместе с ним, так надежней будет. Если что, подстрахуем друг друга...

Кравцов продолжал молчать. После минутных колебаний он наконец дал согласие.

— Сделаем так, — лейтенант на несколько секунд вновь погрузился в себя. — Шестаков и Охрименко, пойдете со мной в предутреннюю смену. С часочек осмотритесь, прислушаетесь... Ну чтоб не спросонья... Как определимся, двинетесь в путь.

Взводный замолчал, потер руками виски, о чем-то задумался.

— Считаю, ближе к утру бдительность у немчуры поубавится, — продолжил он. — Вероятность проскочить незамеченными туда и обратно будет выше. Соберите сейчас все пустые фляги. Может, еще что придумаете...

— Хорошо, подумаем, — ответил за всех помкомвзвода Константинов.

Лейтенант с учетом сказанного определил дежурные смены, провел, как всегда, инструктаж.

— И вот еще что, — он обвел глазами присутствующих, отыскивая взглядом взводного пулеметчика. — Никонов, заступишь на дежурство на замену Шестакова и Охрименко.

— Есть.

— Дежурная смена остается, остальные вниз.

Бойцы друг за другом потянулись к проему, ведущему в полуподвальное помещение. Сержант Константинов тронул взводного за рукав, приглашая отойти в сторонку.

— Лейтенант, зря ты разрешил Охрименко идти с Шестаковым, — заговорил он тихим голосом. — Мутный он какой-то...

— Почему так решил?

— Конечно, для обоснованного решения необходимы факты, а это, так сказать, моя чуйка... Он мне сразу не понравился, как появился у нас. Весь какой-то себе на уме, скользкий... Одним словом, не наш.

— При принятии решений исходить из одних подозрений — не самый верный путь, сержант.

— Понимаешь, лейтенант, вот взять Шестакова... Этот мальчишка сразу понятен, он весь на виду: открытый, бесхитростный, безотказный, во многом наивный. А этот... Весь в себе, глазки прячет, не поймешь, что у него на уме. Одним словом, не нравится.

— Хочешь сказать, он напросился, чтобы драпака дать отсюда?

— Не знаю, лейтенант...

— Ты не знаешь... А я что, провидец?

— Ну зачем так...

— В общем, сержант, не будем гадать, что может случиться. Оставим все как есть.

— Понял, лейтенант.

Для человека, измотанного систематическим недосыпом, запредельными фронтовыми нагрузками и напряжением, любой сон воспринимался мгновением: казалось, только сейчас прозвучало «отбой», а уже слышится команда «подъем». Вот и красноармеец Шестаков непонимающе уставился на согнувшегося над ним лейтенанта.

— Подъем, Шестаков, пора, пора уже, — взводный начинал терять выдержку и слегка повышать голос.

Смысл слов командира наконец стал доходить до бойца, он приподнялся, покрутил сонными глазами по сторонам, встал. Размяв затекшие ноги, медленно двинулся следом за взводным к лазу.

Красноармейцу Шестакову шел девятнадцатый год. В июне 1941-го он окончил десятилетку и собирался поступать в педагогический институт на исторический факультет. Все карты спутала война. Их выпускной прошел накануне — 21 июня. И уже в первый день своей взрослой жизни, о которой так трогательно говорили им учителя при расставании со школой, они шагнули в войну. Осенью этого же года он и все остальные одноклассники, кому исполнилось восемнадцать, получили повестки на фронт.

Лейтенант Кравцов известие о грянувшей войне встретил, будучи студентом выпускного курса истфака университета. Всех годных к службе однокурсников призвали в первые же дни ее начала. И закрутилось: краткие командирские курсы, отправка на фронт. Пришлось испытать тяжкое бремя отступления, окружения и выхода из него. К осени 1942-го в живых не осталось и трети его однокурсников. Жестокое время первых месяцев войны сделало из некогда робкого, стеснительного и доверчивого студента Кравцова замотавшего, огрубевшего мужчину, умевшего хладнокровно управлять своими эмоциями, готового к жестким действиям, способного без прежних колебаний посылать подчиненных на смерть и самому без былого страха идти навстречу ей. С каким-то пугающим спокойствием он уже воспринимал практику безвозвратных потерь своего взвода и почти ежемесячное полное обновление его. Временами ему казалось, что сам он пребывает вне этой жизни и что судьба обрекла его быть сторонним наблюдателем кем-то свыше задуманного ее хода. И все же в этом бесконечно длинном ряду уходящих и приходящих им на смену людей встречались такие, которые невольно возвращали его в прежнюю беззаботную мирную жизнь, к которым он привязывался еще не до конца зачерствевшей душой и с которыми с болью расставался потом.

Красноармейца Шестакова лейтенант заметил в первые же дни его появления во взводе, он был чем-то похож не него самого, того прежнего наивного студента, широко распахнутыми глазами по-детски воспринимавшего окружающий мир. Позднее выяснилось, что их во многом сблизил еще и общий интерес к истории (за глаза их называли «историками»).

Сменив дежуривших на этаже бойцов, взводный поискал глазами Шестакова и в полумраке ночи заметил его согбенную у оконного проема фигуру.

Как будто чувствуя обращенный к нему взгляд командира, красноармеец обернулся. Взмахом руки лейтенант подозвал его к себе:

— Ну что, Игорь Батькович, продолжим повесть сию?

— Да, да, я и сам хотел попросить вас об этом.

Во время вчерашнего ночного дежурства лейтенант Кравцов решил блеснуть перед красноармейцем Шестаковым своим знанием «Повести временных лет», к которой был равнодушен еще со студенческих лет. Взводный захотел убить сразу трех зайцев: напрочь отогнать от себя одолевавший его сон, быстрее скоротать время ночного дежурства и в очередной раз удивить благодарного слушателя своими глубокими познаниями в истории. Игорь Шестаков, имея в рамках школьной программы самое общее представление об этом древнерусском источнике, слушал его пересказ с неподдельным интересом.

Однако вчера в силу сложившихся обстоятельств лейтенант озвучил лишь небольшую часть повести.

— Буду рассказывать с сокращениями и остановками, — предупредил Кравцов. — Во время перерывов нужно, образно говоря, от потехи переходить к делу: вслушиваться, всматриваться в нашу злую округу, обдумывать предстоящее задание.

Боец согласно кивнул.

— Итак, вот продолжение повести минувших лет, откуда пошла Русская земля и кто в Киеве стал первым княжить, — начал приглушенным голосом лейтенант. — Стоп! А на чем мы вчера остановились?

— На смерти Рюрика.

— Дак вот, умер Рюрик и, передав княжение родичу своему Олегу, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал. В год 882-й выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей. Пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, взял Любеч и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. И сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода». Когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он, сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли, — рассказчик внимательным взглядом окинул своего слушателя, который сидел не шелохнувшись, с раскрытым ртом.

— В год 907-й пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве, — продолжил дальше лейтенант. — Взял с собою «Великую Скифь» и с этими всеми воинами пошел на конях и кораблях, и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь».

И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

Лейтенант прервал пересказ, какое-то время сидел молча, потом встал. Красноармеец Шестаков тоже встал и продолжал заворуженно смотреть на командира.

Рисунок Вадима ЖУКОВА

— Товарищ лейтенант, как вам удалось все запомнить?

— Не сразу мне это далось, не сразу, Шестаков.

Они осторожно прошлись по периметру этажа, останавливаясь у проемов окон, чутко вслушиваясь и вглядываясь в безмолвные руины города. Потом делились своими соображениями по поводу маршрута предстоящей вылазки за водой. Подходили к Охрименко, взводный выслушивал его мнение.

— Есть еще немного времени, поразмыслим, уточним, — вслух подытожил свои мысли лейтенант.

«Историки» вернулись на прежнее место, присели.

— Еще кусочек повести, и пора собираться.

Игорь Шестаков, не скрывая радостной улыбки, молча закивал.

— И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от этого разболелся и умер он. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Кравцов остановил свой пересказ повести, осмотрелся по сторонам, глянул на циферблат трофейных часов.

— В общем, после Олега княжил Игорь, сын Рюрика, а после Святослав, сын Игорев. В год 969-й сказал Святослав матери своей Ольге и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рыбы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла. После ее смерти Святослав посадил княжить своего сына Ярополка в Киеве, другого сына Олега у древлян, а третьего сына Владимира, рожденного от Ольгиной ключницы Малуши, в Новгороде. В год 971-й пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали болгары одолевать. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч». И прибавил к имеющимся десяти еще десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дань. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их, сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деваться, хотим мы или не хотим, должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые сраму не имут. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас, если моя голова

ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали.

Лейтенант замолчал, посмотрел на часы.

— На сегодня всё, пора собираться. Вот так, Игорь Батькович, праотцы наши прежде думали не о животе своем, а о долге перед Отечеством.

Игорь Шестаков сидел не шелохнувшись, глубоко погруженный в свои мысли. По всему чувствовалось, что услышанное произвело на него сильное впечатление. Его взгляд был устремлен вперед, в сгустившуюся тьму ночи, словно он пытался через ее толщу увидеть сокрытые в глубинах давно минувших веков жестокие сечи с посягнувшими на русские земли врагами.

Легкая улыбка застыла на губах лейтенанта Кравцова, в щелках его прищуренных глаз блеснул озорной огонек.

— Шестако-о-ов, — протяжно, полупшепотом выдохнул он, обращаясь к окаменевшему красноармейцу. — Поторопись из исторических глубин на сегодняшнюю грешную землю...

— А? — встrepенулся Игорь. — Да, да...

Он резко встал, поправил съехавшую на затылок пилотку и, пряча смущенную полуулыбку, уставился на взводного. Тот в упор смотрел на него.

— Не подведешь?

— Не подведу, товарищ лейтенант.

— Вот наступило и ваше время, — Кравцов перевел взгляд на подошедшего к ним Охрименко. — Предлагаю двигаться не сразу в направлении Волги, а сначала в противоположную сторону. Думаю, здесь нас меньше всего ждут. Когда углубитесь, там сами ориентируетесь, где повернуть к Волге. Как вам такой план?

— Вроде все логично... — неопределенно отозвался Шестаков.

— Пойдет, — коротко бросил Охрименко.

— Воды набрать и принести — это само собой, — продолжил взводный. — Постарайтесь также разведать ближайшие позиции наших. Патроны заканчиваются, будем пробиваться к своим. Вот только узнать бы куда...

Лейтенант нахмурил брови, в такт невеселым мыслям покачал головой, пару минут помолчал, потом внимательным взглядом смерил щуплую фигуру Шестакова, на одно плечо которого был брошен вещмешок с пустыми флягами, на другое — карабин, своим прикладом достававший почти до щиколотки красноармейца.

— Дай-ка мне свой карабин, — взводный протянул руку к Шестакову. — И возьми мой ТТ. Думаю, так тебе будет сподручней, да и без лишнего шума...

Командир и подчиненный обменялись оружием.

— Проверьте, чтобы у вас ничего не брнчало и не гремело.

Бойцы слегка попрыгали, поприседали.

— Годится.

Немного помолчали, напряженно вслушиваясь в утонувшую в ночной пучине округу.

— И будьте поосторожнее и повнимательней, — давал последние указания лейтенант. — Ну и в меру поспешайте. Зазеваетесь, не успеете заметить, как солнышко опередит вас. В общем, ждем вас до рассвета с водой и ценными сведениями. Вперед!

Открытые участки бойцы преодолевали ползком, распластавшись на земле, обильно усеянной осколками кирпича, стекла, дробленого бетона. Они всякий раз плотно вжимались в нее, когда над их головами со змеиным шипением взмывала в небо осветительная ракета. Их гимнастерки на локтях и галифе на коленях были изодраны в лохмотья и пропитаны кровью. Боли не чувствовали, все подчинялось одной цели: быстро и незаметно добрать-ся до Волги, до которой, по их подсчетам, оставалось не более четырехсот метров. Легче приходилось, когда они оказывались среди высоких завалов. Внимательно присмотревшись и вслушавшись в окружавшие во тьме ка-менные джунгли, поочередно, перебежками преодолевали их. Пока удава-лось передвигаться незамеченными. Ближе к реке и правее от них изредка раздавались пулеметные очереди. По звуку выстрелов определили: огонь вели дежурные немецкие пулеметчики по подозрительным целям. «Наверно, там оборону еще держат наши», — промелькнуло в голове красноармейца Шестакова.

Вскоре повеяло слабой прохладой, в воздухе стала ощущаться речная свежесть.

— Похоже, Волга уже совсем рядом, — шепнул на ухо своему напарнику Охрименко.

Наконец из-за ближайшей кучи кирпичей, некогда являвшихся частью небольшого строения, показался кусочек долгожданной реки. В свете нарождающегося месяца обозначилось ее зеркало, иногда поблескивая едва различимым голубоватым цветом. Преодолев ползком последний завал, от-делявший их от воды, они замерли и стали внимательно изучать подступы к реке. Привыкшие к темноте глаза уже хорошо различали силуэты прибреж-ных построек, кустов, крупных валунов. Берег Волги в этом месте был обры-вистый, местами с небольшим уклоном.

— Возьмем правее, — Охрименко указал рукой. — Там берег почти до самой воды зарос кустарником, будет незаметнее.

Ползли, соблюдая максимальную осторожность. Через каждые полсот-ни метров останавливались, внимательно изучали отделявшее их от реки пространство. Удача продолжала улыбаться им.

— К воде спускаться будем поочередно, с подстраховкой друг друга, — зашептал Охрименко. — Давай первым. Вернешься, я пойду.

Шестаков послушно мотнул головой и в нетерпеливом желании быстрее увидеть и вкусить вожделенную волжскую воду, поспешил ей навстречу.

Он долго и жадно пил, потом с неописуемым блаженством полностью окунал в водное царство реки голову, поднимал ее и снова с наслаждением глотал и глотал живительную волжскую воду. Вдоволь насытившись, начал наполнять пустые фляги, поочередно доставая их из вещмешка. Заполнив все емкости и уложив их на прежнее место, стал карабкаться вверх, где его уже заждался напарник.

— Что там так долго возился? — не скрывая злости, выдохнул Охрименко.

— Я не долго, я старался быстро, — в свое оправдание скороговоркой зашептал Шестаков.

— Ладно, держи карабин, давай мне пистолет. И смотри в оба!

С реки послышался слабый треск поломанных веток кустарника, потом глухой всплеск воды.

«Уже спустился», — подумал Игорь.

В состоянии ожидания время действительно тянулось мучительно долго. Продолжали раздаваться редкие пулеметные очереди, взлетать в ночные глубины осветительные ракеты. Потом наступала тишина, и на какое-то время еще не остывший от дневных пожаров и превращенный врагом в руины Сталинград погрузился в безмолвие. И было оно коротким.

Вскоре стали слышны шорохи со стороны поднимающегося наверх Охрименко. Неожиданно раздался отчетливый шлепок упавшего с высоты предмета, который со все усиливающимся шумом покатился сверху вниз. С плеча Охрименко сорвался вещмешок с наполненными водой флягами и, ударяясь о камни, с грохотом полетел с береговой кручи по уклону к реке. Удача, так долго сопутствовавшая посыльным за водой, отвернулась от них.

Поблизости в ночное небо взметнулись осветительные ракеты, в длинных очередях зашелся немецкий пулемет, расчерчивая тьму пучками светящихся трасс. Рой смертельных светлячков стал нащупывать своих жертв, неосторожно нарушивших ночной покой. Над головой послышался хорошо знакомый свист пуль, с окружавших кустов посыпались перебитые ветки. Свинцовый дождь совсем рядом с силой вонзался в землю, иногда попадал в камни, высекая огненные искры и рикошетом разлетаясь по сторонам. Он все ближе и ближе подбирался к своим жертвам.

— Быстрее вниз, к реке, — подал голос Охрименко.

Красноармеец Шестаков, преодолев минутное замешательство, заставил себя подняться и на пределе сил рвануть к верхнему краю берега. В несколько прыжков добежал до него и, не раздумывая, прыгнул с береговой кручи. Вниз летел, кувыркаясь, больно ударяясь о камни, не разжимая своих рук, в одной из которых цепко держал вещмешок, набитый флягами с водой, в другой — карабин. Скатился к самому урезу воды, быстро вскочил на ноги. Рядом стоял Охрименко. Береговая круча надежно прикрыла их от пуль.

— Пока не посыпали минами, бегом, за мной! — скомандовал Охрименко.

Под прикрытием обрывистого берега бежали в ту сторону, где, по их предположению, оборону держали наши. Игорь скоро совсем выбился из сил: бежать уже не мог, шел покачиваясь, волоча за собой вещмешок. Вырвавшийся вперед Охрименко остановился, дождался загнанного напарника.

— Что ты вцепился в этот мешок? — набросился на Шестакова. — Кому он сейчас нужен?

— Как кому? — изумленно воскликнул Игорь. — А лейтенанту, ребятам... Они же ждут нас с водой... — только сейчас заметил, что Охрименко бежит налегке, без вещмешка.

— Ждут с водой... — с каким-то издевательским тоном в голосе прозвучало в ответ. — Сейчас не до этого... Пока нас не отправили к праотцам, надо быстрее делать ноги.

Пораженный услышанным, Шестаков растерянно хлопал глазами, с трудом соображая, как ответить.

— К праотцам, к праотцам, говоришь... — глупо повторял он.

Почему-то в этот момент вспомнились слова лейтенанта Кравцова, сказанные им на исходе этой ночи: «Вот так, Игорь Батькович, праотцы наши прежде думали не о животе своем, а о долге перед Отечеством, потому и побеждали».

— Вещмешок я не брошу, — зло бросил в ответ своему оппоненту красноармеец Шестаков. — Забери свой карабин и верни мне пистолет.

— Ну-ну, как знаешь, — ухмыльнулся Охрименко, протягивая Игорю ТТ взамен полученного карабина.

Не успели они пройти и сотни метров, как за небольшим поворотом навстречу им понеслись огненные трассы. Немцы успели выставить на гребне обрывистого берега, у самого его края, пулеметный расчет. Охрименко охватила паника.

— Окружили... Обложили со всех сторон... Окружили... — слышалось его испуганное бормотание.

Он метался взад-вперед, несколько раз попытался вскарабкаться по отвесной круче наверх, но неизменно срывался и падал. Игорь, прислонившись спиной к береговому отвесу, с чувством брезгливости наблюдал за его лихорадочными метаниями. «Как дрожит за свою шкуру», — невольно подумал он.

Охрименко вдруг резко остановился, направил свой взгляд на прибитые к берегу бревна, видимо, когда-то сплавлявшиеся вниз по Волге.

— Давай к бревнам! — поспешно выкрикнул он. — Отталкиваем от берега два крайних, и по Волге из этой западни...

В сложившейся ситуации это была, пожалуй, единственная возможность вырваться из той ловушки, в которую они угодили.

Бревна поддавались с трудом. После нескольких попыток их все же удалось вытянуть из заиленного плена реки.

— Цепляйся вон за то, — Охрименко торопливым взмахом руки указал Шестакову на импровизированное плавсредство. — Да брось ты этот мешок, твою мать!

— Нет! — твердо прозвучало в ответ.

— Какой упертый... Вот и уйдешь вместе с ним на дно.

— Не твои заботы.

— Давай-давай, поумничай здесь.

— Я все равно прорвусь к нашим с водой, я обещал лейтенанту, — уже для себя прошептал Игорь.

Река в этом месте делала плавный поворот. Ее течение с силой напирало на береговой изгиб русла, заставляя отраженную от него движущуюся водную лавину смещаться в сторону фарватера. Бревна с ухватившимися за них бойцами все дальше относило от берега к центру реки. Несколько пулеметных очередей прошли над их головами, вспенивая поблизости воду, и все стихло.

Над противоположным берегом реки обозначилась бледная полоска света, которая постепенно увеличивалась и все сильнее наливалась ярко-красным цветом, пока совсем не запалила весь горизонт, разом полыхнувший малиновым пожаром. Мрак ночи плавно переходил в полумрак, потом и вовсе уступил место светло-розовым тонам. Солнце настойчиво рвалось в небесный простор. Мощные стрелы огненных лучей, пронзая малиновую толщу пожара и заставляя его медленно угасать, все отчетливее выделяли сине-голубые цвета. Они неспешно захватывали небосвод, и уже скоро нельзя было отыскать на исчезающем ночном покрывале огоньки далеких звезд. Наконец над горизонтом стало величественно всплывать само дневное светило, одаривая все живое теплом своего света и заставляя всю округу стряхивать с себя ночную дремоту, приходиться в движение. Водная гладь великой русской реки весело заискрилась, заиграла мириадами блесков, речной простор, его берега начали утопать в потоках солнечного света, все сущее тянулось навстречу ему.

Вдруг идиллию рождения нового дня грубо, противоестественно нарушил рев моторов. Пара «мессершмиттов» на бреющем полете неслась вдоль Волги, отражаясь на ее водной глади черными крестами. Один из самолетов сделал резкий разворот и начал заход на цель — двух бойцов, прилепившихся к бревнам. На фоне утренней тишины необычно громко застучал пулемет. После первого же захода истребителя бревно, к которому прирос Охрименко, продолжило одинокий путь по реке, сиротливо покачиваясь на вспененной от свинцового града волжской воде. Немецкий ас, расплывшись в самодовольной улыбке, стал заходить на вторую цель. Красноармеец Шестаков, одной рукой удерживая вещмешок, а другой крепко обхватив бревно, пытался вжаться, слиться с ним. Над головой промелькнула крестообразная тень самолета, по бревну застучала свинцовая струя, пытаясь раскрошить его в щепу вместе с прилипшим к нему спутником. Одна из пуль попала в руку Игоря, пальцы, цепко удерживавшие вещмешок, разжались, она повисла как плеть. Другой рукой он по-прежнему держался за бревно.

Летчик начал новую атаку. На этот раз она оказалась безуспешной. Фашист продолжил убийство незащитного русского солдата. Самолет кружил и кружил над целью, убийца с остервенением жал и жал на гашетку пулемета, пока не закончился боезапас. Вокруг бревна уже расплылось большое кровавое пятно, но красноармеец Шестаков продолжал каким-то чудом держаться на плаву. Бог еще не отвернулся от солдата.

Бревно с человеком уносило течением к речному острову, из прибрежных кустов которого несколько красноармейцев, до боли сжимая кулаки, наблюдали циничную расправу над одним из защитников Сталинграда. Вскоре они выбежали на берег, стали размахивать руками, что-то кричать. Обрывки их фраз долетали до теряющего сознание красноармейца Шестакова, из которых он смог выделить только слово «держись». Еще можно было невероятным усилием воли удерживать себя на бревне, но в замутненном сознании красноармейца все назойливее стучала, не давала ему окончательно собраться с силами одна мысль: что скажет он этим людям на берегу в свое оправдание, как он будет смотреть в глаза лейтенанту и остальным ребятам, еще продолжающим с неумиряющей надеждой ждать его с водой. В ушах неожиданно зазвучал приглушенный голос лейтенанта Кравцова: «Мертвые сраму не имут». Эти слова насквозь прожгли Игоря, набатом застучали в голове. Обескровленные губы юного защитника Сталинграда беззвучно прошептали: «Мертвые сраму не имут...» Рука, державшаяся за спасительное бревно, ослабла, соскользнула с него, тело солдата стало медленно и навсегда погружаться в глубины главной реки многострадальной России, дающей вечный приют еще одному из тысяч русских воинов, не щадивших живота своего за Отечество.

Дмитрий АРТИС

«И как будто сотню лет нет войны и смерти нет»

* * *

У детей на историю
собственный взгляд,
они лучше нас понимают,
о чём говорят.
Вот и мой малолетний сын
словами вселенную грузит,
рассказывая о тех,
кто жил в Советском Союзе.

Взяв меня за руку,
водит по площадям
и говорит без умолку,
уши мои не щадя:
— Советские люди были
такими большими,
что не могли поместиться
в обычной машине,

АРТИС Дмитрий (Краснов-Немарский Дмитрий Юрьевич) — поэт, драматург, член Союза писателей Санкт-Петербурга и Южнорусского союза писателей. Родился в 1973 году. Окончил Российскую академию театрального искусства и Литературный институт имени А. М. Горького. Живет в Домодедове. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Российский колокол», «Нева», «Юность», «Дети Ра», «Огни Кузбасса» и др. Лауреат национальных и международных премий в номинациях «Поэзия», «Драматургия» и «Литературная критика». Участник СВО, ветеран боевых действий, награжден медалью «За храбрость».

поэтому чаще
ходили пешком,
когда на Берлин, а когда
за парным молоком.
Улыбались друг другу,
будто ничто не тревожит,
и были они, представь себе,
на памятники похожи.

А ещё советские люди
были умнее всех,
знания помогали
раскалывать грецкий орех.
Возьмут его в руки, бывало,
и даже не будут стараться:
орех разлетится сам
на тысячу электростанций.

Советские люди были
сильнее индийских слонов,
могли на субботниках брёвна
подкидывать до облаков,
и если детей обижали
свирепые бабайки,
то рвали советские люди
свирепых бабаек на майки.

Слушаю и удивляюсь,
вопрос возникает один:
откуда так много знает
мой малолетний сын?
Я ведь ему не рассказывал,
но память моя бородата,
точно помню, что были
такие люди когда-то.

* * *

Больше салютов,
красивых и разных,
больше огня
и любви,
чтобы стоял
отрезвляющий
праздник
Спасом
на чёрной крови.

Сажу смахнут
свежесрезанной веткой,
выбелят
накипь и гарь,
только

«И КАК БУДТО СОТНЮ ЛЕТ НЕТ ВОЙНЫ И СМЕРТИ НЕТ»

останется
в памяти предков
залитый
кровью алтарь.

Выпив
и радость,
и горе из чашек,
будто одно
вещество,
прошлое чтут,
без которого в нашем
будущем
нет ничего.

Детское

Селу
сегодня
повезло:
бойцы
зачистили
село.

Другому
также
повезёт:
в него
зайдут
бойцы
вот-вот.

Потом
военная
метла
зачистку
третьего
села
начнёт,
и будет
чисто
на свете
без
фашиста.

Колыбельная

Тихо-тихо. Бой прошёл, и
не свистят над ухом пули.
Спрятав лица в капюшоны,
парни русские уснули.

Спят в окопах автоматы
после страшной заварушки.
Замолчали виновато
куковавшие кукушки.

Было жарко, стало сыро.
Ветром облако полощет,
и висит кусочек мира
над задумавшейся рощей.

* * *

Я здесь, и мысли о тебе
наполнены любовью.
Жую простуду на губе
и сплёвываю кровью.

Смотрю, процеживая мрак,
и слепну от пожарищ.
Лицом к лицу заклятый враг,
плечом к плечу — товарищ.

Ты с нами, мы в одном строю,
ты тоже месишь глину.
Я грудью за тебя стою,
ты — прикрываешь спину.

Мороз нахлынувшей зимы
и жар лихой години...
Ты тоже здесь, и, значит, мы
никем непобедимы.

* * *

В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе
я точно не умру от жалости к себе.

Как три копейки прост, продлив отца и мать,
я буду в полный рост безвременье встречать.

На вороном коне без отдыха и сна.
Удача будет мне, как женщина, верна.

Под орудийный бит, открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.

С поддержкой огневой в пыли святых дорог
вы будете со мной, и с нами — русский Бог.

* * *

Поле боя,
где солнце по-летнему
подрывает себя
на закат,
ветераны покинут
последними,
прикрывая
отход салажат.

Непонятен приказ
к отступлению.
Слабакам
в колотун горячо.
Только-только ведь
кровушка вспенилась
и почти
раззуделось плечо.

Здесь пока
всесоюзная здравница!
Но, слезу
вышибая из глаз,
даже если солдату
не нравится,
он обязан
исполнить приказ.

Города и селения
пройдены,
отступить —
это значит предать.
Не такому
учила нас Родина,
беспощадная
Родина-мать.

Потому
ветераны упорно
отползать в камыши
не спешат,
прикрывая
не нюхавших пороха
и не знавших войны
салажат.

* * *

Жахало и пенилось в ушах,
спали штабелями в блиндажах,
кипятили снег на зажигалке
и, смеясь, пристреливали палки.

Положив под голову клешни,
матерились хуже алкашни.
Трудно разговаривать культурно,
посчитав потери после штурма.

Забирали улицы, мосты,
базы, укрепления, посты
у проворовавшего гада.
Всё своё — чужого нам не надо.

После боя, смазав калаши,
в женщинах не чаяли души,
байками затравливали ночи
и домой хотели... Но не очень.

* * *

Не видать
в прицеле солнца.
Фронт стоит,
не шелохнётся.
Распустившийся
мороз
на два метра
в землю врос,

и порывистым
галопом
скачет ветер
над окопом,
выбивая по пути
из патронов
конфетти.

* * *

Вернулись парни с боевого,
вернулись на своих ногах.
Жива Россия и здорова,
чего не скажешь о врагах.

Сгущались над равниной тучи,
но верен был и был суров,
как Божий суд, отряд летучий
безбашенных штурмовиков.

Отваге есть куда излиться
слепящим ливнем из ведра.
На месте вражеских позиций
теперь бездонная дыра.

«И КАК БУДТО СОТНЮ ЛЕТ НЕТ ВОЙНЫ И СМЕРТИ НЕТ»

И проще самого простого
сказать о сущностях земли:
вернулись парни с боевого,
распили чай и спать легли.

Синица

Полночь.
В небе
звёздный улей.
Поле белое
лоснится.
Развлекает
в карауле
сердобольная
синица,
и шевелятся усы
нашей
лесополосы.

В блиндаже
чужая нычка
переполнена
бычками.
Птичка
ростом невеличка,
а по воздуху
чеканит,
чтоб
уставший караул
от мороза
не уснул.

Сколько
клювиком
ни щёлкай,
не возьму тебя
на мушку!
Время льётся,
как сгущёнка
в металлическую
кружку,
и как будто
сотню лет
нет войны
и смерти
нет.

Александр СМИРНОВ

А поиск документов времён войны продолжается...

Успехом завершился многолетний поиск, не часто так бывает.

Занимаясь архивным поиском уже много лет, главной своей целью считаю установление судьбы солдата: где родился, как жил, как защищал Родину во время войны, а если отдал за нее жизнь, то где погиб, похоронен ли и как увековечен. Уже тысячи судеб прошли перед глазами, и всегда стараюсь помочь родственникам узнать про их родного человека: где он воевал, как погиб. Врать и приукрашивать категорически нельзя, приписать его имя на какой-нибудь памятник, чтобы сделать приятное родным, — это не про меня. Война была страшной, так какая приятность нужна? Вся моя работа — поход за правдой.

В Светлоярском районе Волгоградской области, южнее Волгограда, есть два села: Большие и Малые Чапурники. Они расположены рядом с элистинской трассой. Село Большие Чапурники до войны было райцентром. Когда враг подошел к его окраинам, все органы власти эвакуировались в село Светлый Яр, да, видимо, так там и остались. В 1949 году этот переезд узаконили, и центром Красноармейского сельского района стал Светлый Яр. В 1960 году район переименовали в Светлоярский.

СМИРНОВ Александр Александрович — консультант администрации Светлоярского района Волгоградской области, член Союза журналистов России, член Совета ветеранов Красноармейского района Волгограда, специалист поиска «Судьба солдата», «Поискового движения России». Родился в 1959 году. Живет в Волгограде. Занимается архивной и поисковой работой. Автор «Книг нашей памяти» по Красноармейскому, Светлоярскому и Среднеахтубинскому районам Волгоградской области.

А ПОИСК ДОКУМЕНТОВ ВРЕМЁН ВОЙНЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Во время Сталинградской битвы эти рубежи обороняла 15-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием гвардии генерал-майора Емельяна Ивановича Василенко.

Однажды я обнаружил в записках директора Дома культуры в селе Большие Чапурники Геннадия Макарова (ныне покойного) рассказ о пропавшей разведгруппе. После освобождения нашей земли от оккупантов 18 человек были найдены со следами страшных пыток, из них опознаны, как писал Геннадий Васильевич, всего несколько человек. В центре Больших Чапурников они были похоронены в братской могиле. Эта история описана в армейской газете «На защиту Родины», в ней опубликован акт от 1 декабря 1942 года о зверствах фашистов. В существующей сейчас братской могиле, которая находится за Домом культуры, в настоящее время числятся 118 человек, но никого из разведчиков среди них нет. В документах о потерях эти несколько воинов значатся только как пропавшие без вести, поэтому их нельзя сейчас увековечить в братской могиле.

В августе 2022 года в администрацию села Большие Чапурники пришло письмо из Калача-на-Дону от Анатолия Арефьева, внука гвардии лейтенанта Ивана Аверьяновича Леонова. Он узнал в интернете об истории погибшей разведгруппы и о судьбе своего дяди и обратился с просьбой об увековечении его в братской могиле в селе Большие Чапурники. Чтобы это сделать, надо найти документальные свидетельства, подтверждающие факт гибели: либо акт о захоронении, либо газету, в которой эта история описана.

По телефону Анатолий Львович мне рассказал, что поисками деда занимались его родственники, но безрезультатно. Гвардии лейтенант Леонов после окончания Винницкого военно-пехотного училища волей судьбы оказался в 80 километрах от своей родины. Сейчас жива его дочь, мама Анатолия Львовича, которой было всего три года, когда отец уходил на фронт, и она очень хотела найти могилу своего отца всю свою жизнь.

Поиск армейского издания оказался трудным и длился более двух лет.

В годы войны в каждой дивизии и армии выпускались свои армейские газеты. В 64-й армии была газета «За Родину», в 57-й — сначала «Сталинский воин», потом «Звезда Советов», в 51-й — «Сын Отечества». В 422-й дивизии выходил «Красный стрелок», в 15-й гвардейской — «На защиту Родины».

15-я гвардейская стрелковая дивизия входила с начала Сталинградской битвы в состав 57-й армии, а с ноября 1942 года — 51-й армии. Она защищала Большие и Малые Чапурники, освобождала Дубовый Овраг. Мне надо было найти подшивку газет «На защиту Родины» этой дивизии.

Сначала я обращался в архивы, музеи и библиотеки в Волгограде. Потом был поиск в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. А там параллельно делался запрос по другим центральным библиотекам: научной библиотеке МГУ, Государственной публичной исторической библиотеке, Российской национальной библиотеке, Центральной универсальной научной библиотеке имени Н. А. Некрасова. Пока везде я получал отрицательные ответы. Летом 2023 года мне довелось поработать в Центральном архиве Министерства обороны России в Подольске. Там меня сначала обрадовали, и я получил подшивку дивизионной газеты «На защиту Родины». Но только с января 1943 года. А мне нужен был декабрьский номер за 1942 год! Разочарование было ощутимым, и я заставил себя взять паузу в поиске.

А ПОИСК ДОКУМЕНТОВ ВРЕМЁН ВОЙНЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

В сентябре 2024 года я зашел к своим друзьям в музей «Старая Сарепта». Меня тронула за рукав сотрудник отдела фондовой работы Елена Журавлева: «Саша, в личном архиве одного ветерана, Зайцева Александра Сергеевича, обнаружены копии армейской газеты, зайди, посмотри». В фондах «Старой Сарепты» хранятся документы в основном 15-й гвардейской дивизии, поэтому что-то подсказывало: «А вдруг?» Я срочно получил все разрешения на знакомство с этими документами. Это были бледные ксерокопии номеров газеты «На защиту Родины» за ноябрь и декабрь 1942 года в отдельном конверте. Свершилось! Нахожу то, что так долго искал: номер газеты за 7 декабря 1942 года. Она выходила на одном листе формата примерно чуть больше А4. На второй полосе читаю: «Акт о зверствах гитлеровцев над пленными красноармейцами и командирами. Составлен 1 декабря 1942 г. в 4 км на юго-запад от села Б. Ч.» И далее: «Мы, нижеподписавшиеся, гвардии капитан Пидпалый, военврач 3 ранга Майский, гвардии старшина Павлов, гвардии красноармеец Сороколетов, председатель сельсовета Дробин, колхозники Плупеник и Гайкина, составили настоящий акт о зверствах румынских фашистов над пленными красноармейцами и командирами Н-ской гвардейской части. 18 трупов бойцов и командиров обнаружены в 4 километрах на юго-запад от села Б. Ч. При осмотре обнаружено следующее: гитлеровцы, захватив в плен гвардейцев, подвергли их жестоким пыткам и избиению. Следы зверств имеются на каждом трупе...» И далее перечисляются опознанные бойцы с описанием следов пыток у каждого:

1. Гвардии сержант Яковлев, Николай Ильич.
2. Гвардии красноармеец Петренко, Николай Ефимович.
3. Гвардии политрук Мазин, Петр Дмитриевич.
4. Гвардии красноармеец Комасов, Исламбек.
5. Гвардии лейтенант Леонов, Иван Аверьянович.
6. Гвардии красноармеец Юнасов, Зинят Ивакирович.
7. Гвардии красноармеец Ахматов, Мамадин.

«Трупы остальных товарищей настолько изуродованы, что опознать их не удалось». Каждый неопознанный труп описан со следами страшных зверств фашистов. «Все трупы обнаружены в месте расположения штаба батальона Н-ского полка Н-ской пехотной дивизии румын».

Некоторые пояснения: Б. Ч. — очевидно, это село Большие Чапурники. Указывать номера воинских частей в газетах запрещалось, поэтому использовалась всем привычная формулировка «Н-ская часть или Н-ский гвардейский полк».

На той же странице газеты есть еще две статьи об этом событии. В первой призыв к бойцам отомстить за погибших товарищей и уничтожать всех захватчиков до одного. В другой рассказывается о похоронах найденных разведчиков. «Большой холм родной земли. Под ним покоятся 18 гвардейцев. Под ним покоятся 18 честных, мужественных советских воинов. Позорному рабству они предпочли мученическую смерть. Почтить их память собралось на митинг много бойцов, командиров, колхозников». И далее выступление гвардии старшины Павлова с призывом отомстить за смерть своих товарищей.

Проверка имен этих бойцов 44-го гвардейского стрелкового полка 15-й гвардейской стрелковой дивизии из опубликованного акта по донесениям о потерях, размещенным в интернете на сайте Министерства обороны России «Память народа», дала также повод поразмышлять. Юнасов

в документах числится как Юнусов Зия Закирович, Ахматов — Ахманов Мамаджан. Мазин указан как младший политрук, зам. командира роты по политической части. У Леонова только в учетно-послужной карте стоит дата пропажи без вести 20.10.1942. В остальных документах у него, а также у Яковлева, Мазина, Юнусова и Ахманова стоит дата пропажи без вести 26.10.1942 с указанием места, где они пропали: «Выселки 14».

Петренко, возможно, был неверно идентифицирован. Согласно донесению штаба 15-й гвардейской дивизии от 24 октября 1942 года, гвардии красноармеец Петренко Николай Ефимович погиб раньше, 8 октября, западнее Больших Чапурников и был похоронен в одной из трех братских могил в селе Малые Чапурники (его имя было на памятнике после войны). То есть еще до вылазки разведгруппы в тыл врага.

Комасов Исламбек, скорее всего, тоже был неверно идентифицирован, потому что гвардии красноармеец 44-го гвардейского стрелкового полка Капасов Исламбек умер 1 мая 1943 года в госпитале ЭГ-1796 и был похоронен в Красноармейске, а в 1948 году перезахоронен в братскую могилу на площади Свободы в центре Красноармейского района Волгограда, где и увековечен сейчас.

Поэтому надо признать, что из 18 неопознанными являются оставшиеся не 11, а 13 бойцов.

В библиотеке села Большие Чапурники хранится историческая справка, составленная 8 февраля 1965 года накануне празднования 20-летия Победы. В ней говорится, что в братской могиле в центре села похоронены 32 воина, из них два офицера. Там же есть альбом, в котором приведены имена этих героев. Бережно хранятся эти материалы с фотографиями, где запечатлены ветераны 15-й гвардейской дивизии, приезжавшие на места своих боев на День Победы спустя двадцать лет после окончания войны. Они возлагали венки к памятнику, который и сейчас стоит за современным Домом культуры. Среди тридцати двух имен нет наших разведчиков. Согласно исторической справке, памятник был установлен в 1954 году.

Что же это за непонятные «Выселки 14»? На карте смотрим место в четырех километрах юго-западнее от села Большие Чапурники.

Я очень надеялся на помощь старожилов.

Первый звонок к Валентине Петровне Савельевой. Я несколько раз уже раньше беседовал с ней о военных буднях в Больших Чапурниках. Ей уже 89 лет, но ее голос и ясный ум обманывают этот возраст. Спрашиваю:

— Тетя Валя, не помните ли вы такое место — Выселки? Оно должно было быть в сторону Обломова, на юго-запад от села, где сейчас рыбхоз.

— В ту сторону от нас шла тропинка, мы называли ее «Маштакова дорожка». До Обломова было напрямки километров шесть. Про Выселки я слышала как-то, да, были в той стороне, но не обращала на это внимания и почему-то представляла их в другом месте.

— Расскажите, пожалуйста, про солдатские могилы.

— Мне мама говорила, что наше кладбище ведет историю с 1937 года, там мой братик похоронен еще в 1940 году. А рядом было большое углубление, вроде как земля просела. Мама говорила, что тут похоронены солдаты, их привезли откуда-то. Всегда она при посещении кладбища оставляла

А ПОИСК ДОКУМЕНТОВ ВРЕМЁН ВОЙНЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

что-то поминальное на этом месте, где лежат солдаты. А наша братская могила, которая за Домом культуры, появилась гораздо позже. На берегу Сарпы были похоронены солдаты, которые погибли от бомбежки, и их решили перенести сюда, к клубу.

Благодарю Валентину Петровну, снова удивляюсь ее четкой памяти. Осталось найти это место на нынешнем кладбище. Тетя Валя сказала, что сейчас это самый его центр.

На следующий день я поехал в Большие Чапурники, пришел на кладбище. Там встретил женщину и спросил про Савельевых. Совершенно случайно это была сноха тети Вали — Людмила. Она провела меня к могиле матери тети Вали — Гадышевой Ольги Викторовны. А рядом — большой участок «свободной» земли, примерно 20 на 20 метров. Только жухлая трава колосится. Кажется, об этом участке и шла речь. Ориентир — прямо напротив входа — столб, который стоит за кладбищем.

Вот какой вывод напрашивается: найденных солдат из разведгруппы похоронили не в центре села, а на сельском кладбище, на центральном месте.

Что же, будем действовать дальше. Если не возражает местная администрация, надо приглашать поисковый отряд. Они должны методом разведочных шурфов определить, действительно ли речь идет о красноармейцах. Если да, то в селе Большие Чапурники будет зарегистрирована еще одна воинская братская могила.

Так как акт нашелся, то увековечение в новой братской могиле на кладбище в селе Большие Чапурники этих 18 бойцов должно обязательно произойти: пять человек с именами (Леонов, Мазин, Яковлев, Юнусов и Ахманов) и 13 как неизвестные.

Внук лейтенанта Леонова Анатолий Львович мне сказал, что они обязательно приедут к деду.

А поиск документов времен войны продолжается...

В оформлении второй стороны обложки и рубрики «Галерея» использованы картины из коллекции Волгоградского музея изобразительных искусств имени И. И. Машкова, а также работы художников, представленные на выставке проекта «Победители» в Волгоградской областной универсальной научной библиотеке имени М. Горького.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение культуры
«Волгоградская областная универсальная
научная библиотека им. М. Горького»

ИЗДАТЕЛЬ: ГБУК ВОУНБ им. М. Горького
400066, Волгоград, ул. Мира, 15
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 22,4

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
400066, Волгоград, ул. Мира, 15
ТЕЛЕФОН: 33-20-19

Электронная почта: otchiykray@mail.ru
Редакционный сайт: <https://otchiykray.ru/>
ВКонтакте: https://vk.com/otchiykray_vlg

Рукописи принимаются по электронной почте